

МИХАИЛ
ЖИГЖИТОВ

■
**снежный
обвал**

МИХАИЛ
ЖИГЖИТОВ

СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1967

Больше половины жизни прожил Михаил Жигжитов в тайге, на озере Байкал.

Неутомимый охотник неоднократно подвергался серьезным опасностям: несколько раз тонул в холодных водах Байкала; вступал в схватки с медведями... И вот профессиональный охотник берется за перо, чтобы поведать читателю о замечательных тружениках тайги и показать красоту и прелесть родного края.

Бурят по национальности, М. Жигжитов пишет по-русски. Повести и рассказы его подкупают достоверностью и тонким знанием природы Прибайкалья.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Когда я ехала впервые в Максимиху, путь мне казался очень долгим: не терпелось поскорее увидеть Жигжитова. Встреча с автором полюбившейся книги всегда интересна. А Жигжитов к тому же необычный автор. Он живет в тайге. И промышляет охотой. У него две профессии: писатель и охотник. Другого такого в нашей стране больше нет.

...Уже шестой час кряду мы едем по забайкальской тайге. Деревни попадаются редко. Лес и лес без конца и края.

— Вот и Максимиха,— слышу, наконец от шофера, когда из-за поворота открылся поселок.— На пригорке жигжитовский дом.

Открываем калитку. На дорожке распластались две собаки. Сибирские лайки. На нас, вошедших, не обращают внимания. Я озираюсь по сторонам. Банька. Сарай. Огород. И обычная деревенская изба. У входа висит медвежий череп.

— Вот этот медведь чуть не сожрал нашего Жигжитова несколько лет назад,— шепчет мне шофер, кивая на череп.

Острые клыки, темные пустые глазницы — все, что осталось от страшного хищника, который напал тогда на Жигжитова. Как удалось охотнику победить?

Я представляла Жигжитова большим, степенным, немного угрюмым и замкнутым. И почему-то непременно с бородой. А на пороге появился человек среднего роста, худощавый, собранный. Лет пятьдесят ему. Одет,

как любой здешний охотник. Ничего выдающегося. Разве только глаза? Цепкие, зоркие и очень добрые узкие глаза бурята.

Много дней я прожила у Жигжитова в деревенской избе, с печью посередине и тремя дощатыми переборками. Кабинета с письменным столом в этом доме нет. И тишины творческой никогда не бывает. Даже ранним утром, когда Жигжитов работает, присев к обеденному столу, дом уже полон шума.

Я все никак не могла привыкнуть, что Жигжитов писатель. Обыкновенный деревенский житель. Как всякий в Максимихе, уходит ночью на лодке в море (так зовут здесь Байкал) добывать рыбу. Таскает на коромысле ведрами воду для своего хозяйства. Строгает доски. Колет дрова.

И речь у него не изысканная — пересыпана местными словами и оборотами. И мудрость его не книжная. Она из жизни. Это опыт веков. Без такого опыта немыслим охотник. В тайге он один на один со всей природой, могучей, неумолимой, порою жестокой. Надо знать от отцов и дедов (в книжках о том не прочтешь), что если увел тебя соболя далеко от твоего зимовья и настала ночь, не пытайся добраться под крышу, хоть и мороз, — разведи костер и сиди возле него до утра, поворачиваясь к огню то спиной, то лицом. Если застала тебя в тайге неожиданная пурга, сооруди срочно шалаш и отсиживайся в нем, пока не утихнет. Если кончилась пища, умей терпеть голод и зной, какой корень можешь погрызть, не боясь отравиться. Должен читать всякий след на снегу, понимать каждый звук, легкий шорох: какой из них принесет добычу, какой грозит гибелью.

Опыт веков — мудрость охотника. И Жигжитов богат этой мудростью. Иначе не висел бы сейчас череп медведя над входом.

Я долго ждала, когда он расскажет мне о схватке с медведем. Жигжитов не любит говорить о себе, о своем промысле. Как всякий охотник, он сдержан и молчалив. Лишь через несколько дней он поведал мне о том таежном поединке.

...Пошел он тогда в тайгу без собак. Сумерки уже сгустились. Продирается сквозь чащу к тропке, и вдруг из-за колодины выскакивает медведь. Огромный, двухметровый. Не успел Жигжитов опомниться, как медведь выбил у него ружье. Тогда Жигжитов в открытую клыкастую пасть запустил правую руку и ухватил медвежий язык — есть

такой прием у охотников. Лучше одной рукой рискнуть, чем жизнью. Тянет он, что есть силы, за язык. Взревел медведь, стиснул клыками руку охотника. А Жигжитов тем временем левой рукой (он левша) вонзил нож точно в сердце врага. Медведь тут же разжал пасть и упал за-
мертво. Человек оказался сильнее.

Окровавленный, с переломанной рукой, Жигжитов сделал засечки на деревьях, как положено, чтоб тушу потом найти, перевязал голову и руку разодранной рубахой и побрел домой.

Шел всю ночь. Под утро добрел до дороги и свалился без чувств у березы.

— Подобрал меня проезжий шофер и отвез в больницу, — закончил Михаил Ильич свой рассказ.

Месяц он лежал в больнице, выздоровел и опять ходит в тайгу, по-прежнему добывает соболя, лося, медведя.

А это значит: отправляясь на три месяца в тайгу, десятки километров тащить за плечами ружье и понягу¹, в которой все: и продукты, и патроны, и одежда, и порох, и книги. Добредет до своего зимовья, свалит ношу, отдохнет. И наутро с ружьем, с облегченной понягой — выслеживать соболя. Соболю хитрый и ловкий. По несколько суток приходится гоняться за одним маленьким зверьком, изнемогая от усталости, кое-как питаюсь, ночуя в стужу у костра. А порой возвращаешься в зимовье с пустыми руками. Нелегкий это труд.

Месяцами бродит Жигжитов с ружьем там, где, кроме него, не бывал человек, где все нетронуто, как стояло веками. Зоркий глаз охотника все примечает. А сердце художника забьется сильнее, когда перед ним откроются новые красоты и появится желание рассказать об этом людям, поделиться с ними. Тогда Жигжитов берется за перо.

Пишет в основном летом, когда у охотников не сезон. Ему дают в зверопромхозе творческий отпуск. Рассказы и повести Жигжитова печатают в местных газетах, в журналах. В Улан-Удэ вышла его первая книга «Преступление в тайге». А новая книга Жигжитова «Снежный обвал» — далеко перешагнет пределы Бурятии. Она расскажет тысячам советских читателей о Сибири, о могуществе и кра-

¹ П о н я г а — доска с лямками. К ней с помощью тонких ремней привязывается куль с продуктами.

соте ее тайги. «...Вы не найдете лесов, красивее наших, нигде не сыщете рек стремительней и прозрачней», — уверяет автор. С его страниц Байкальское Подлеморье встает перед вами во всем своем первозданном великолепии.

А Байкал? Он то синий, ласковый, то изумрудный, то свинцовый, свирепый. «Славное море, священный Байкал» особенно красив на заре или во время заката. «Словно лиственница, падая, наклонилась над водой и пылает жарко, сухо; темнеют горы, подернутые пеплом. И долго еще горит Байкал, будто яркий свет медленно опускается под зеленые воды».

Жигжитов любит свое Подлеморье. И всякий раз, открывая перед вами красивый уголок своей родины, он радуется снова и снова и заражает всех любовью и восхищением.

А таежники, поморы, о которых пишет Жигжитов, казалось бы, ничем не приметны. Обыкновенные рабочие, промысловики. Добывают людям мясо, пушнину и рыбу. Но труд их, самый древний на нашей планете, и поныне — это напряжение всех физических и духовных сил человека. Это постоянное преодоление трудностей. Это подстерегающие на каждом шагу опасности. Таежники — сильные, мужественные люди. И добывают-то они настоящее золото. Маленькая шкурка баргузинского соболя стоит на мировом пушном аукционе столько, что на эти деньги покупают легковой автомобиль. А во время войны один соболь давал нашей армии... танк. Чистую валюту приносят стране сибирские охотники, о которых повествует в своей книге Жигжитов.

Внешне жигжитовские герои грубоваты, сдержанны. Но когда поближе познакомишься с ними, узнаешь: это не только выносливые, сильные люди. Они благородны, чутки к чужой беде. Помогать другому, порой незнакомому — для них закон.

И говорит о них Жигжитов без восторгов, без придыхания. Он просто рассказывает вам, какие люди живут в забайкальской тайге.

Не по лыжне, а по «чумнице», сумасшедшей, петляющей меж стволов, хлещущей по лицу колючими ветками, прыгающей через колодины, проваливающейся в неожиданные пропасти, несется его охотник, преследуя добычу.

Нерповщики бредут по белому слепящему льду Байкала в поисках «тарелочника» — круглых, как тарелки, льдин,

где непременно должны греться на солнце нерпы. Бредут в поисках добычи, обходя стороной те места, где «игольник», забитый мелкими, тонкими, острыми, как иглы, льдинками. И далеко в море виднеется «черновина — табор неизвестных нерповщиков».

Таежники немногословны, поэтому каждое слово у них очень емкое, образное. И Жигжитов, используя местное наречие, доносит до вас весь аромат Подлеморья, родной забайкальской тайги.

К своей литературной работе Жигжитов относится очень ответственно. Для него это не только возможность изложить людям свои мысли и чувства. Он уверен — в художественном слове таится огромная сила. И воспользоваться этой силой, когда надо, он считает себя обязанным. Был такой случай в Максимихе. Однажды участковый милиционер пожаловался Жигжитову:

— Замучили, Михаил, браконьеры. Бьют лося во время наста. Помог бы хоть ты выявить, кто браконьерит.

— Это вроде как шпионить за охотниками? Нет, брат, лучше я напишу рассказ, — ответил Михаил Ильич.

И Жигжитов написал рассказ. Написал сильно, проникновенно, и назвал его: «Преступление в тайге».

Когда рассказ напечатали, к Жигжитову пришел разоблаженный старик Касьяныч:

— Ты пошто же это, Михаил, меня на вшю Бурятию ошлавил? Лучше бы так шкажал, паря. А то в рашшкаж.

— Да ведь там Филиппом Гунявым зовут браконьера, а не Касьянычем.

— Гунявый-то Гунявый, а говорит у тебя, как я: «зырная», «укушила», «жмея», — не унимался Касьяныч.

— Да ведь то баргузинское наречие. Все вместо «з» — «ж» говорят, вместо «с» — «ш», — доказывал Михаил Ильич.

— Уз што там наречие, — вздохнул Касьяныч. — Не охотник я больше. Штарым штал. Жря ходил вешной, когда узе нашт. Верно ты напишал: жверя надо залеть. Не пойду больше. Бердану даже продал.

И браконьерство в Максимихе почти прекратилось.

«Преступление в тайге» — трепетный зов сердца, сердца человека, влюбленного в свой край, человека гуманного, чистого: не только любуйтесь природой, но берегите ее, наше сокровище и богатство!

Каждое произведение Жигжитова — это сколок жизни Байкальского Подлеморья. Свежестью, непосредствен-

ностью, мужеством веет от слова писателя, как от той природы, которую он поет.

...С марта по октябрь — писательский сезон у Жигжитова, с октября по март — охотничий. Но и там, в тайге, на охоте, он не перестает писать. Вечером, утомленный, возвратясь в зимовье, после ужина он ставит поближе десятилинейную керосиновую лампу и делает короткие записи о том, что увидел нового в тайге, что понял или почувствовал. А когда возвращается с соболем, настроение бывает великолепным. Никакой усталости. Только радость. И вот бы ею поделиться с кем-то. Но в зимовье он один. Впрочем, не один. У него есть редкий дар общаться с людьми и тогда, когда их нет рядом.

И там, в зимовье, он отдает людям часть своей радости, боли, восхищения. Он изливает им душу свою.

И ничего, что узнают об этом люди много позже, а не в ту холодную ночь, когда в охотничьем зимовье склонился над бумагой писатель Жигжитов.

И. Буркова

П О В Е С Т И

■

СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ

Закат на Байкале. Словно лиственница, падая, наклонилась над водой и пылает жарко, сухо, темнеют горы, подернутые пеплом. И долго еще горит Байкал, будто жаркий свет медленно опускается под зеленые воды.

Я сижу на самом берегу Байкала, там, где сухой и чистый песок скрипит под ногами, как лист тонкой бумаги. Сижу, зачарованный. Не могу оторвать глаз от темно-синих гор Святого Носа, зубчатые вершины которого щедро окрашены в пурпур. Это уходящее солнце взмахнуло алым платком, посылая нам ласковый прощальный привет.

С Байкала доносится и усиливается звук, который связывается у меня с ощущением вихря холодных волн. Это приближается «матадор». Да, да, у нас на Байкале есть свои «матадоры» — или, попросту говоря, моторные лодки.

Я уезжаю с рыбаками на промысел. Наш «матадор» снова уходит в море, и мне приятно слушать стук мотора, видеть довольные лица своих товарищей, легкие удары пологих волн.

Я очень люблю Байкал и свое Подлеморье. Может быть, это единственное, о чем я могу сказать, не задумываясь и не смутившись: вечно и навсегда.

Подлеморье — это значит, у моря, у Байкала.

Обойдите всю Сибирь... Нет, не нужно попусту тратить время. Все равно вы не найдете лесов красивее наших, нигде не сыщете рек стремительней

и прозрачней. На середине хребтов, там, где покрытые лесами горы начинают переходить в гольцы, в зарослях кедростланика и тальника бегают белые куропатки. В глубоких ущельях даже в июльскую жару не тают снега. Здесь наслаждаются прохладой дикие олени, а в густом ельнике, где царит вечный полумрак, растянувшись под огромной кедровой колодой, давно заросшей мхом и душистой смородиной, дремлет медведь.

Выберите место и укройтесь неподалеку от тропы, ведущей на водопой. Уверяю вас, нехитро это сделать. Здесь главную роль играют терпение и выдержка. Через пару часов вы увидите, как важно вышагивают таежные великаны лоси, чинно идут красавцы изюбри, быстро промелькнет осторожная коза. По колоде бесшумно проскочит черный соболь. Заметив смертельного врага, мамаша-белка сердито зацокает и стремительно скроется в густой кроне сосны.

Поднимитесь на вершину гольцов. Далеко-далеко, насколько хватает глаз, откроется перед вами неоглядная синь, подсвеченная солнцем, а вокруг Байкала горы тоже синеватые.

Кривым охотничьим ножом врезались в море гребни Святого Носа, за ними голубое зеркало Чивыркуйского залива, почти рядом группа малюсеньких островков. Издали они похожи на зайчиху с зайчатами, а поэтому народ называл их Ушканьими. Здесь лежбище байкальского тюленя. В тихую погоду множество нерп взбирается на прибрежные камни и под лучами солнца так разнежатся, что подпускают человека на десяток шагов.

В окружающих гольцах можно встретить и горное озеро; в нем столько рыбы, что диву даешься, откуда она тут взялась. Ведь это горное озеро не соединяется ни с Байкалом, ни с реками.

А рек здесь бесчисленное множество. Куда ни пойдете — всюду вам встретится шумящий горный поток. Не спрашивайте, водится ли в нем рыба, — отыскивайте себе тихие плесы или глубокие уловы, и рыбацьте сколько душе угодно — без хариусов и ленков домой не вернетесь.

В небольшие, но буйные реки идут на нерест лишь хариус и ленок. Они облюбовали стремительные потоки, бегущие по валунам и гранитным плитам. А сколько здесь водопадов! Что делать рыбе, когда на пути ее встречается ревущая стена воды? Хариусам и ленкам и водопады нипо-

чем. Они играючи перелетают через двухметровый барьер, врезавшись в бурлящий поток, продолжают свое неукротимое движение вперед.

Замечательны эти реки, особенно возле Байкала, где они врываются в море оглушительным каскадом водопадов. В такие часы, когда море словно спит, за десяток километров слышно, как шумит Шумилиха, гремит Громотуха.

Хорошо у нас в Подлеморье! Приезжайте к нам в гости. Вы повстречаете интересных людей, с особым складом характера: по-сибирски выносливых, немногословных и смелых. Внешне они грубоватые, сдержанные, но это лишь впечатление первых минут встречи, а когда поближе познакомитесь, заведете дружбу, — познаете теплоту и щедрость сердца.

Самое хорошее время у нас — июль—август. На закате солнца множество сетевых лодок устремляется в море. А утром навстречу восходящему светилу быстро движутся черные лодки, чем-то напоминающие прожорливых хищников, поглотивших в свои утробы десятки центнеров рыбы.

Идите на стоянки рыбаков. Вон уже дымится костер рыбацкий, а вокруг него жарится омуль на рожнях. Что это за кушанье! Просто пальчики оближете. Вас обогреют и угостят нашим замечательным омулем. В разговорах старые охотники и рыбаки вам поведают о прошлых днях нашего Подлеморья. Мне тоже хочется рассказать одну из историй, слышанных мной от Николая Галактионовича Шелковникова — знаменитого подлеморского соболятника.

В октябре 1910 года дымный байкальский пароходик «Феодосий» высадил на высоком таежном берегу артель баргузинских соболевщиков. С палубы парохода сошли шестеро: трое русских, два эвенка и один бурят. Весь скарб охотников состоял из самого необходимого: продуктов, оружия, боеприпасов и особых таежных лыж подбитых камусом¹ и с юксами² из толстой сыромятины.

Первым по крутой таежной тропе шел Николай, могучий, как древний кедр, с огненно-рыжими волосами, с едва заметными морщинками вокруг глаз, которые придавали

¹ Камус — шкура, снятая с конских или звериных ног.

² Юксы — ремни, лыжные крепления.

его широкому, всегда красному лицу выражение постоянного добродушия и веселости. Весь уезд знал его медвежьей силой и охотничий фарт, и всякий охотно согласился бы идти с ним на край света. В шутку его прозвали Будей за любимую поговорку «будя гритца». Даже сам Николай не смог бы объяснить, откуда взял он эти слова, которыми поминутно пересыпал свою речь, нимало не беспокоясь, уместны они или нет. У всякого человека есть свои недостатки и свои слабости. Николай, превосходный следопыт, не знающий усталости, человек, обладающий удивительной мужественной стойкостью в тайге, становился порой даже смешным, как только выходил на нерповку.

Обычно нерповщики, выйдя в море, сначала пристреливают свои ружья, так как стрельба на льду отличается от стрельбы на земле. Тут-то и начинались мытарства у Николая. Как бы старательно он ни целился, пуля редко попадала в цель. Добродушный, всегда спокойный, он ничем не выдавал досады и по привычке своей балагурил:

— Будя, нерпа не пятно: четверть влево или вправо, попаду я все равно.

Нерповка минувшей весной была на редкость неудачной, и Николай надеялся все покрыть охотой в тайге.

— Будя гритца, не горюй, бог промыслу даст: только чаще молись Николе-чудотворцу — нашему благодетелю, — говорил набожный и суеверный охотник своей дородной супруге, уходя в тайгу.

...Вторым шел Тымауль, — тоже рослый, но не такой плечистый, как Николай. Друзья называли его Где Биль. Этой безобидной кличкой наделил Тымауля задушевный его друг Аким. Произошло это много лет назад, в те годы, когда Тымауль был еще совсем молодым.

Однажды Аким пробирался глухой таежной тропой по Ямбуу. Он уже хотел распояжиться¹, как вдруг услышал чей-то плач. Зарядив свою бердану боевым патроном, встревоженный охотник кинулся вперед. Пробежав метров сто, Аким наткнулся на молодого эвенка, сидевшего на колоде возле тропы. Обхватив голову руками и слегка раскачиваясь, тот издавал странные звуки, печальным однообразием своим похожие на обрывки какой-то молитвы. Аким, не раз встречавшийся с тунгусами и видевший их и в радо-

¹ Р а с п о я ж и т ь с я — снять понягу, котомку с продуктами и пр.

сти, и в беде, понял, что с охотником случилось что-то серьезное.

— Что с тобой, паря?— добродушно спросил Аким.— Заблудился или друга потерял? Слышишь, чего спрашиваю, а?..

Незнакомец поднял голову, с любопытством и страхом вглядываясь в подошедшего.

— У-у, блудить нету, другой беда есть, шибко худо есть...

Эвенк пошлепал себя по спине, где таежники обычно носят понягу, затем развел руками и горестно произнес:

— Биль тут, теперь нету.

Аким понял, что с охотником случилась большая неприятность: тунгус потерял понягу с охотничьим провиантом. Значит, у охотника потерян самый добычливый момент охоты— первые осенние переновки; продолжать охоту не с чем, а идти домой, за многие десятки верст, бессмысленно.

— Как же это тебя угораздило! От медведя, наверно, удирал?— сердито спросил Аким и сдвинул, как колоски ржи, выпцветшие мохнатые брови.

— Нет,— решительно закрутил головой эвенк,— я ходил через речка. Худой бревно меня бросал водам. Ружье топить нету, а поняга тащил черт, о-бой, шибко худо есть.

Тут только Аким заметил, что на охотнике не было сухого места. Он быстро разжег костер и вскипятил чай для попавшего в беду эвенка. Все это было сделано поразительно быстро и в полном молчании. Когда Тымауль обогрелся и напился чаю со сдобными сухарями, Аким наклонился к эвенку и спросил:

— Звать-то тебя как?

— Тымауль.

— Парень ты бравый, видать, и силенкой отец с матерью не обидели, наделили, как положено... а смекалки нету... Ну, ладно, не вернешь твою понягу, провианту я тебе дам.

Лицо Тымауля с необыкновенно белой для эвенка нежной кожей вдруг порозовело. «Ну, совсем, как у малых ребят»,— усмехнулся Аким и оторопел от удивления, потому что эвенк, стремительно вскочивший с земли, закружился вокруг Акима.

Всю осень тогда проохотились они вместе и покинули

тайгу с богатой добычей. Аким не отпустил Тымауля домой и затащил его к себе в гости в Читкан.

— К жене успеешь, а меня сегодня баня ждет. Попаримся. Ну и по рюмке, как положено, выпьем.

Услышав о предстоящей рюмке водки, Тымауль заметно повеселел. «А баня,— подумал он,— наверно, так жену зовут. Кто же, кроме нее, может ждать охотника».

— А шибко хороша у тебя Баня?— учтиво и с любопытством спросил Тымауль.— Шибко смирна?

— Эхе, смирна! Такого жару задаст, что выскочишь в чем мать родила! О, сердита баня.

— О-бой! — опасливо протянул эвенк. — Сердита шибко худо.

— Да не бойся, чудацк-человек, медведя не боишься, а бани испугался!..

В дом Тымауль зашел робко. В просторной избе было чисто; приятно пахло ржаным хлебом, испеченным с анисом. Эвенк поклонился на иконы, среди которых не сразу узнал «своего бога» — Николу-чудотворца — покровителя охотников, затем боязливо осмотрелся. Видя, что в доме нет никого, кроме невысокой полной женщины, он уверенно шагнул ей навстречу и бодро произнес:

— Здорова, Баня, ты, наверно, шибко ждала Акимку, вот мы пришьель, только сердится не нада на Тымауль, он добрый парень...

Женщина, не поняв ничего из сказанного, бросила растерянный взгляд на мужа, который, не выдержав, громко рассмеялся.

— Это не баня, Тымауль, а жена моя Катя. Баня во дворе. Снимай с себя лишнюю одежду и пойдем мыться.

Баня просто ошеломила эвенка. Правда, вначале он ошарашенно выскочил из парной, испугавшись жары, но видя, что Акимке хоть бы что, несмело вернулся. Окунув руку в котел с горячей водой, он схватил одежду и снова попятился к двери, но Аким усадил его на скамейку.

— Не лезь, куда тебя не просят, сейчас парку еще поддам.

Аким зачерпнул огромный ковш воды и выплеснул ее на каменку. Когда клубы пара рассеялись, он взял таз и поставил его на скамейку.

— Вот теперь мойся,— хотел было сказать Аким, но осекся на полуслове. Гостя на лавке не было.

— Тымауль, где ты?! — не без удивления крикнул хозяин.

— Здесь я, — раздался из-под полка¹ испуганный голос гостя, — ты зачем, Акимка, огонь делал, Тымауль страшил?

Первое окатывание водой понравилось эвенку. Однако бедного охотника ожидали новые несчастья. Никогда не имевший дела с мылом, он так старательно натер лицо, что закричал благим матом:

— Глаза! Пропал глаза! Как будем стрелять?.. Худой камень.

Аким бросился охотнику на помощь, и через несколько минут Тымауль, забросив под лавку «худой камень», продолжал мыться.

А после, уже за широким столом гостеприимных хозяев, он то и дело твердил:

— Шибко хорошо: я стал совсем молода. Приеду домой, да надо баню делать. Шибко хорошо.

На следующий день растроганный Тымауль повез Акима к себе в Белые Воды. Всю дорогу мечтал он о том, как расскажет сородичам о чудесном русском селе, в котором никто еще из родных и знакомых Тымауля не бывал, и, самое главное, поведает о жаркой бане, где человек молодеет.

Белые Воды встретили Акима сначала сдержанно. Но когда все узнали, как он выручил в постигшей беде Тымауля, кинулись наперебой угощать его отборным тарасуном².

Порядочно охмелевший Тымауль в сотый раз принимался рассказывать о том, как он побывал в Читкане и в первый раз за свою жизнь помылся в бане...

На третий день пребывания Акима в Белых Водах туда приехал из дальнего стойбища давнишний друг Тымауля Бодоуль.

Тымауль, географический диапазон которого, как известно, теперь значительно расширился, а его познания о русской бане стали непререкаемыми, снова начал хвалиться всем, что он увидел в русском селе, а когда захмелел, вцепился Бодоулю в длинные черные волосы.

— Ты где биль? А?! Где биль?! — торжествуя, кричал

¹ П о л о к — нары под потолком, на которых моются.

² Т а р а с у н — вино из квашеного молока.

он, дергая своего друга за волосы.— Я Уро биль, Читкан биль! А ты где биль?!

Аким с трудом уговорил разгорячившегося друга. А бедный Бодоуль, освободившись от цепких пальцев Тымауля, не выразил никакой обиды, пораженный познаниями приятеля.

— О-бой, Тымауль! Ты шибко много видель. Уро биль, Читкан биль! Ох, много-много видель!

С момента этих дружеских встреч в Белых Водах прошло немало времени. Многое уже позабылось в памяти, но прозвище Где Биль, которым Аким наградил Тымауля, осталось навсегда.

...За Где Билем шел Бадма, среднего роста, широкоплечий бурят. Его скуластое лицо с острыми углами узких глаз поражало удивительно ровным цветом кожи: было в нем что-то и от смуглого цвета дерева, и от темного разлившегося света янтаря. Этого отчаянного медвежатника и первоклассного стрелка знало все Подлеморье. Про него рассказывали такой случай. Как-то с товарищем он убил в берлоге медведя. Вытащив тушу зверя наружу, он, любопытствуя, залез в берлогу, захватив с собой «бердану». Попривыкнув к тьме, он разглядел второго медведя, спрятавшегося в дальнем углу. Что делать? Отступить? Это придаст смелость зверю, и он в один прыжок настигнет своего врага. Выход был один — сохранить хладнокровие и, приловчившись, выстрелить. Бадма так и сделал. Не спуская глаз с медведя, он приподнял винтовку и нажал курок. Быстро отпрянув в сторону, он выхватил нож, но в берлоге стояла мертвая тишина, и едкий дым клубился перед глазами медвежатника. Через минуту из берлоги показалась взъерошенная голова Бадмы. Спокойно, как ни в чем не бывало, он попросил перепуганного товарища:

— Давай веревку, тут еще один косолапый.

Жил Бадма бедно. Несмотря на меткий глаз и уверенную руку, дававшие сравнительно хорошие заработки, он никогда не вылезал из долгов. Простодушный и честный, он легко верил каждому на слово и нередко страдал от своей доверчивости. Была у него жена, да один-единственный сын — Цырен. Цыренка кое-как выучился грамоте и теперь рвался в город, на учебу и заработки. Главным подстрекателем в этих несбыточных, по убеждению Бадмы, планах был странный и загадочный для бедного кочев-

ника человек, неведомо зачем оказавшийся в баргузинской тайге,— Роман Борисович. Городской по одежде и складу характера, он, однако, держался в стороне от баргузинских богатеев. Один из них, Гомбожап, не любил Романа Борисовича и всем говорил: это вор, разбойник, хотя любая из этих кличек больше подходила к самому Гомбожапу.

От Романа Борисовича Цыренка узнал про Верхнеудинск, про железную дорогу, недавно проложенную вокруг Байкала, про паровозное депо. Городская жизнь манила необычайностью, и молодой пастух твердо решил податься в город, как только накопит сумму денег, необходимую для того, чтобы погасить долг Гомбожапу.

Бадма долго упрямился, а затем согласился: может быть, и в самом деле Цыренку ожидает другая жизнь, лучше той, которую прожил Бадма,— в нужде, холоде и голоде. Гомбожап соглашался отпустить Цыренку, но, странное дело,— чем настойчивее рвался парень в Верхнеудинск, тем быстрее росли у него долги хозяину.

Оттого у Бадмы и созрело решение пойти в Подлеморье за соболями. Он не брал ружья уже несколько лет, потому что охотничий сезон совпадал с зимовкой скота, а Гомбожап в эти годы увеличил свои гурты настолько, что двоим, Дариме и Цыренке, невозможно было справиться.

Гомбожап выслушал пастуха с улыбкой.

— Что ж, иди, возражать не стану. Принесешь пару головных соболей да сотню белок, отпущу твоего Цыренку в Верхнеудинск. И даже сам на тройке отвезу.

Гомбожап закатился обидным смехом.

...Бадма поправил за спиной понягу, вытер со лба крупные капли пота и остановился ждать шагнувшего четвертым Акима.

— Все думаю о Цыренке, Аким,— печально заговорил Бадма.— Шибко парень в город хочет.

Ну уж если Гомбожап и теперь за две соболиные шкурки не отпустит,— ответил Аким,— так мы сами с него шкуру снимем. Неужели ты так много задолжал ему?

Эти слова слышали шагавшие сзади Иван и Бирауль.

— Когда будете с Гомбожапа шкуру драть, меня пригласите,— смеясь, заметил Иван,— как-никак, семь медведей ободрал, опыт имею.

— О-бой, не пустит Гомбожап Цыренку, — замотал головой Бирауль, — по себе знаю. Третий год у Соломона на тот свет прошусь и допроситься не могу. Расплатись, говорит, а потом и умирай. А умрешь без расплаты, все долги на твою племянницу Иринду перепишу! Иринде долги нельзя, молодой Иринда, слабый.

Лет десять назад Бирауль похоронил третьего, последнего своего ребенка (жена умерла еще раньше), и всю нежность отцовского сердца перенес на Иринду. Когда надо было содрать с охотника побольше, Соломон, потрясая в воздухе черной тетрадью, говорил:

— Твоя шкурка соболя и тридцати рублей не стоит, а я пятьдесят даю. Иринду жалею, пропадает она без меня. Но учти, до весны не заплатишь долги, в тюрьму обоих отправлю.

Старик робко опускал в землю глаза, стараясь не смотреть на черную тетрадь, в которую вот уже много лет Соломон заносит таинственные знаки.

Всего удивительнее для Бирауля было то, что сколько бы он ни приносил купцу пушнины, таинственные знаки не убывали, а прибывали.

— Плохой мех носишь, — недовольно бурчал Соломон, бросая в общую кучу шкурку головного соболя, — вот и растут долги. Я уж и не говорю о провианте, что тебе даю. Хотя бы спирт оправдывал, — купец вздыхал и укоризненно покачивал головой.

При упоминании спирта лицо Бирауля заметно оживляется.

— Ведь целую бочку ты у меня вылакал, — усовещивает купец. Голос его становится тонким и громким, и кажется, что глаза за тяжелыми веками видят костистый затылок Бирауля и навсегда напряженно застывшую спину. Под этим взглядом Бирауль топчется на месте и кажется еще более потемневшим и съежившимся, чем всегда. А купец, не уставая, говорит:

— Пора бы уж и закрыть кредит. Но племянницу твою жалко. Ты-то скоро умрешь, с тебя как с гуся вода, а ей, бедной, тяжело придется.

Бирауль болезненно морщит лицо, ему хочется выпить, и это, странное дело, придает сил и уверенности, эвенк с дерзким, почти презрительным спокойствием в голосе, пускает в ход свое последнее средство:

— Умирать зачем, — говорит он, — нынче в тайгу

пойду, головную шкурку принесу. Все долги долой, дай шкалик.

— Где уж тебе принести головку, — не сдается купец, — ты уж на смерть походишь, на первом перевале ноги вытянешь.

— Не вытяну, — снова умоляет тунгус, — друзья помогут.

— Знаю я твоих друзей. Все они, почитай, в моей книге значатся. Иван Малыгин, что ли? На пасху тридцать рублей брал — до сих пор не несет. Николай Шелковников? Хотя и не мой он, на Комова работает, за две четверти спирта мне задолжался. Тымауль, проклятый трусишка, еще год назад выплакал бутылку спирта, а платить и не думает. Вот какие у тебя друзья — прохвосты и обманщики. Другой бы и близко их не подпустил, а я по доброте своей душевной даю... Сколько тебе? Только знай, в последний раз.

Купец берет в руки книгу и медленно, словно еще раздумывая, записывает на Бирауля бутылку спирта.

На запись уходит не более минуты, но она кажется охотнику вечностью.

Бираулю не было и десяти лет, когда его имя было занесено в «Черную книгу». В тот год отец Бирауля взял у Соломонова отца скудный провиант и, отправившись в тайгу, не вернулся домой. Через полгода его кости нашли в гольцах, у заброшенной медвежьей берлоги. Рядом лежал огромный череп медведя, проломленный охотничьим топором. В этот же день, когда страшная весть о гибели охотника пришла в Белые Воды, маленького Бирауля вызвали в Баргузин.

— Поезжай, — напутствовали Бирауля старики, — видать, Лазарь Исаевич вспомнил о тебе и собирается приглубить. Хоть и купец он, а сердце у него тоже есть. Не даст он тебе умереть с голоду, ведь твой отец был у него лучшим охотником. Ему ли не позаботиться о тебе?

— Пойдем ко мне, возьмешь оленьи рога, купцу подарок сделаешь. — Так сказал старый Вачелан, самый мудрый из стариков.

У Бирауля сжалось сердце. Оленьи рога Вачелана были самыми красивыми в Белых Водах. Небольшие, искусно отделанные серебром, они всегда были предметом зависти купцов, но все их попытки стать обладателями редкой вещицы остались тщетными.

Почему старый Вачелан так легко расстается с тем, что он хранил, берег, ценил как самое дорогое в жизни? Не сразу понял это Бирауль, а когда понял — не вытерпел, расплакался.

— Спасибо, дедушка Вачелан, спасибо, — твердил Бирауль, прижимая к груди дорогой подарок, и с восторгом думал, что теперь весь Баргузин соберется смотреть на эту редкость, рожденную природой и умелыми руками старого охотника. С тех пор как появились на свете купцы, никто их не удивлял таким подношением. Бираулю уже рисуется в уме трогательная картина... Купец торжественно принимает дар, высоко взмахивает им в воздухе, что-то радостно и возбужденно кричит своим многочисленным гостям, собравшимся по столь торжественному случаю, наконец, при всех крепко обнимает мальчишку, ведет его в хоромы.

— Вот мои богатства, — не говорит, а кричит купец, — выбирай себе все, что душе угодно.

Бирауль заходит в горницу, видит на стене ружье необыкновенной работы.

— Отдай, если не жалко.

— Бери, — радостно говорит купец, — цены не имеет. Сто рублей давали мне, не отдал. Бери!

— Знаю, о чем думаешь, — перебил мечты мальчика старый Вачелан, — о хорошей жизни думаешь. Будет тебе хорошая жизнь.

Бирауль встряхивает головой и снова видит перед собой темный чум, чуть выцветшие, блестящие и непрозрачные глаза старого Вачелана с темными жилками, как на старой потрескавшейся эмали.

— Спасибо, спасибо, — твердит Бирауль и выходит из чума.

В Баргузин он приехал под вечер. С трудом разыскал нужный дом, поднялся на высокое крыльцо и, спрятав за спину ценную ношу, робко постучал в обитую кожей дверь.

— Чего надо? — донесся до Бирауля громкий женский голос, и на пороге появилась толстая купчиха.

— Мне... мне... купец Лазарь...

— Нету дома, придешь завтра утром.

— Мы далеко живем. Мы в Белых Водах живем.

— Мама, — услышал Бирауль за своей спиной капризный детский голос, — а посмотри, что он держит сзади, рога какие-то.

— Какие там рога, Моник, — вдруг словно запела купчиха и, закрыв двери, подошла к Бираулю. — Какая прелесть! Какая чудная отделка!.. Это тебя мужики с подарком прислали? А что же они сами не пришли? Стесняются? Напрасно, мы люди простые. Дай сюда рога, я передам их мужу.

Бирауль попятился назад, все крепче и крепче сжимая в руках рога.

— Что же ты молчишь? — стараясь быть ласковой, наступала купчиха. — Давай мне подарок, а сам иди в сарай. Сейчас еще не холодно, там проспишь до утра.

— Мам, — прогнусавил мальчик, — я же там магазин строю.

— Ах да, ты же там играешь... Трифон! Глухая тетеря, возьми переночевать к себе в сторожку этого мальчика, а завтра приведешь его в контору... — прокричала она красивым глубоким голосом и, резко повернувшись к Бираулю, быстро зашептала: — Ты слышал? Тебя устроят. А теперь давай рога.

Бирауль еще крепче сжал в руках драгоценный дар и покачал головой. Маленький мальчишка разревелся. Купчиха вырвала из рук Бирауля рога и вытолкнула его с крыльца. Бирауль, наверное, упал бы на землю, если бы жилистые руки Трифона не подхватили его на лету. Мальчик взглянул в подслеповатые глаза сторожа, словно ища в них защиты, но Трифон отвел их в сторону.

— Пойдем, переспишь до утра. А утром «сам» приедет, разберется.

— И рога отдаст? — живо переспросил Бирауль.

— Рога? Эх, тунгусенок, учат вас, учат, а все выучить не могут. Да не в рогах дело, дорогой. Про «Черную книгу» слышал? — ворчал себе под нос старик. И пообещал: — Завтра увидишь. Вот это рога! Уж такие рога!.. подценят они тебя под одно место и всю жизнь не слезешь. Зачем пришел-то, позвали?

— Звал купец Лазарь, — послушно ответил мальчик и, вспомнив напутственные слова стариков, грустно добавил: — Чум наш пустым стал. Жалеть, однако, хочет Бирауля.

— Пожалеть хочег... — Трифон неприятно засмеялся, но вдруг оборвал свой смех и, взглянув на Бирауля, покачал головой.

Больше он ничего не сказал до самой сторожки. Там

он расстелил доху, сунул вместо подушки какую-то мешковину и, уложив гостя, закурил трубку. Терпкий запах самосада вскоре наполнил тесную сторожку и, видимо, подействовал на Бирауля усыпляюще. Он заснул крепким мальчишеским сном.

— Проснулся, что ли? — раздался утром за дощатой стенкой незнакомый голос. — Иди сюда. Купец тебя ждет.

Бирауль прошел через перегородку и увидел перед собой средних лет человека с красным лицом и кривым носом.

— Чего уставился? — мальчику казалось, что человек тяжело зашевелился от своего голоса. — Не умеешь с господами обращаться... Иди сюда.

Бирауль застыл у входа, сжимая руки на груди, где лежала заветная шкурка соболя. Кривоносый встал со стула, подошел к мальчику, взял его за ворот, подтащил к черной двери и, раскрыв ее, втолкнул Бирауля в просторную, уставленную диковинной мебелью комнату.

У окна стоял широкий стол с блестящей скользкой поверхностью.

— В чем дело? — спросил уже не молодой обрюзгший человек, склонившийся над бумагами. Он чуть приподнял голову, видимо что-то вспомнив, быстро встал из-за стола, подошел к Бираулю и, взяв его за руку, усадил в мягкое глубокое кресло.

— Я ведь сначала тебя не узнал, — усмехнулся купец и заговорил нараспев, словно раскачивая каждое слово. — Да и ты, наверное, не сразу угадал меня. Купец я. Лазарь Исаевич, друг твоего отца. Рано погиб бедняжка, рано. Долг не успел отдать, немного, правда, сезона на два хватило бы ему работать. Ох и трудно тебе будет, брат, трудно, но ничего не поделаешь. Помогу.

Бирауль поднял голову, глаза его засветились, и он невольно зашарил у себя за пазухой.

— Что у тебя там? — небрежно спросил купец, прикрыв тяжелыми веками глаза, вдруг алчно загоревшиеся.

— Соболишко? Утаил, знать, отец твой от меня... С мертвых не взыщешь. М-м, не головной соболишко, так себе, — купец вздыхает, с укором смотрит на Бирауля, голос его становится все более тонким и громким и вьется, как летняя муха, вокруг Бирауля. — Ну, что ж, и на

том спасибо. И за рога спасибо. Только обижать маленьких детей и расстраивать старших нельзя, браток. Не учили разве тебя почитать старших? Только одно и знаете: дай, Лазарь Исаевич. Дай пороху, дай спирту, дай ружье хорошее. А знаешь, сколько твой отец набрал? У меня в книге все значится.

Вот тут-то Бирауль и увидел впервые «Черную книгу». Она замелькала в руках купца, как хищная птица, и мальчику казалось, что она вот-вот распахнет крылья и бросится на него.

— Ты знаешь, сколько у твоего отца в кредите значится? — повторил купец.

Купец назвал цифру, от которой пришел бы в ужас любой, чуть смыслящий в делах охоты человек.

Из длинной речи купца мальчик понял одно: записи в «Черной книге» — это очень плохо, и ему, Бираулю, надо много и много ходить в тайгу.

И Бирауль пошел в тайгу. Но каким бы удачным ни был сезон, записи не уменьшались. И только спустя много лет охотник понял горькую мудрость отцов и дедов: «Черная книга» — это удел бедного труженика тайги, и никуда от этого удела не уйти...

Но вдруг снова вспомнились ему чуть выцветшие, блестящие и непрозрачные глаза старого Вачелана, с темными жилками, как на старой потрескавшейся эмали. И снова видел он небольшие оленьи рога, искусно отделанные серебром, — и чудно было старому Бираулю от их непонятной и редкой красоты. А всего непонятнее для него было то, что он, как и давным-давно, в детстве, снова верил словам мудрого Вачелана: «Знаю, о чем думаешь, о хорошей жизни думаешь, будет тебе хорошая жизнь...»

— Выдержит ли бедняга, — спрашивал себя Иван, стараясь не задерживать взгляд на съезжившейся фигуре Бирауля. И уже не жалость, а горькое чувство вины было в нем. Было стыдно ему своей молодости и этих красивых, хорошей резьбы ручищ.

Тунгус чувствовал на себе взгляд Ивана, раздвигал плечи и старался шагать бодрее. Но силы заметно покидали его, он все больше отставал от друзей.

Наконец, он не выдержал и сел прямо на тропу.

— Бирауль курить будет, идите. Отдохну мало-мало, — крикнул он друзьям.

Никто из охотников не расслышал его. Примерно

через час пути они дошли до места, где должны были обедать, и расположились на привал.

Последним пришел сюда Иван. Он снял с себя тяжелую понягу, вытер рукавом мокрый лоб и, не сказав никому ни слова, повернул обратно.

— Однако вместе пойдем, — крикнул ему вслед Бадля.

— Ладно, я один, — махнул рукой Иван.

Идти пришлось долго. Наконец, у большой колоды, что перегородила тропу, он увидел Бирауля.

«Нет, не встать теперь ему с понягой», — подумал он, а вслух произнес:

— Ты чего это привалы по часу устраиваешь? Давай понягу, да пошли спиртягу отведаем. Бадмá жирного мяса сварит. Небось купец на харчи не скупится.

Заслышав голос Ивана, Бирауль быстро, как только мог, вскинул голову и, стараясь не отстать в бодрости тона, ответил:

— Спирт — это хорошо, да жирный мясо еще!

Иван отвернулся, чтобы не видеть, как тяжело поднимается Бирауль с земли. Темное, красивое лицо его казалось в этот миг смущенным.

Иван собирался было выпустить крепкое словечко, но за спиной его раздался хриплый голос Бирауля:

— Эхе, вот и все, пошли...

Иван молча нацепил себе на плечи его понягу и легко толкнул Бирауля в плечо:

— Ну что ж, пошли так пошли.

Идти без поняги было куда легче. Быстрее шагали ноги, свободнее дышала грудь.

— Слышишь запах дыма, это от нашего костра разносится. Видать, что-то вкусное задумали сварить. Эх, после чарки спирта еда хорошо пойдет. — Иван подмигнул Бираулю и смешно вздохнул.

И хотя не было дымного запаха и не предполагалось особо вкусного обеда, Бирауль приускорил шаг и старался не думать ни о Соломоновой «Черной книге», ни о своей болезни.

Так незаметно подошли они к табору. Вскоре поспело варево. Охотники, выпив по чарке спирту, дружно расправились с нехитрым обедом и после короткого отдыха двинулись дальше, разделив груз Бирауля на равные доли.

Поздно вечером они достигли Аминдакана, где и решено было остановиться на промысел. Здесь стояла старая

юрта, не однажды укрывавшая охотников от лютых морозов, пронизывающих дождей и ветров.

Осень стояла на редкость теплая, затяжная. Прошел уже покров, а снега все не было. Белка еще не выходилась, а про соболя и говорить нечего — его мех не стоил и рубля. Поэтому охотники не торопились с промыслом: запасали продукты, готовили ловушки, чинили одежду, обувь.

Тымауль с Бираулем установили в реке «корыто»¹ и по утрам выбирали из ловушки по три-четыре пуда хариусов. Рыбу пластали и развешивали на солнце апчанить² на харч собакам.

Наконец выпал снег. Два дня после того свирепствовал сивер³, вырывая с корнем деревья. В лесу сразу стало холоднее, на реке появились забереги. Хариус уже скатился вниз. По всем признакам наступила горячая пора таежного промысла.

— Будя, хватит отдыхать, собирайся, братва, на промысел, — раздался на рассвете буйного утра трубный голос рыжего великана. Нрав у Николая был спокойный, но была в нем веселая былинная гордость от постоянного ощущения своей силы.

— Кому хватит, а кому еще нет, — тихо, чтобы слышал Николай, произнес Иван и показал глазами на Бирауля.

Будя-богатырь понимающе подмигнул Ивану и продолжал:

— Бирауль остается возле юрты⁴. Здесь тоже охоты хватит. Бадма пойдет со мной, Где Биль — с Акимом, а Иван пока один.

— Иван один не может, — испуганно произнес Бирауль и стал быстро-быстро собирать понягу, как будто боясь, что Николай действительно оставит его караульным. — Пошли, Иван.

— А может, в самом деле останешься, — спокойно переспросил Иван, — не один же ведь день мы будем охотиться, успеешь еще.

¹ К о р ы т о — ловушка для ловли рыбы, скатывающейся осенью из реки в море.

² А п ч а н и т ь — сушить рыбу на солнце.

³ С и в е р — северный ветер.

⁴ Ю р т а — островерхое жилище из досок.

Но Бирауль был уже на тропе. Иван надел понягу и пошел следом за ним. Он быстро догнал Бирауля, изложил ему свой план действий. Сначала они день-два охотятся окрест, преимущественно на белок, а на третий день поднимаются вверх по Безымянному ключу верст на тридцать и там начинают отыскивать соболей.

Иван нарочно загнул про тридцать верст, полагая, что Бирауль испугается расстояния и в Безымянный ключ не пойдет.

— Хорошо придумал Иван, — кивнул Бирауль. — Безымянный ключ шибко много соболей.

Иван мысленно выругал себя за то, что выбрал именно этот ключ, надо было придумать место поближе. «Ничего, — размышлял он, — Бирауль погоняется за белками день-другой и откажется от Безымянки.

Хорошо это или плохо, а предположениям Малыгина суждено было сбыться. К исходу первого же дня охоты, весьма удачного, Бирауль окончательно выбился из сил и открыто признался в этом.

— Давай отдохнем денек, — предложил Иван, — будет хуже, сведу тебя в юрту, лучше будет — сам пойдешь.

Сутки отдыха избавили Бирауля от усталости, однако взять его на Безымянный ключ Иван не решился.

Бирауль долго упрямился, наконец, сдался.

— Бирауль ходить юрту, — сказал он Ивану, — бери харч.

— Насчет юрты мне радостно слышать... а харчишки... завязывай-ка себе в понягу. У меня своих хватит, а не хватит — ружье есть, добуду.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись. Бирауль направился в сторону юрты, а Малыгин — к Безымянному ключу. Расстроганный печальным расставанием, он брел без всякой тропки, не прислушиваясь к тому, что творилось в тайге. Вдруг он остановился как вкопанный: на снегу четко вырисовывались замысловатые соболиные петли.

— Свежий, совсем недавно прошел, еще «розовый»¹ след! — быстро зашептал Иван. — Лунак совсем мягкий... Тузик! Тузик! Тут-тут!

Тузика не надо было упрашивать. Он бросился к хо-

¹ «Р о з о в ы й» след — образное выражение местных охотников.

зяину, сделал круг и огромными скачками пустился в погоню за зверьком. Он бежал вперед, редко кружился по петле, чаще всего как острым ножом разрезал затейливые кружева хитросплетенной соболиной стежки; местами проскочив по совершенно чистому снегу, следуя какому-то особому чутью, он снова выскакивал на след и мчался дальше. Это выдавало в нем головного соболятника¹, отлично изучившего все повадки коварного зверька. А ведь было время, когда и он запутывался в бесконечных петлях и много раз приходил обратно на то же место, с которого начинал погоню.

Иван едва успевает за Тузиком, и его воображение уже рисует черного, как ворон, соболя, загнанного собакой на лиственницу.

Охотник не замечает, как с деревьев на него валится кухта², проникает за ворот рубахи и, тая, стекает вдоль спины холодными струйками. Далеко позади остался перевал, а заветной лиственницы нет. — Стой! Кажется, лает Тузик!

Забыв про опасность, охотник пустился напрямик по крутому каменистому склону и в одно мгновение был возле собаки. Тузик, не переставая неистово лаять, то и дело толкал свою морду в расщелину между двумя камнями — значит, соболь упрятался в россыпи. А так ли это? Иван быстро обошел россыпь, затем сделал круг пошире, но следа соболя не нашел. Не было никаких сомнений в том, что зверек сидит в запуске³.

Иван быстро снял понягу, отцепил топор и нарубил десятка два тонких, как удилище, тычин⁴. Россыпь, к счастью, оказалась небольшой, и обметать ее не представляло никаких трудностей. Когда обметище⁵ было готово, Иван развесил на тычины обмет из тонких серых ниток, нижнюю кромку засыпал снегом, затем в разных местах сети нацепил колокольчики. Они весело зазвенят, когда соболь, выскочив из запуска, сунется в обмет.

Покончив с сетью, Иван вырубил на месте обметища все маленькие деревца, а у толстых деревьев обтесал кору

¹ Головной соболятник — отличная охотничья собака.

² Кухта — комья снега на ветках деревьев.

³ Запуск — место, где укрылся соболь.

⁴ Тычины — тонкие палки.

⁵ Обметище — место, где устанавливается обмет (сеть).

до высоты человеческого роста. Делалось это для того, чтобы соболь не мог вскочить на дерево. А если уж вскочит — то лови ветра в поле, прыгая с лесины на лесину, легко минует обмет, и потом его уже не поймать.

— Вот и готово, — весело сказал Иван, пятерней зачесал темно-русые волосы и, не надевая шапки, обошел вокруг обмета. — Все в порядке, теперь, Тузик, по всем правилам нам полагается чаек, а потом и отдых. Верно я говорю?

Тузик, помахивая хвостом, всем видом своим выражал полное согласие. Не прошло и четверти часа, как охотник напился чаю, угостил Тузика сушеным хариусом и принялся заготавливать на ночь дрова.

Едва тайгу окутали густые сумерки, в центре обметища загорелся веселый огонек. Охотник, не переставая разговаривать с собой, разделся, высушил одежду и прилег, но не за тем, чтобы уснуть, в обмете это не полагается, а так, чтобы помечтать о том, какой большой и красивый соболь попадет завтра в сеть и как Бирауль будет рад этой первой крупной удаче.

А как-то сейчас Бирауль? Он уж, наверно, добрался до юрты и греется у костра в ожидании товарищей.

...Упавшая на грудь голова вздрагивает после каждого шага, а свинцовые непослушные ноги не в ладу с телом, словно ставшим неподвижным из-за навалившейся тяжести.

Это Бирауль.

В стороне от тропы раздался залиvistый нетерпеливый лай.

— Соболь! — с волнением произнес Бирауль. Но, не сделав и двух шагов, беспомощно, как мешок, опустился на снег. Здесь и отыскал его верный пес Кан. Он прибежал, чтобы сообщить хозяину радостную весть. На одиноко стоявшую сосну загнан соболь.

— Эх, Кан, — Бирауль ухватился за шею собаки, — нам с тобой нынче не до соболя. Пропаду я здесь. Может, ты поможешь?

Собака рванула вперед.

Бирауль уперся в сильную шею собаки и сделал несколько шагов вперед. Улыбнулся.

— Пошли, дорогой мой, дальше.

Пройдя довольно большое расстояние с помощью Кана, Бирауль остановился, достал из поняги продукты, накормил собаку, глотнул из фляжки спирту и пошел дальше, не отпуская Кана. Так они прошли несколько верст, и, наконец, добрались до юрты. Собака заняла свое место у входа в жилище, а хозяин принялся разжигать очаг. Долго непослушные руки выбивали искру из огнива. Наконец темная юрта озарилась веселым пламенем и наполнилась теплом. Бирауль, не раздеваясь, уткнулся в постель и мгновенно уснул.

Разбудил его громкий лай собак и веселые возбужденные голоса Николая и Бадмы.

— Значит, с хорошим промыслом, — заключил Бирауль и улыбнулся, — иначе бы молчали или ругались.

Старый эвенк не ошибся. Николай и Бадма пришли с хорошей добычей. Кроме двух десятков белок и соболя, они принесли в поняге и молодую кабаргу.

— И тебе, Бирауль, подарок принесли, — раздался в юрте трубный голос рыжего великана. — Такую траву тебе нашли, что завтра же будешь здоров. Шибко мудрепое название она имеет. Черт побери, — язык у меня толстый, не поворачивается, чтоб выговорить-то. Будя гритца, Бира, поверь, что любого из могилы подымет. А когда добудем медведя, бог даст, желчь будешь пить, жирком запивать, — совсем молодым станешь, ей-богу, поверь другу.

Бадма, взявшийся за приготовление ужина, невесело улыбнулся. Он знал, что чудодейственная трава не что иное, как горный черногрив, да и то засохшие стебли и корешки, все, что они с Николаем сумели разыскать в Аминдаканских скалах за полдня упорных поисков. К этому лекарству Николай прибавил еще какие-то корни, и даже листья осины и те не забыл присовокупить новоявленный «врач».

Еще там, в горах Аминдакана, он говорил Бадме:

— Ты понимаешь, будя гритца, ведь человек-то поправляется от недуга не только от лекарств путных, а больше-то он пьет всякую дрянь. Не от этого он поправляется. Чепуха это! От веры ему легче бывает. Вот он втолкует себе сам, что он поправится от этой дряни, и баста. Смотришь, выкарабкался из самой пасти смерти...

Долго пыхтел Будя у огня. Круглое, красное, как кирпич, добродушное лицо все в поту. Не одна капля этого

пота попала и в котел с лекарствами, но, не обращая на это внимания, он упорно размешивал палочкой бурлящий на медленном огне состав.

Лежавший у огня Бирауль внимательно наблюдал за колдовством своего товарища. И может быть, вот это потное лицо, взор, устремленный в бурлящий котел, и все напряженное громадное тело Николая внушили больному веру в целебность лекарства.

Бирауль поверил. Он охотно выпил дозу «чудодейственного» зелья, запил глотком чаю. Перед самым сном с большим усердием съел миску наваристого супа. Больной и лекари молча улеглись спать, и двое из них, Николай и Бадма, дали такого храпака, на какой способны физически здоровые, хорошо потрудившиеся люди. Заснул и Бирауль, успокоенный друзьями.

Бирауль проснулся первым. В дымовое отверстие юрты он увидел бледный рассвет. Разжег костер. Однако прежнего недомогания он уже не чувствовал. То ли необыкновенное лекарство, то ли миска горячего супа, то ли доброе расположение друзей, а может быть, все вместе взятое сделали полезное дело: старый эвенк почувствовал себя значительно лучше.

«А как мой Иван? — подумал он. — И что делают Тымауль с Акимом сейчас? Дай бог им удачи».

В ту минуту, когда Бирауль пожелал им доброй охоты, два закадычных друга Аким и Где Биль, не помня себя, как только забрезжил рассвет, гнались за соболем. Вот уже второй день без отдыха преследуют они зверька. Собаки давно уже потеряли азарт. В любую минуту они готовы были прекратить преследование, и только люди с удивительным упорством бежали за соболем, позабыв и еду и отдых. Лишь почная мгла заставляла их прекращать преследование. И соболь, и люди, и собаки, обессиленные, набирались во время сна новых сил. К полудню третьих суток погони вдруг завизжала Тымаулева Найда. Охотники кинулись на визг. Молоденькая Найда, зачувя тяжелый запах медведя, в ужасе отскочила в сторону. Хитрый соболь забрался в дупло лиственницы, под которой была берлога.

Подбежав к лиственнице, где потерялся след соболя, охотники охватили это место, но ухажего следа не нашли.

— Здесь соболь! Здесь дружок! — чуть не враз закричали друзья и стали быстро распоясываться. Подбежавший кобель Барсик вдруг сердито залаял. Глаза собаки налились кровью, шерсть стала дыбом, но случилось так, что на это никто не обратил внимания.

Где Биль разметил границы обметища и начал рубить тычки; в то же время раздался оглушительный рев. Оглянувшись, охотники увидели вздыбившегося огромного медведя. Единственное на двоих ружье стояло у березы. Надо иметь удивительную ловкость, чтобы вот так, мгновенно, в два прыжка метнуться до березы, схватить ружье, повернуться и... Аким повернулся — и ахнул: зубастая пасть медведя уже дохнула на него своим теплом. Он инстинктивно нажал курок, и в ту же секунду черная туша зверя подмяла его под себя.

«Конец», — пронеслось в голове Акима, но тут охотник почувствовал, что медведь как-то странно вздрогнул и грузно, недвижимо опустился на него.

Тогда Аким с трудом столкнул с себя зверя. Он увидел перед собой Тымауля с окровавленным топором в руках.

— Тымауль... — смог только произнести Аким.

— Молодец, Акимка, хорошо стрелял... двое махать не будем зря, шибко молодца ты... — успокаивал, как мог, своего друга не менее взволнованный Где Биль.

Не любил Тымауль медвежевать. Один даже потрухивал идти на косолапого. А тут на его глазах попал под зверя друг. Нет уж, лучше пусть Тымауль будет под медведем! Раз уж за друга, — то и смелость нашлась, и сила пригодилась!

Успокоившись, друзья еще раз обошли вокруг запуска и, убедившись, что соболь продолжает отсиживаться в дупле, обметали это место.

Обмет готов. Аким срубил тонкую тальниковую ветку и засунул ее в дупло. В ответ раздалось характерное ворчание «нряу», столь сладостное для чуткого уха охотника. Соболь в ловушке! Тымауль, ловко орудуя топором, вырубил еще одно отверстие, ниже первого, и начал дымить... Через каких-нибудь десяток минут соболь, наглотавшись вдоволь дыму, выскочил из дупла и стремительно пошел вдоль обмета. За ним с ревом, не хуже давешнего медведя, бросились охотники! Собаки, неистово лая, рвались на привязи. Тайга застонала от этого гвалта

и вдруг затихла в своем вечном молчании... Ловкий Аким схватил запутавшегося в обмете зверька.

Вот бы позавидовал Иван, если бы узнал об этой на редкость удачливой охоте.

— Двое — не один, — сказал бы Иван, — один не соболевщик, двое-трое — это да.

...Тяжело одному в обмете. Нельзя ни вздремнуть, ни отлучиться в сторону. Как ни торопил Иван время, оно не шло от этого быстрее. Длинна, как сибирская зима, суровая таежная ночь. Скипаются глаза, свисает на грудь отяжелевшая голова. По всему телу разливается непреодолимая дрема. А до утра еще далеко! Иван припомнил все охотничьи истории, которые он слышал от Буди, Где Биля и Бадмы, смешные анекдоты и множество побасенок веселого Акима. Перебросал в памяти свои приключения, а рассвет так и не приходил.

Наконец небо на востоке стало отбеливать, невидимые до сих пор деревья все отчетливее вырисовывались на темном холсте медленно отступающей ночи. Но чем больше отходила ночь, тем сильнее клонило его ко сну. Чтобы не уснуть, Иван встал, обошел несколько раз вокруг обмета и принялся кипятить чай.

Кружка чаю освежила охотника. Первые лучи солнца окончательно разогнали дрему, и весь день Иван провел в сравнительно бодром расположении духа.

А соболев все сидит в своем надежном убежище. Он прекрасно знает, что его ожидает наверху, где у костра сидит человек, а рядом разлеглась злющая собака...

К вечеру небо заволокло тучами. Повалил густой, мокрый снег. Вместе с ненастьем пришло хмурое, тягостное настроение и мучительное желание уснуть. Иван уснул. Сон овладел им как-то вдруг и надолго. Только поздно вечером, когда остыл пепел костра, Иван оторвался ото сна и очумело побежал вокруг обмета. Нет никаких следов! Значит, не проспал соболя!

Вторая ночь и весь следующий день прошли без приключений. А снег все идет и идет. Он мокрый и липкий. Ноги вязнут как в жидкой глине.

— Пожалуй, до колен вынал, — рассуждает вслух Иван. — А если еще ночь пройдет?..

Предстояла еще одна, третья и, Иван верил этому,

последняя ночь. Неизвестно, как зверю, а человеку подобное испытание было мучительным. Три ночи в голоде и холоде, в поношенной солдатской шинелишке, намокшей до последней нитки.

Иван подсаживается ближе к костру, разувается, выжимает портянки и развешивает их сушить. От костра поднимается густой пар, и языки огня то вздымаются вверх, то пригибаются к земле или расстилаются в стороны.

Пляска пламени, постоянно меняющиеся светотени придают ночному лесу особую, таинственную окраску.

Но разве до лесных красот голодному и уставшему человеку? Иван выждал, когда высохнут портянки, обулся, прошелся по обмету и, вернувшись к костру, стал быстро натирать лицо снегом. Соп мало-помалу отступал. Неожиданно одно за другим стали приходить ясные воспоминания детства.

...Ципиканский золотой прииск. Голоштанный Ванька, еле успевая перебирать ногами, спешит за отцом, провожая его на работу.

Здесь он часто встречается могучего белокурого Ивана Щенетова.

— Эй, тезка, годок мой! Домой, что ли, направился? Значит, попутчик! — Ванька, подхваченный сильными руками, как пушок взлетел вверх и водрузился на широченных плечах старателя. Любит Ванька своего могучего тезку. Дойдя до малыгинской землянки, тот останавливается и, сделав сердитыми свои голубые глаза, спрашивает:

— Я, брат, слышал, ты за моей невестой ухаживашь?..

Ванька отчаянно отрицает: «Она большая...— эвои дылда какая!..»

Не вытерпев, Иван так хохочет, что эхо раздается по всем соседним горам и улетает куда-то еще дальше.

Однажды вечером пошел Ванька встречать отца. Долго ждет он у шурфа, но его нет. Проходит в ожидании час, другой, наконец, появляются люди. Отца, строго вытянувшегося и немного, несут на носилках... Обвал на шахте.

...Баргузин. Сюда переехала оспротевшая семья Малыгиных.

Мать нанялась к местному богатею Комову, возвращалась она всегда поздним вечером, принося куски с хозяйского стола. А в праздники заявлялась подвыпившая,

веселая и всегда с подарками от хозяина... Взглянув на Ваньку, она падала на кровать и долго рыдала...

А когда он стал взрослым по-настоящему, судьба забросила его к известному в баргузинской тайге своим крутым правом купцу Спиницыну. Здесь он и повстречался с Анной, девушкой с удивительно прозрачными, как байкальская вода, глазами. Эти чистые глаза были настолько выразительны, что с первого взгляда можно было безошибочно определить душевное состояние их обладательницы. И чем внимательнее всматривался Иван в глаза Анны, тем больше он находил в них сходства с Байкалом. В ясный безоблачный день в них светилась голубая ширь; в ненастье они становились серыми; перед бурей — темными. Больше всего любил Иван в глазах Анны голубизну — ясную, сверкающую, чистую.

Анна вскоре окончательно убедилась в том, что ухаживания красивого купеческого работника не пустая забава. Сыграли пышную свадьбу. Веселой метелью в ясный день мчалась лихая свадебная тройка и рассыпала звон бубенцов на всю деревню.

Иван зажмурил глаза, как от летнего солнца: вот они влетели на середину улицы, из-под копыт — пыль, а бубенцы — дзинь-дзинь-дзинь... Тройка уже за селом, но на улицах, в домах еще слышат все, как звенят колокольчики.

Иван разомкнул тяжелые сухие веки и насторожился. Что за чертовщина! Перед ним костер, стена леса и свадебная тройка с бубенцами: дзинь-дзинь-дзинь.

— Соболь в обмете! — сообразил Иван и ловко подскочил к обмету.

— Попался, голубчик! — охотник взял зверька и начал душить. Соболь раскрыл зубастую пасть. Открылись острые, как шилья, загнутые клыки, маленькие круглые глазки позеленели и стали похожи на два изумрудных королька...

— Ну вот, Тузик, и соболишко дал бог... Куреньги¹ хочешь? Нет? Знаю, что не любишь, но другого у нас ничего нет.

Куреньга и в самом деле была не по душе гордому Тузику. Другой раз он ни за что не стал бы есть это отвратительно пахнущее мясо. Но сейчас он глотал его, не успевая прожевывать.

¹ Куреньга — тушка соболя.

Иван любовался шкуркой. Черная, как крыло ворона, пышная, чистая, она вполне могла пойти за самый высший сорт.

— Зря, что ли, мы с тобой три ночи мучились, — обращаясь к Тузику охотник, — какого соболька добыли, чуть ли не головного¹.

Костер горел плохо, снова повалил снег.

— Врешь, пугаешь меня, — упрямо твердил Иван, поглядывая на небо, — не будет больше сыпать снег, ты же знаешь, что по глубокому снегу я без лыж далеко не уйду. Пугаешь ведь, верно? Вот попою чайку, час-другой вздремну для поднятия духа, проснусь, и снегу уже не будет? Правда, Тузик?

Снег шел все сильнее. Не перестал он и после того, как охотник вздремнул для «поднятия духа». Оставалось одно: идти по вязкому, пухлому бездорожью.

Снег выпал чуть ли не до пояса. Непослушные ноги были словно спутанные — это сырой липкий снег обнимал олочи² и гачи брюк. Не хватало сил побороть усталость, нечем было утолить голод. А идти надо. Иначе окоченеешь под первой же сосенкой, и никто не придет к тебе на помощь. Лишь ранней весной голодный медведь пноткнет-ся на труп и полакомится с голодухи.

За весь день Иван сделал не больше пяти верст. К вечеру он сошел с тропы и стал располагаться на ночлег. Нужно было определить место для отдыха, заготовить как можно больше дров, устроить какое-то укрытие от снега. В другое время Иван выполнял бы эту работу легко, непринужденно. В предчувствии отдыха у костра подготовка к ночлегу никогда не была ему в тягость. Теперь же, за что бы Иван ни брался, все валялось у него из рук. Хочет срубить для шалаша березовую жердь — топор падает в снег, пробует поднять небольшую колодину — колодина не движется с места. Упасть бы сейчас в мягкий как пух снег и, плюнув на все, как есть уснуть...

Иван сук по суку натаскал себе дров. Нарубить палок для шалаша так и не удалось. Охотник разгреб вокруг огня снег, приподняв повыше кромку с ветреной стороны. Получилось что-то вроде снежного жилища эскимосов,

¹ Головной — сорт экстра.

² Олочи — обувь охотника.

правда, потолком служило мутное небо, рябое от быстрых снежных хлопьев, но все-таки было не так холодно.

Подбросив дров в огонь, Иван повернулся на бок и заснул мертвецким сном. Проснулся от жуткого холода. Костер медленно догорал. Подвеселив огонь, чтоб скорее согреться, он чуть не залез на него. Его сдерживало лишь одно опасение за одежду, которая уже парилась, пожалуй, вернее, что дымилась... Это последнее заставляло его чуть отодвинуться. Зубы отбивали частую дробь, по телу пробегала холодными волнами дрожь.

Немного согревшись, Иван отодвинулся от костра и даже попробовал пошутить:

— Ты что это, Тузик, юрту выстудил. — Собственный голос показался Ивану каким-то чужим и далеким. Он хотел подняться, но сморщился от колкой боли в боку. Под ложечкой снова засосало, ни спать, ни собирать дров, ни даже размышлять про себя он уже не хотел.

А тайга шумела. Верхушки стройных деревьев гнулись, и в ночном мраке они казались сказочными богатырями в белоснежных шлемах и панцирях. А там, куда они спешили, уже давно грохотали залпы орудий, то гневно шумел Байкал.

На второй день Иван шел медленнее, попалась заболоченная низина — калгус. Он часто садился, подолгу отдыхал. Кругом, куда ни взглянь, леса и снега, снега и леса. Съедена последняя крошка хлеба, выпита с водой последняя щепотка соли. В пенастье все звери затаились и снят, даже непоседа белка и та дремлет. Вокруг на десятки километров ни души. А в голове охотника уже начали роиться неприятные мысли, но он решительно их отгонял.

Аня, Дашутка... Милые мои, хорошие... Не может быть, чтоб я, таежник, не вышел из тайги... Не может быть этого...

...Дашутка. Иван вспомнил, как, провожая его в тайгу, она бросилась ему на шею и, забавно шепелявя, спросила:

— Тятя, а мне соболя на шубу принесешь из тайги?

— Нет, доча, — поцеловал Дашутку Иван, — соболя — зверь благородный, его носят купцы да начальство... А тебе, Дашутка, я привезу красивое платье. Хочешь?

— Хочу, тятя.

— Ну, раз хочешь — привезу.

...Малыгин поправил на спине понягу, расправил затекшие плечи и смело шагнул на пригорок, но поскользнулся и упал. Приподняв от снега искаженное, потемневшее, словно запекшееся, лицо, Иван неловко привалился на левый бок и пополз.

— Проползти бы этот проклятый калтус, а там доберусь до леса, разведу костер, обогреюсь. Эй, Тузик, помогай.

Иван полз, боясь оглянуться назад. Полз час, другой, может быть третий, наконец, настала минута, когда он понял, что останется здесь...

— Иди сюда, Тузик. Сейчас мы с тобой распрощаемся... как положено таежникам...

Малыгин взял берданку, осмотрел ее от мушки до приклада, ласково, как ребенка, погладил по ложу и заплакал.

Немного успокоившись, Иван положил ружье на колени (поднять кверху не хватило сил) и нажал на спуск. Раздался выстрел. Оглушительное эхо разнесло его по тайге.

Лежавший в безразличной позе Тузик, вдруг чем-то встревоженный, соскочил с места и наострил уши.

Это насторожило Ивана... Да ему и самому показалось, не то эхо, не то кто выстрелил, но очень далеко...

— Дай-ка повторю, повторю,— прошептал Иван. Он с трудом перезарядил ружье и снова нажал на спуск. В ответ откуда-то с хребта донеслось сразу два выстрела.

— Наши! У самого Аминдакана, у юрты! Беги, Тузик, сюда зови, сюда. Понял? Сюда людей, — хриплым шепотом просит собаку Иван. Тузик взвизгнул, взглянул умными коричневыми глазами на хозяина и ринулся в тайгу. Через час он вернулся в сопровождении друзей. Впереди, как всегда, неся Николай, за ним, стараясь не отстать от старшего, спешили Аким и Бадма.

— Иван! Жив! Здорово, друг!

— Здорово, ребята. Устал вот малость от голодухи...

— Так хватани-ка с устатку, и все пройдет.

Николай налил Ивану полчашки спирту. Бадма сунул ему в рот кусок медвежьей печенки, Аким протянул ломоть хлеба.

— Подзакусил малость, — твердо, но каким-то тонким голосом проговорил Иван, — а теперь, ребята, пошли в юрту, подсушиться надо.

— В юрту, говоришь? — рассмеялся рыжий великан, — эка куда ты хватил, будя гритца. До юрты, братец ты мой, верст двадцать будет.

— Двадцать?

— Второй день ищем тебя, всю тайгу исколесили. А ты вон куда забрел.

Иван, сдерживая подступивший к горлу комок, обвел взглядом друзей, хотел что-то сказать и не нашел слов.

— Так что в юрте завтра будем, — поспешил произнести Николай, — а сегодня придется ночевать в отоге¹, здесь. Давай-ка держись за мое плечо, выберемся из калтуса и разведем костер.

Через четверть часа компания охотников уже сидела у жаркого потрескивающего огня и слушала несвязный рассказ Малыгина о своих приключениях. Когда, замолчав, он тянулся к пустому карману за табаком, ему протягивали три кисета, едва рука его касалась чайника, ему протягивали три чашки, подошло время спать, ему предложили сразу три шинели.

— А как там Бирауль? — спросил Иван. — Поправляется?

— Лучше ему, — повернув к костру темное монгольское лицо с обвисшими сейчас острыми углами узких глаз, ответил за всех Бадма.

— Будя гритца, поправится, — убежденно подтвердил Николай, — соскучился о тебе, наказывал нам, чтоб без Ивана не возвращались. Вот завтра мы и доставим тебя к нему.

Назавтра к вечеру охотники подошли к Аминдакану, где чуть дымилась печальная юрта. Долго не спали в ту ночь в маленькой дымной юрте, празднуя счастливое возвращение товарища. Даже Аминдакан, казалось, веселее журчал на перекатах.

Следующий день со всеобщего согласия был объявлен непромысловым. Кто заготавливал дрова, кто чинил обувь и одежду, кто готовил к новым дальним походам снаряжение. Впрочем, с дальними походами решили не торопиться. Выпавший снег заставил охотников перейти на промысел ловушками — капканами и кулемками. Утрами они расходились в разные стороны, а к вечеру снова собирались в тесной, дымной, но всем любимейшей юрте.

¹ О т о г — место ночевки в лесу.

Бирауль стал заметно поправляться. На охоту он, правда, не выходил, да никто и не требовал этого. У него хватало общественных дел. Заготовить дрова, сварить обед, вымыть посуду. К тому времени как погода наладилась, Бирауль, вопреки уговорам друзей, рвался на дальние вылазки, сердито твердя, что без черного соболя для «Черной книги» возвращаться ему нельзя.

— Будет тебе соболь, — настаивали на своем охотники, — без него домой не пойдем.

Но соболь не шел в ловушки, какую бы приманку ему ни подбрасывали, хищник или обходил капкан, или устраивал такие вещи, на какие способен только этот зверек: он забирался на кулемку и оправлялся там. Такие шалости сначала смешили, а потом стали всерьез злить охотников.

— Погоди, — сердился Тымауль, — попадешься ко мне в лапы, семь шкур сдеру.

Аким не упускал случая подшутить над другом:

— Эх, Где Биль, шибко богатый будешь, если с одного соболя семь шкурок начнешь сдирать. Пожалуй, Соломона Лазарича переиглужешь.

— А что, Тымауль, — вдруг очень серьезно и задумчиво спрашивает Иван, — если бы ты действительно разбогател, неужели бы и ты нас «из половнины» гонял в тайгу?

— Тьфу, тьфу, — с досадой плюет Где Биль, — Тымаулю зачем ваша половина? Тымаулю денег много не надо, ребятишек одеть-прокормить, купить себе шубу и лыжи. Это Комову да Гомбожапу денег много надо, они шибко жадные люди.

— Ты прав, Тымауль, — потягивая свою неизменную самодельную трубку, поддержал разговор Бадма, — много ли нам самим надо: сотню белок, одного соболя, да быка, и всю зиму сыты. А что получается? Сколько ни убьешь, половину отдай хозяину, а плохо поохотишься, глядишь, все...

— А за что же отдавать половину? — горько и горячо заговорил Иван, и голос его звучал неровно, то словно жалуюсь, то угрожая кому-то, — ведь они не только третьей части, но и десятой доли не испытывают такого, что мы выносим. А половину отдай и не грешь, да еще самую лучшую. А легко ли добыть эту половину? Тайга теперь опустела, уже не та, что раньше. Разграбили тайгу. Добы-

ли мы два-три соболя и радуемся: удачливая охота. А разве это удача, если разобратся? Лет тридцать-сорок назад я бы разве стал рисковать ради одного соболя. Да их здесь, старики сказывают, кишмя кишело. Нет, братцы, брошу все и на прииск подамся.

— А на приисках лучше? — степенно урезонил его Николай. — Хозяин-то один, что там, что и здесь, — Соломон Лазарич.

— И то верно, — притихнув, согласился Иван, — выходит, некуда нам податься. Так, видно, и придется тянуть лямку, пока... — и замолк.

— Что пока?

— Пока новые времена не настанут, — еще неуверенно, словно вслушиваясь в свои слова, проговорил Иван.

— Эх, будя гритца, дождай свои времена, пожалуй, дождешься, — сделают гроб, да два аршина земли выкидают...

Не обращая внимания на Будю, Иван вдруг почувствовал себя добрым и сильным оттого, что он мог дарить людям нужные им слова; его счастливое лицо было доверчивым и удивленным, мальчишески гордым и красивым:

— Не век же Соломонам да Гомбожапам царствовать. Вот нынче мне один знакомый говорил, в Верхнеудинске что творится. Забастовки всюду идут, карателей будто бы вызывают. Да если народ дружно попрет — ничего не сделаешь.

— Верно, Ваня, говоришь, — вставил Аким, — когда мы воевали под Порт-Артуром, то же самое нам говорил один бывший студентик; а на деле, где у нас дружба-то. Каждый тянет к себе...

— Ничего, придет время — и дружба, и все появится. Верно, Бадма? — Иван крепко хлопнул по плечу сидевшего рядом бурята, который притворно сморщился и стал гладить себе плечо.

— Пошто с Бадмушкой дерешься, Иван, бей лучше Соломошку.

— Ничего, если выведет из терпения, то так лягну его, что сразу полетит к своему пророку Моисею, — смеясь сказал Иван, а потом серьезным тоном обратился к Бадме: — Пусть Цыренка едет в город. Правильным человеком будет.

— Я что, — быстро ответил Бадма, — я хоть сейчас. Гомбожап не отпустит.

— Отпустит, — усмехнулся Иван, — жадный он, как и

все богачи. Подбросить ему пару соболей, и все. Я первый из своего пая могу отдать.

— Я бы не пожалел, — согласился Где Биль и заговорил, добродушно улыбаясь, — где их возьмем-та? Не хочет в ловушку ходить, хитрый соболь.

— Пойдет, — уверил Иван. — А завтра все, кроме Бирауля, выйдем на промысел. И кто сказал, что мы пропащие людишки, не может быть, чтоб у нас пропал талан. Так и быть, Соломошка, достанем тебе соболишек, только как ты оплатишь за это.

Эх, Соломон, Соломон,
Дрянный ты человек со всех сторон,
Любишь ты соболей,
Любишь ты омулей,
А пошто не жалеешь людей.

Этот наивный стихотворный экспромт рассмешил охотников.

— У тебя, оказывается, Иван, талан не только на соболей, ты и сочинителем можешь быть. Значит, впрок пошла тебе трехдневная голодовка. А что, если бы не три дня, а с неделю проголодовал, ты бы книги, поди, начал писать?

— Смеетесь, — Иван обиженно нахмурился, — а мне не смешно. Книги я бы писать не стал, не умею, а голодовка для меня дело привычное. Зла только она мне прибавляет. Думаю я, что когда-нибудь его столько накопится в моей груди, что прорвет наружу. Ох, и тошно кой-кому будет!

— Чо баншь, — удивленно развел руками Бирауль, — ты, Иван, така добра, за человек все отдашь, пошто злой говоришь, где сидит это зло?

— Далеко оно, Бирауль, внутри сидит, не видно его.

— Как медведь в берлоге! У него в пузике-то целая берлога с медведями, — смеясь сказал веселый Аким, — ночью прислушайся-ка, на всякие голоса будут рывкать. Особенно когда хлеба сырого паестся.

— Ха-ха-ха-ха! — дружно рассмеялись охотники.

— Ох, и просмешиник же ты, Акимка! — вытирая слезы, говорил Будя, — молодец, наряд... Ладно уж, поздно стало, будем спать ложиться. Утро вечера мудренее, а все же потолкуем, кому куда идти... — Николай задумчиво посмотрел в огонь и, не обращая ни к кому, сказал: — Мне, кажется, Где Биль, Аким и я пойдем вверх к гольцу, Бад-

ма — по Аминдакану проверять ловушки, а Иван с Бираулем останутся на юрте.

— Выходит, в больные записали меня, в лазарет? — бурчит Иван. — Дядя Бирауль, показывай хворому человеку место, похвораем на пару.

...Третий день гоняют охотники соболя, и третий день хитрый зверек ловко уходит от погони. С наступлением темноты измученные люди прекращают преследование и располагаются на ночлег. Почувяв, что опасность уже не угрожает, соболь тоже отыскивает себе подходящее дупло или россыпь и устраивается там до рассвета.

А с рассветом все начинается сначала.

Самое досадное заключалось в том, что зверек днем не прятался в запуске, а двигался все вперед и вперед, попутно промышляя за мышами и рябчиками. Иногда, сделав огромный круг, он выходил на след, оставленный лыжами своих преследователей, и как ни в чем не бывало, шел вслед за людьми, затем, оправившись на чумнице¹, шел восвояси.

— Эх-х, гад! — скрипел зубами Николай.

— Эй, Где Биль, скрипи зубами, помогай Буде, — шутил Аким.

— Нет, не буду, наш Будя только на соболя злой.

— Вот-вот, только на соболя, а на бабу не только скрипеть зубами — пикнуть боятся! Я был у него в Адамовой, все знаю...

— Будя гритца, зачем добрую бабу обижать, вот худую-то, другое дело, надо под мягкое место коленом. Этих я не люблю, как их пазывают-то, которые на чужих мужиков вешаются. Тьфу! Будя гритца, прости ты боже!..

Так, порой громко разговаривая, а чаще всего молча, таежники упорно шли по следу.

На опушке соснового бора, где под снегом осталось много брусники, жировал² огромный петух-глухарь. Птица была фунтов на тридцать. Преследуемый уже четвертый день, соболь был голоден и, неожиданно набежав на глухаря, сразу же спрятался за елилкой и, выждав удобный момент, стал бесшумно подкрадываться.

Не подозревая опасности, глухарь разгуливал по снегу. Охотники были где-то рядом, уже было слышно шуршание

¹ Чумница — лыжня.

² Жировал — кормился.

их широких лыж и стук ангур¹, но соболю не до них. Спру-
жинувшись в маленький комочек, он делает молниеносный
прыжок. Расчет точный, видимо старый соболь не раз имел
дело с глухарями. Вот он крепко вцепился когтями в спину
птице, ухватив ее острыми зубами за шею.

Обезумевший от страха глухарь, громко хлопая крыль-
ми, стремительно поднялся над лесом и со своим свирепым
пассажиром полетел вниз под гору.

Острые зубы маленького хищника быстро перегрызли
горло, и мертвый глухарь вместе с соболем плюхнулись
в мягкий снег...

— Вот и конец нашим мытарствам, — зло сплюнул
Аким. Быстрым взглядом окинул место недавней схватки
зверька и птицы, добавил:

— Улетел наш соболишко, чтоб ни дна ему, ни по-
крышки.

— Хо-хо-хо! Будя григца, — покачал головой Ни-
колай, — уж тут, однако, ничего не поделаешь. В любом
запуске допеку я соболя, десять суток просижу в обмете,
но своего добыю, а тут сдаюсь. Летать не умею...

— Зря печаль делаешь, — рассмеялся Тамауль, — дале-
ко ходить глухарь не будет. Горло у него не железо, а зубы
у соболя зря, что ли, — хруп-хруп, и башка долой. Пойдем
вниз гора, там соболь найдем, глухарь найдем.

Пока охотники охали да ахали и разводили руками, по-
чесывая гривастые свои затылки, соболь тем временем
отшнуровал и довольный своим промыслом, облизываясь,
лениво доплелся до сухой, полусгнившей лиственницы,
в которой он нашел старое белчье гайно². Здесь он и
устроился на отдых, на время позабыв про вредных пазой-
ловых охотников.

Тымауль был прав. Он почти безошибочно привел к ме-
сту недавнего пиршества хищника. Охотники быстро пере-
хватили свежий соболиный след и по нему пришли к его
запуску. Тщательный осмотр убедил их, что зверек был
именно здесь.

— Все они так, — говорил Где Биль, — хорошо наелся,
тогда крепко будет спать.

— Будя григца, посмотрим сейчас, — потрянул огненной
гривой Николай и несколько раз стукнул топором по ство-

¹ А н г у р ы — лыжные палки.

² Г а й н о — гнездо белки.

лу дерева. Из дупла показалась и сразу скрылась острая мордочка.

— Эхе, будя гритца, разбудил друга милого! Давай, Где Биль, стукни теперь ты, а я прицелюсь, да стучи не жалея топора и дерева, чтоб ему там тошно стало.

Тымауль не успел произвести второго удара, как раздался выстрел, и черный комочек упал у самых ног стрелявшего.

Будя пагнулся за добычей, но в этот миг все его большое тело заныло, и он почувствовал, может быть в первый раз за все время промысла, всю тяжесть соболиной охоты.

— Эх, будя гритца, поясница отнялась,— виновато проговорил он, хватаясь за спину, и тут же успокоил себя,— чепуха, пройдет, сейчас бы горяченького чайку со сметанкой.

— Унывать худо, Будя, сейчас глухаря варить будем!— весело вскрикнул Тымауль и скрылся в густых зарослях ельника.

Он вернулся с огромным глухарем, с тем самым, который еще не так давно спокойно жировал на опушке леса.

— Вот молодец наш Будя, один раз стрелял, а две добычи сразу — соболю и глухарю,— смеялся Тымауль.

...Выстрел, положивший конец многодневным мытарствам охотников из группы Николая, еле слышным эхом докатился до пади, в которой промыслял Бадма.

— Хорошо стрелял,— проговорил старый следопыт, улыбаясь.— Не зря стрелял. Соболю, видно, есть. Молодец, Будя!

И хотя не было решительно никаких признаков того, что стрелял именно Николай и стрелял именно по соболю, и хотя отсутствовали всякие доказательства тому, что пуля не прошла мимо, а настигла цель, Бадма к трофеям артели мысленно прибавил еще одного соболя. Довольный, он легко шел по пути, сплошь заваленному буреломом.

Пробираясь Бадма вверх по Аминдакану. Дорогой он проверял им же расставленные ловушки, подправляя, где это требовалось, переставляя на новое место. В один из капканов попала глупая сойка, и Бадма, сделав из нее приманку, насторожил еще один капкан.

В лесу было тихо. Мороз давал о себе знать. Охотник поправил юксы, закурил и собирался было в обратный

путь, как вправо от него, на крутом склоне горы, где были заросли осинника и горного тальника, зоркие глаза следопыта заметили подозрительную черновшшу. Бадма пригляделся и сквозь тонкие стволы деревьев различил сохатого¹. В одно мгновение движения человека стали быстрыми и четкими. Подкравшись на выстрел, он, не торопясь, осмотрелся. Огромный сохатый объедал тонкие побеги молодой тальны. Бадма еще раз определил расстояние и выстрелил. Могучий зверь осторожно и пеловко опустился на бок и повернул голову в сторону Бадмы. Сильное тело зверя медленно расставалось с жизнью. Подойдя к лосю, Бадма одним взмахом перерезал ему горло, из которого с шипением полилась горячая алая кровь. Жадно припав к зияющей ране, охотник большими глотками стал пить кровь.

Затем он быстро освежевал зверя. Расчастив тушу, Бадма отрубил губы, вырезал язык, почки, сердце, печень и грудинку, все эти лакомые куски охотничьего стола уложил в куль и завязал в понягу. Радостно мурлыча, охотник спустился вниз по ключу. По старой чумнице лыжи скользили как по маслу. Наступившая темнота мешала идти, и Бадма шел ощупью, по привычке. Тонкие жидкие ветки ольхи и берез больно хлестали по его лицу, и охотник с притворной строгостью то и дело говорил:

— Зачем, худой дерево, бьешь Бадму? Он тебе плохого не делал, черт, холера, язва...

Рассердиться по-настоящему Бадма не мог. Во-первых, глупо сердиться на того, кто не может тебе ответить, во-вторых, сегодня у него хорошее настроение: он добыл много вкусного свежего мяса. Всей артели хватит на целый месяц. К тому же убитый сохатый — это и приманка для соболя. К туше зверя быстро проторит дорожку маленький хищник, для которого свежее сохатиное мясо и особенно печень — наилучшее блюдо. Когда соболь прикормится, его не трудно будет добыть капканом.

Рассуждая таким образом, Бадма не заметил, как подошел к юрте. Друзья давно поужинали и сидели вокруг костра.

— Э-э, Бадма, — встретил охотника радостным возгласом Аким, — поняга твоя, как видно, не пуста, а ну, рассказывай, кого упромыслил.

— А мала-мала, — стараясь придать голосу безразлич-

¹ С о х а т ы й — лось-самец.

ный оттенок, вяло отнекивался Бадма и именно этим выдал себя.

— Брось, паря, притворяться-то, — не унимался беспокойный Аким, — сразу видно, пофартило тебе, медведя завалял?

— Сохатого убил, — не в силах больше сдерживать радость сообщил Бадма, — во кака больша. Мой слышала, как стреляль Будя... Наверно, соболь взяли...

— Ох и дошлый ты, браток, все знаешь, однако, шаман, да и здоровый; правильно, и нас бог не обидел.

Бадма рассмеялся:

— Никакой шаман нету. Я знаю, у кого ружье сильное, у кого слабое. По гулу узнаю, попал или нету. Какой тут шаман! Эх, Акимка!

После ужина Бадма вытащил из-за пазухи трубку. Важно сидит Бадма, осанка гордая, движения плавные. У него две трубки: одна самодельная, черная, наполовину сгоревшая от частого употребления, чем-то очень схожая со своим выдавшим виды хозяином. А вторая темно-коричневая, под орех, вся в ободках из серебра, с замысловатым орнаментом и с гордо выгнутым чубуком. Из второй трубки Бадма курил лишь в торжественные минуты, а сегодня у него большая удача. Давно охотники приставали к нему с расспросами, откуда взялась у него такая трубка, но Бадма, сдерживая затаенную гордость, отнекивался вялым безразличным голосом. А тут просит сам Бпрауль. Как откажешь больному.

— Дед Рабдан был великим медвежатником, счет потерял охотник, сколько упромышлял косолапых. Одним словом, медвежий народ шибко обижался на него. Пора да время на все бывает. Однажды палетела на него сзади медведица и смяла. Долго они боролись. Зверь был намного сильнее человека, но зато охотник был ловкий и смелый. Смелый... Ох, смелый, — Бадма покачал своей массивной черной головой, — таких мало! Медведь откроет рот — Рабдан ему шапку; опять откроет — Рабдан ему рукавицу; опять откроет — Рабдан толкал руку...

Пока медведь жевал шапку; потом рукавицу, потом руку... Рабдан ножом резал брюхо. Медведь упал, и Рабдан упал...

Долго они лежали... Рабдан пополз в улус, а медведя съели волки...

Лечили Рабдана ламы да шаманы. Толку не было, а баран всех со двора вывели. Человек живым гнил. От нестерпимых страданий Рабдан кричал, как зверь в огне. Дорога его стала узкая и короткая.

Один раз загнал буран к нам двух русских. Бабка обогрела их, угостила чаем и чем бурхан¹ послал и рассказала о своей беде. Приезжие о чем-то поговорили, обмыли раны больному и дали лекарства. Утром дед пришел в себя и попросил супу.

«Ой-ей, слава бурхану», — молилась бабка. Проезжие дали лекарства и уехали. Три дня прошло — их нету, обещали не забыть. Пять дней прошло, дед стал садиться, а лекарству уж конец. Слава бурхану, вечером приехали. Несколько раз после этого заглядывали они к ним. Ходили козовать и деду помогали избавиться от болезни. Хорошие люди!

Прошел месяц. Который доктором-то был, уехал в город, а второй все ездил к Рабдану. Дед к тому времени стал ходить из юрты, смотрел на гольцы, на тайгу, на степь. Русский, как маленький хубунчик², спрашивал обо всем, а потом писал, писал. Дед много ездил, много видел и умел хорошо говорить по-русски. И об этом заставил рассказать, как и где научился языку белых братьев.

...Десять лет жил Рабдан у русского купца: приходила зима, и они с хозяином уезжали в тайгу. Хорошо встречали их орочены³, угощали оленьим языком и другими вкусными кусками, но и купец не скупился. Напоит их так, что забудут, где и чум⁴ стоит, где жена спит, а утром несут они купцу белок, соболей, лисицу, рады все отдать, лишь бы снова напиться...

...Купец быстро богател, еще бы. А Рабдану надоело все это. Хотел уйти в лес, но хозяин обещал ружье. Спит и видит Рабдан это ружье! Ох, доброе! Пришлось еще раз ехать.

Как и раньше, угостил купец ороченых спиртом, а сам ночью забрал всю пушнину и велел запрягать коней. Ночь, тайга, далеко ли уедешь. Утром они заметили погоню. Ороченые свирепо ревели и размахивали оружием. Как снег

¹ Б у р х а н — бог.

² Х у б у н ч и к — мальчик.

³ О р о ч е н ы — эвенки.

⁴ Ч у м — жилище эвенков.

стало лицо у купца. Он знал, что закон тайги велит убивать вора на месте. Правильный закон.

Но закон можно обойти, обмануть, а бедных орочен проще простого, была бы хитрая голова на плечах... Купец быстро все обдумал и сделал: сбросил куль пряников и большую флягу спирта, а заодно столкнул и кучера с саней.

С рёвом и визгом подлетели орочены к Рабдану, но, увидев флягу, смолкли и окружили ее дружным кольцом. Опынев, орочены подобрели и привезли Рабдана на стойбище. Тревожную ночь провел Рабдан в чуме старого Догончи. Взглянув на бурята, старик качал головой и о чем-то шептал по-своему. Утром, когда тусклое солнце поднялось над тайгой, пришли орочены за Рабданом.

Все рёшили убить бурята. Но вперед выступил седой Догонча и обратился к сородичам:

— Смотрите, честные люди, хорошенько смотрите! Думайте, да хорошенько думайте! Чтоб за вас не краснели ваши дети. Кого собрались убивать?.. Посмотрите на его руки, посмотрите на одежду...

Уговорил старик своих орочен. Спасибо, послушались.

— Возьми, Догонча, его к себе, пусть за тебя охотится, — сказали сородичи и разошлись по своим чумам.

Привел Догонча Рабдана к себе. Бедно жил старик. Сыновей нет. Одна внучка. Втроем легче зажили. Охотно учил старик бурята таежному промыслу. Но и Рабдан не оставался в долгу — много мяса приносил в чум, много пушнины. Радость пришла в семью старого таежника.

Две осени Догонча приводил Рабдана на вершину Мамы, где учил его реветь в трубу. Два раза сохатый сбросил рога. Чаше стали сниться ему родные степи, гольцы. Затосковал. Увидел это Догонча и опустил седую голову. А потом сказал:

— Тебя, Рабдан, ждет мать... Это ее сердце зовет сына Иди...

Рабдан взял свой лук, колчан набил острыми стрелами и пошел. Долго шел по угрюмой тайге. Смелый найдет дорогу через гольцы, болота и бурные реки. Зверь уступит ему трону. Вышел и Рабдан.

— Вот так я и учился, — рассказывал дед. А русский все записал. Долго дружили они. Большой тала¹ был русский. Но время пришло расставаться.

¹ Т а л а — друг,

Рабдан дал своему другу свой лук и колчан, а тот подарил ему вот эту трубку...

— Давно это было, — Бадма затаился и смолк.

— А как звали вашего талу? — спросил Аким.

— Харл.

— Эвоп кто! — воскликнул Иван. — Карл, так звали в Баргузине Кюхельбекера.

...Рано утром налетел страшный сивер. Лес гудел на разные голоса, тут и там слышался треск падающих деревьев. В такую погоду в тайге не сыщешь ни души.

Красавица белка свернулась калачиком и укрылась пушистым хвостиком. Соболь заранее забрался в свой коренной запуск¹ и отсыпается после разбойничьих палетов. Неугомонная синичка и та дремлет, примостившись на ветке размашистого дерева. У старого медведя заныли кости, он то и дело переворачивается во сне с боку на бок и недовольно, сквозь дрему ворчит о чем-то. Видимо, хоть и тепло, и мягко в берлоге, а в непогоду и ему неприятно.

Охотники расселись в дымной юрте, поближе к весело потрескивающему огню. Ветер прорывался сквозь щели в дверях и, подхватывая густые клубы дыма, разгонял их по всем углам неуютного жилища. Тымауль щурит глаза, отмахивается от едкого дыма, но не бросает чинить свою издавшие виды шапку. Другие тоже не сидят без дела — кто ремонтирует лыжи или ружье, штопает дырявую шинель или суконные штаны, а кто просто в задумчивости строгают острым ножом палочку.

Бирауль заметно приуныл — сильно ломило поясницу — верный признак, что погода наладится не скоро.

Действительно, пурга бушевала двое суток. Утром третьего дня встряхнувшиеся ото сна охотники увидели свежий снежок — переновку. В лесу уже началась обычная, незаметная для постороннего глаза интересная жизнь. Перестукивались дятлы, пересвистывались юркие синицы, бесшумно летали вороватые сойки, из соседнего березняка доносился тоненький свист рябчика.

Еще до наступления рассвета пустился на промысел голодный соболь. Острый слух уловил свист рябчика. Темная тень мелькнула на заманчивый звук. Молниеносный прыжок. По молочному снегу разлетелись легкие перья.

¹ К о р е н н о й з а п у с к — место постоянного обитания соболя (в дупле старого дерева, в каменных россыпях).

Вот и жизнь рябчика! На толстой колоде хищник устроил кровавую трапезу и, сытно позавтракав, не торопясь стал пробираться дальше.

В этот день соболю решительно везло. После сытного завтрака, крепко вздремнув в дупле, пустился на прогулку вверх по ключу. Вдруг порывом ветра принесло запах крови. Пахло лесом и кровью. Значит, человек задавил лося, решил он, надо проверить, или не надо?..

Соболь сыт, но звериное любопытство тянет его на свежий запах. Вот он осторожно подкрадывается к сохатому, видит огромную тушу зверя, и сладкий запах свежей крови вызывает аппетит. Зверек проворно забирается в тушу сохатого, опробовав немного печенки, кусочек которой специально оставил хитрый Бадма для соболя, снова прыгает в снег. Отыскав подходящий запуск в россыпях гранитных камней, он, счастливый и спокойный, улегся спать. Тут-то его обнаружили охотники, пришедшие всей артелью за мясом сохатого.

— Соболь шибко сытый был, — осмотрев печенку, резюмировал Бадма, — совсем мало ел.

— О-бой, соболю близко, — вставил слово Тымауль, — смотри след.

— Долго здесь он сидеть не будет, будя григца, — важно сказал Николай, — уж коли он раз отведал печенки, скоро захочет еще. Его палкой теперь не отгонишь.

— А мы ему подарок приготовим, — рассмеялся Аким, — ты, Где Биль, готовь-ка капканы, сейчас расставим их вокруг сохатого.

Утром следующего дня в охотничьих трофеях артели одной соболиной шкуркой стало больше...

...Шел холодный декабрь. Море еще не стало, и байкальские волны зло бились о неприступные скалистые берега. День и ночь был слышен однообразный гул.

Охотились последний месяц. На рождество артель должна была выйти домой. Морозы крепчали, а счет добытым соболям рос медленно. Шла в руки больше малоценная пушнина вроде белки, горностая, хорька.

На исходе месяца Николай собрал совет, на котором было принято решение сделать последнюю вылазку, в субботу снять ловушки, в воскресенье и понедельник отдохнуть и подготовиться для тяжелого и опасного перехода через голец.

Основная ставка делалась на Безымянный ключ, где

Бадма выследил пару соболей. Сюда отправились Бадма, Будя и Где Биль.

У заветного места они разделились. Будя и Где Биль повернули левее, а Бадма углубился в густой ельник, росший на дне ключа попеременно с громадными кедрами.

«Хороший день сегодня,— размышлял Бадма,— соболю будет много ходить, следов много сделает... Жадному Гомбожапу соболей надо. Денег много даст, Бадма купит Цыренке новый дыгыл¹ и малахай². Парень в город собирается на заработки, без новой одежды нельзя.— По темному лицу его скользнула улыбка, и чуть опустились острые углы узких глаз.— Надо Цыренке в город! Смышленный парень. Талану много. Книжки читать стал. Бумагу чертит. Пропадает Цыренка без городу.— И уважение перед непонятной для него жизнью отразилось на лице Бадмы.— Сам Роман Борисович говорит: не отправишь сына, худо будет. Пусть едет в Верхнеудинск, поступит рабочим на железную дорогу. Другую жизнь увидит. Учиться может у добрых людей. У меня, говорит, друг там есть, устроит. Хороший человек Роман Борисович,— удивляется Бадма,— бедных жалеет, богатых не любит. Сколько раз помогал Бадме, а денег не берет. И за что это русский царь его в Сибирь послал? Однако шибко ошибался. Разве можно царю ошибаться? Ха! Нет, надо обязательно Цыренку в город. Вот поймаю головного соболя, Гомбожап денег не пожалеет, много даст Бадме».

В том, что один из двух преследуемых соболей был головным, Бадма не сомневался. Ведь он же сам нашел на месте жировки черный как смоль волос. Эхе, Бадма все знает! Да и самка тоже не из плохих. Бадма с волнением склоняется к пухлому снегу и всматривается в отпечатки соболиных лап. Следуя вдоль тропочки, проложенной зверьком, он подошел к старой заснеженной колоде, следы шли по ней. В одном месте из-под снега выступал большой сук. Здесь следы обрывались. Это соболю, не желая обходить препятствие, прыгал через него, оставляя с обеих сторон отпечатки лап и тоненькие царапинки от когтей. Вот здесь-то Бадма и решил устроить ловушку. Он искусно «подрезал» снизу снег, оставив лишь тоненький слой, и в образовавшейся нише установил капкан.

¹ Дыгыл — шуба.

² Малахай — шапка.

— О, светлейший бурхан,— поднял к небу Бадма свое темное широкое лицо,— не оставь без промысла. И ты, старый Никола-чудотворец, услышь меня. Помоги добыть соболя... И я не забуду тебя — шибко угощать буду вином.

Охотник широко и низко кланялся во все стороны. Затем он отошел от колоды и долго еще не сводил взгляда со звериной тропочки и заветного сука, возле которого он искусно замаскировал капкан.

Он вернулся сюда лишь через пару суток, в сопровождении Николая и Тымауля.

Бадма остановился, не доходя до колоды, и отвернулся. Он боялся взглянуть на сук: а вдруг там по-прежнему пусто? Ведь может быть так, что до бурхана и до Николки не дошла его молитва, и соболь разгуливает по тайге.

— О-бой, Бадма! — вдруг закричал Тымауль, — гляди сюда.

Бадма глянул и не поверил своим глазам. Уродливый, похожий на крутой бараний рог сук оголился от снега, и все белое поле вокруг колоды было изрыто. Значит, соболь в капкане.

— Головка! Вот он чернеется под колодой! — Упрятав за пазуху драгоценного зверька, Бадма потащил охотников к другим ловушкам, на радостях поблагодарив богов.

В других ловушках по этому ключу было пусто. Это не очень огорчило охотников, потому что в их руках был головной соболь, к тому же на пути, по другим ключам было еще много капканов и кулемок, где-нибудь да и окажется зверек.

Соболевщики не ошиблись. Суббота — последний день охоты, оказался наиболее удачным. Вечером, когда они собрались в жарко натопленной юрте, Бирауль ободрал пару прекрасных соболей. А потом, разложив перед собой груды разноцветного меха, начал подсчет трофеев.

— Умун, дюр, илан, дыгыш... — бормотал он про себя, а рядом сидевший Аким переводил:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Семь соболей. По шкурке на брата и один лишний.

— Лишнего соболя добыли Бадма и Где Биль. Я о головке говорю,— степенно произнес Будя, забыв при этом упомянуть себя.— Пусть головка достанется Бадме, это его фарт, бог послал на его Цыренку.— Будя махнул рукой и замолчал. А охотники договорились про себя: «Все равно она попадет в сундук Соломона или Гомбожапа».

— Бери, Бадма, головку,— повторил Николай, протягивая Бадме отливающего серебром, черного, как вороново крыло, соболя.— Может, и на самом деле, сына в город отправишь.

— Спасибо, мужики, за головку,— с чувством проговорил Бадма, крепко затянувшись из трубки,—долго помнить буду.

— О-бой, головка много делает,— задумчиво произнес Бирауль,— у меня нет головки, шибко плохо. Я старик, да еще больной, скоро смерть, а Иринду в «Черную книгу» запишут.

И Комову, и Гомбожану, и Соломону нужны соболиные меха. Но как ни скуны купцы, если принесешь головного соболя, не поскупятся. И деньги дадут, и водкой досыта напоят. Но головки попадают только счастливым. Скуднеет Баргузинская тайга.

— Повезло тебе, Бадма,— начал было Аким, но, взглянув на Бирауля, смолк.

— Слушай, Бирауль,— говорил Иван,— а ты уверен, что, если принесешь головку, Соломон спишет все твои долги?

— При людях обещал,— ответил Бирауль,— значит, не соврет.

— Может, и не соврет,— неопределенно произнес Аким,— пожалуй, верняком не соврет, потому что Соломон любит перед народом показаться честным и правдивым, и если при людях обещал — значит, отпустит тебе грехи.

— Отпустит,— вмешался Бадма,— и шибко хорошо будет Иринде.

— Хорошо? — переспросил Аким и усмехнулся.— Ты, Бадма, говоришь, как будто у Бирауля в руках уже головка.

— Бадма знает, что говорит,— ответил старый охотник. Он встал, растянул на ладони черно-серебристую шкуру соболя и, подойдя к Бираулю, положил ее ему на колени.

— На, твой соболь, Бирауль, бери.

— Нет-нет,— замахал руками Бирауль,— я не добыл, а тебе надо Цыренку одевать, обувать, в город посылать...

— За Цыренку не печалься, мы с Дарп шибко будем работать Гомбожану. На другой раз пойду в Подлеморье, светлейший бурхан поможет — еще добуду головку. А тебе, Бирауль, больше уж сюда не ходить. Бери соболя,— Бадма, торопясь, произносил некоторые слова на родном языке.

Все молчали.

Бирауль посмотрел в глаза Бадмы, обвел взглядом товарищей, искоса взглянул на головку.

— Нет, не могу взять,— решительно заявил он,— тебе он нужней.

— Возьми, Бирауль,— твердо заявил Николай,— тебе нужнее. А Бадме мы поможем.

— Спасибо, Бадма, спасибо, ребята.

Долго еще причитал Бирауль, прижимая к груди комочек черного меха.

— Домой приедем,— наконец сказал он,— два дня пить, веселиться будем. Соломон спирту даст, Бирауль оленья достанет, гулять будем.

— Тенерь только бы добраться до дому,— вставил Иван,— а там уж и гульнем.

— И в баньке попаримся,— заметил Аким,— правда, Где Биль?

— Скорей пойдем,— заулыбался Тымауль,— пусть твоя Катька баню топит.

— Только чур, уговоримся вперед,— больше не тереби товарища за волосы и не кричи: «Ты где биль? А? Где Биль!»

— О-бой, Тымауль тенерь другой стал, как старый сохатый...

Охотники засмеялись, а Где Биль стал возиться возле своей поняги, как будто бы действительно боялся опоздать в баню.

— Ты с понягой не спеши, будя григца,— остановил его Николай,— давай распределим. Что у тебя там положено?

— Мяса немного, жир, белка, сухари,— ответил Тымауль,— не совсем понимая, зачем Будя спрашивает об этом.

— Видишь сколько, будя григца, не унесешь. Половину поклажи отдай Ивану, он помоложе. А ты, Бирауль, забирай все меха, они полегче. Да береги дорогой, а не то Соломон в тюрьму упрячет.

— Тюрьма Бирауль не боится,— улыбнулся старый эвенк,— здесь не лучше тюрьмы. Мяса нет, денег нет, водки нет, Соломон есть, долги есть, холод есть, пусть тюрьма, давай сюда пушнину.

— Бери,— Иван подал Бираулю грудку меха,— только и впрямь не потеряй. Я хоть тюрьмы и не боюсь, а на свободе лучше.

— Ладно,— добродушно отозвался эвенк. — Бирауль дело знает. Хорошо поохотились,— надо хорошо ехать домой.

— А по-моему,— нетерпеливо проговорил Аким,— надо хорошо и выпить. А ну, что там у кого осталось, выставляй на общий стол. Выпьем.

Спирту оказалось немного, но его вполне хватило для того, чтобы поднять и без того хорошее настроение.

Вышли, как и договорились, во вторник. Настроение было бодрое. Не хотелось думать ни о перевале через гольцы, ни о встрече с купцами: и то, и другое не сулило ничего хорошего. Шли быстро, без остановок.

Бирауль, то и дело нащупывал на спине побрякушку, изо всех сил старался не отставать от друзей.

— Болел, табак курил в юрте,— кричал он Ивану, шагавшему впереди,— а всех вас богаче. Не отдам вам пушнину и сам купцом буду.

— Ну-ну,— добродушно заговорил Иван. — Открывай лавку, все равно прогоришь. Чтобы быть купцом, надо иметь такую душу... вернее, никакой души не иметь, а у тебя она есть...

— Будто у тебя нету, Иван,— серьезно и печально проговорил Бирауль,— у тебя тоже есть хороший русский душа.

Иван хотел, что-то сказать, но вдруг остановился и поднял над головой руку. Бирауль притормозил:

— Что там?

— Что там?— повторил Иван, обращаясь к передним.— Чего встали?

— Чего встали,— стараясь быть спокойным, ответил Николай,— а не видишь, что ли, как заносит, видно, буря будет.

Охотники с тревогой всматривались в рваные подвижные облака, появившиеся на горизонте. Обгоняя друг друга, они неудержимо неслись к Баргузинскому хребту, словно кто-то невидимый переворачивал вилами валки душистого сена.

— Горный хозяин сердится,— прошептал Тымауль,— надо искать место.

Ночлег был найден неподалеку от гольцов в укромном местечке, возле небольшого ключа. Не успели охотники разложить костер, поднялась пурга, которая в минуту изменила все окрест.

Было светло и тихо — стало темно, как ночью. Низкорослая, упрятанная в снег кедростлань не могла быть защитой от страшного ветра; еле тлели, обугливались сырые дрова. Отсыревшие шинели стояли коробом. Густой шуршащей пеленой валил снег. Из щербатой цепи гор со свистом дул леденящий ветер. Где-то далеко, вверху, вдруг раздался глухой грохот.

— Обвал, — беззвучно прошептали охотники.

— Ничего, будя грицца, — подбадривал друзей Николай, — отсидимся здесь, к утру все стихнет.

Пророчества Николая не сбылись. Пурга не стихла ни к утру, ни к вечеру. Оставаться на голой равнине еще на одну ночь было невыносимо.

— Душа греться хочет, — заглушая ветер, прокричал Иван. — А ну, кто сегодня кашевар, разливай по чашке горячего чайку.

В таборе зашевелились, забрякали кружки, зазвенели котелки.

Но вот выпит последний глоток горячего чая. Снова холодная вьюжная ночь подступила к еле тлевшему костру.

— Тымауль, — раздался сквозь завывание бури зычный голос Николая, — не кутаться, спать, что ли, собираешься?.. Аким, головы не вешать... пошли за дровами, добавим огольца, да еще чайком побалуемся.

— Да уж пили пять раз, — отозвался кто-то из темноты.

— Ну, что ж, сварим в шестой. В нашем положении чай, что спирт.

Так прошла еще одна ночь, длинная, тревожная, студеная. Пурга не унималась. Не стихала она и на третьи, и на четвертые сутки.

— Конца-краю не видно, — сказал Николай, просыпаясь от жуткого холода, — придется, братцы, шагать, а то последний харч съедим.

— Правильно, чего дожидаться, — подхватил Иван. — Пропадем с голода и холода.

— А дорогой в такую пургу не сдохнем? — засомневался Аким.

— Да уж лучше в дороге пропасть, чем здесь. Мочи нету.

— А что скажешь ты, Тымауль? — спросил Николай.

Тымауль ответил не сразу. Он думал о том, что идти в такую погоду через голец равносильно смерти, но и сидеть на голом снегу тоже не лучше.

— Надо идти, — сказал он, наконец, — а там видно будет.

— Ну что ж, пошли.

Первый шел Тымауль как самый опытный лыжник и знаток Шигнанды и ее гольцов. Не менее двадцати раз переваливал он через эти гольцы, знал здесь каждую тропку, среди этого, казалось бы, бессмысленного, нескончаемого и однообразного нагромождения скал.

Почему же сейчас Тымауль так робко движется вперед, временами петляет, возвращается назад. Вот он остановился посреди снежного моря и с тревогой осмотрелся. Над ущельями и на крутых склонах сопок нависли белые громады сугробов. Казалось, стоит притормозить лыжами, как вся эта настороженная толща снега обрушится вниз.

Не раз случалось, что под снежным потоком погибали не только отдельные охотники, но и целые артели.

— Ты что, Где Биль, — тревожно спрашивает у охотника подоспевший Николай, — заблудился, будя грицца?

— Худо, брат, — ответил Тымауль, — мало-мало блудил. В гору пришел. Большая гора будет. Аллы не будет.

Николай глянул по сторонам. Длинный, отлогий спуск, по которому артель должна была скатиться в Аллу, оказался далеко в стороне. Перед охотниками сквозь снежную пелену темнели скалы Безымянного гольца. Редко кто решился преодолеть этот перевал даже в хорошую погоду, а в ненастье тем более.

— Что же делать? — размышлял Николай, — до Аллинского перевала далеко, все равно не дотянуть.

...На чути — крутые ключи, в прошлом году итандинские охотники там погибли...

— Попробовать разве махнуть в Чертову дыру? Не стоять же здесь. Как думаешь, Где Биль?

Тымауль, чувствуя себя виноватым, молчал.

— Что вы стали, как истуканы, — недовольно спросил Аким, подошедший первым, — или не туда понали?

— Ошибка получилась: видишь Безымянку, а там только одна Чертова дыра, больше нигде пройти.

— Хоть сто чертей! Давай переваливать.

— Ты, Акимка, не хвались перед чертом, — урезонил его Бирауль.

— Не хвастаюсь, дядя, только надоело... Рад самому сатане залезть в карман, лишь бы согреться.

— Будя, быть по-вашему, — сказал Николай, — до Ал-

линского перевала в такую кутерьму не дотянем. С одной стороны, это лучше. Скорее попадем на тракт и быстрее будем дома... С другой стороны... — и замолчал.

Вскоре охотники достигли подошвы гольца и, не отдохнув, начали его штурм. Шагалось тяжело, но дальше было еще трудней. Впереди был крутой, извилистый спуск, который, конечно, гораздо опасней пологого подъема. Мысленно представляя картину спуска, соболевщики, казалось, не замечали ни бешеных налетов ветра, ни гигантских снежных карнизов, нависших над выступами скал...

Медленно взбирались они на вершину. Вот и она. Не будь пурги, охотникам открылась бы сейчас до синеющих горизонтов вся Баргузинская долина с ее улусами и заимками, лугами и настибицами. Снежная пелена скрыла все; что было знакомо каждому охотнику еще с детства. Снег, снег и только снег. В вышине неба снег, над кручами гор снег, под ногами снег, он больно бьет в лицо, слепит глаза, попадает за ворот шинели. Есть ли сейчас на земле место, где можно было бы укрыться от него? Казалось, весь мир окутан снежной пеленой, и куда бы ни ступала нога человека, везде этот крутящийся и свистящий снежный поток. Тоскливо завывали собаки.

Вот уже Тымауль сорвался с вершины и стремительно полетел вниз. Уже скрылись в снежной пелене Будя и Аким. И только Бирауль что-то замешкался. Замыкающий цепочку Иван подошел к нему и закричал сквозь ветер:

— Ну что, дядя Бирауль, скатимся, что ли, с горочки! Ведь, поди, не впервой?

— «Хозяин горный» помогать будет, — стараясь попасть в тон молодому другу, ответил Бирауль, но бодрости не получилось.

— Ты здоров, Бирауль? — встревожился Иван.

— Худо, Ваня, шибко плохо мне. Если домой не выйду, то отдай Соломону двух соболей, пусть «Черной книги» у Иринды не будет. Дай слово, Ваня, легко умирать буду.

— Слово даю тебе, дядя, все исполню... Только чего это ты, паря, задумал умирать, — и взглянул на Бирауля. — Я за тобой покачусь. Уж если погибнем, то вместе.

— Не надо умирать, Ваня, дай бог, живи, — тихо звучат слова. — Мой сердца плачит, — не придет больше Бирауль, не увидит родной Подлеморь. Худо охотнику, ох худо. — Бирауль замолчал. Поднял руку, прислушиваясь: — Слышь, Вань, совсем тихо. «Горный хозяин» спит. Одна ветер поет.

Слава Николке-богу! Значит, наши спустились... Помогай нам... Микол...

Бирауль подозвал к себе Кана и поцеловал собаку в лоб.

— О-бой, Ваня, не отставай,— эвенк сорвался с места и в то же время скрылся за поворотом... Иван ринулся за ним.

В белом летящем вихре фигура Бирауля казалась еле заметной точкой. Она кружилась,—как пушинка в воздухе. Вместе с ней кружился и Иван. Сила инерции кидала его то в одну, то в другую сторону, иногда прижимала к самой скале, иногда перекидывала через черные расщелины. Иван не думал о пути, что мчался ему навстречу. Он хотел сейчас только удержаться на ногах и не терять старика из виду. Он заметил, что Бирауль сделал крутой поворот вправо, то же самое сделал Иван, но как только он развернулся, почувствовал, что земля словно провалилась под ногами, и он еще стремительней помчался вниз. Вокруг все рушилось, грохотало, несло неизвестно куда.

— Обвал,— блеснуло молнией короткое слово.

Не имея возможности управлять движением, Иван отдался на волю судьбы.

Вдруг он увидел неизвестно откуда появившуюся перед ним фигуру Бирауля. Иван успел уловить краешком глаза, что эвенк отчаянно жестикулирует, указывая куда-то вперед. Малыгин увидел наклонившееся над кручью небольшое жидкое дерево, которое в следующий миг оказалось рядом, и он инстинктивно ухватился за него. Бирауля с быстротой молнии пронесло мимо. Вслед за ним полетели глыбы снега и камней...

И вдруг все стихло. Иван по одному разжал пальцы, охватившие ствол дерева, которое дрожа раскачивалось под его тяжестью.

Долго лежал Малыгин в каком-то забытии. Все тело ныло, как будто его отмолотили цепями на деревенском току. Попытался встать, но сильная боль заставила его снова лечь на спрессовавшийся снег.

— Где Бирауль?— Иван встал, тяжело покачиваясь на ногах, и вдруг в страхе закрыл глаза — он был на краю пропасти. Стоит чуть оступиться и... Иван попятился назад, цепко ухватился за деревцо и, напрягая силы, пополз вверх.

— Где Бирауль? Живой ли?.. И почему он не схватился за дерево? Ведь ему стоило лишь протянуть руки. Иван

взглянул на жидкую березку и понял... Бирауль боялся, что дерево не выдержит тяжести двух людей... Значит, старик эвенк пожертвовал собой...

Крупные капли слез текли по смуглому лицу молодого охотника.

Превозмогая боль, заковылял Иван в обход пропасти, останавливаясь, чтобы перевести дух.

Наконец он нашел относительно пологий спуск. Вниз было страшно смотреть. Вся узкая падь была завалена деревьями, вырванными вместе с корнями, огромные глыбы камней тут и там лежали на твердом как лед снегу. Какая невообразимая сила бушевала у только что заснувшей снежной лавы!

Иван останавливался у каждого подозрительного бугорка, у каждой черновины. Сворачивал в сторону, возвращался назад.

Пройдя немного, за поворотом он увидел шедших ему навстречу охотников. По правой стороне лавы шел Будя, рядом Бадма, за ним Аким, и по левой кромке лавы — Где Биль.

— Ванюха! Друг! — чуть не враз закричали обрадованные тасянки, — живой, едят тебя мухи!.. Бирауль-то где?

— Бирауль... — еле слышно прошептал Иван... — пропал...

— Пропал?.. — Тымауль сел на камень и закрыл лицо шапкой. А ему кто-то назойливо долбил в голову: «Ты виноват! Ты виноват! Ты виноват! Ты, ты, ты...» Заплутался в этих проклятых гольцах... Обвал начался уже после того, как четверо лыжников благополучно спустились с гольца. Укрывшись от снежного потока в надежном месте, они повернули назад как только снежная лава начала терять свою силу, хотя еще по-прежнему была опасна.

— Пошли искать, — коротко приказал Николай. Вдруг громко завыл неведомо откуда появившийся Кан и стал звать охотников куда-то в сторону. Он привел их к огромной горе снега, выросшей у подножия скалы. Собака старалась разрыть твердый, как лед, снег, но это ей удавалось плохо. Охотники сняли шапки. Было ясно, что здесь, под огромной толщей снега, заживо погребен Бирауль...

Целый день рылись люди в снежной горе, но найти пропавшего так и не удалось.

— Будя гритца, знать, судьба наша такова.

...Под молодой, стройной сосной охотники поставили деревянный крест.

Невдалеке безутешно выл Кан, по-собачьи оплакивая гибель хозяина.

Иван, единственный грамотей артели, молча вынул нож и вырезал надгробную эпитафию:

Здес пакоица раб Божий
Бирауль ат роду 65 лет
Спи наш дарагой друк
Аминь.

Вскоре прояснилось, и охотники увидели прямо над собой грозный голец — Чертову дыру.

— Ох, мужики, да как же это мы спустились с такого крутика. Вот бы нашим бабам показать, ахнули бы, — сказал Аким. В другое время все бы рассмеялись, сейчас охотники сидели неподвижно и молчали.

Бадма, потягивая трубку и ни к кому не обращаясь, заговорил:

— Иринда осталась совсем одна... Бадма хочет взять к себе в юрту. Пусть с Цыренкой вместе растут. А Соломошке скажем, пусть немного ждет, долги Бирауля артель заплатит... Так думает Бадма.

— Верно, паря!

— Правда, паря!..

Затем охотники поклонились снежной могиле друга, надели лыжи и собрались в путь.

Оглянувшись, Иван увидел Кана, который уже не выл, а, опустив голову на лапы, лежал неподвижный на снегу.

— Кан! — крикнул Иван, — пошли домой.

— Он тут будет умирать. За хозяином на тот свет ходить будет. Снова Бирауль с Каном пойдут промыслять... Тебе толку совсем нету, — сердито закончил Где Биль.

— Неправда, Кан пойдет с нами, — возразил Иван и, привязав собаку, потянул за собой.

Кан храпел и упирался всеми четырьмя лапами. Глаза налились кровью. Грозно рыча, он приготовился к прыжку на человека. Подоспевший в это время Бадма одним взмахом отсек ножом сыромятный ремень.

Кан стремглав кинулся на прежнее место.

— Пусть он умирает тут, мешать худо, — сказал Бадма.

Товарищи уже скрылись за поворотом, когда Иван, еще раз поклонившись Бираулю и Кану, покатился вперед.

А в это время с Икатского хребта бешено неслась пара

вороних, впряженная в легкую кошевку. Завернувшись в волчью доху, зябко вздрагивая от сильного мороза, сидел чернобородый человек. На облучке, всматриваясь в ночную мглу, туго натянув вожжи, правил угрюмый кучер. По тому, как упарились лошади, как устало взмахивал кнутом возница, было видно, что путники едут издалека.

— А что, Хаим,— спросил у кучера чернобородый,— скоро эта проклятая Гарга?

— Гарга-то скоро, Соломон Лазаревич,— вяло ответил кучер,— только зря мы, кажется, спешим. Неровен час, попадем в этой чертовой тьме в наледь, а еще хуже — провалимся на отдуве.

— Неужели можем провалиться?

— Ухнем вместе с конями. Вон огонек Марикты, захватить бы переночевать.

— Не рассуждай,— громко произнес чернобородый,— скоро взойдет луна, поди, дорогу-то различишь?

Хаим не стал перечить. В другое время он, может быть, и попытался бы уговорить хозяина, но сейчас не решался. Баргузинский владыка был явно не в духе. И было отчего. На Ципиканском прииске, откуда сейчас спешил Соломон, рабочие объявили забастовку, требуя повышения заработка. Хозяин категорически отказал. Тогда рабочие пригрозили расправой. Насмерть перетрухнувший Соломон, захватив с собой заветный сундучок с золотом и ценной пушниной, ночью покинул прииск.

Сейчас, когда Ципикан был уже далеко позади, можно было и передохнуть, но у купца была забота — надо приехать к моменту прихода подлеморских охотников.

Резкий хиуз¹, ударивший в лицо, возвестил о близости реки. Соломон высунул свое заметно осунувшееся за последние дни лицо и прислушался. Гарга, даже скованная льдом, сердито ворчала на порогах. Соломон снова упрятался в доху и больше не показывал носа. Шумный рокот реки чем-то напомнил ему волнение приисковых рабочих. Он готов был уже отменить свое решение и завернуть в Марикту, но не хотел соглашаться с Хаимом, которого купец недолюбливал именно за то, что тот редко ошибался и всегда давал дельные советы.

Соломон с усилием приподнял ногу, укутанную полами

¹ Хиуз — ледянящий зимний ветер (обычно дует вниз по течению реки).

дохи, и, толкнув валенком сутулую спину кучера, сказал:

— Пошел быстрее!

— Нельзя быстрее. На лед въезжаем, — обидчиво ответил кучер, — не видите, что ли? Может, вылезли бы из кошевы, а то опасно.

— Пошел, — буркнул Соломон и глубже упрятался в доху. Их качнуло сначала в одну, затем в другую сторону. Кошева въехала на лед. Качка, как показалось Соломону, продолжалась мучительно долго. Давно уже должен быть противоположный берег, а торосам нет конца.

Соломон выглянул из тяжелой дохи, но в этот миг раздался сквозь оглушительный треск крик Хаима: «Тонем!»

Купец, распахнув доху с проворством, поразившим старого кучера, спрыгнул на лед. И вовремя. В ту же минуту кошева резко покачнулась набок и стала медленно погружаться под лед вместе с ящиком.

— Золото! Золото мое! — закричал Соломон. — Хаим, слышишь, золото тонет! Хаимушка!

Но кучер будто не слышал воплей хозяина. Орудую появившейся в его руках жердью, он забежал вперед и стал раскалывать лед. Сколет один кусок, лошади шагнут вперед, сколет второй — лошади подвинутся еще. Так, не обращая внимания на истошные крики Соломона, дошел он до самого берега и вывел из воды дрожащих коней. Тут только Хаим заглянул в кошеву, и холодок прошел у него по спине — ящика там не было.

— Золото!.. — еще громче прежнего кричал Соломон, обежавший вокруг полыньи. — Хаимушка, дорогой, не дай разориться, на колени перед тобой встану, подыми, Хаимушка, родненький...

Кучер, по-прежнему ничего не отвечая, подошел к полынье.

— Нет, хозяин, в ледяную воду я не полезу, — верная гибель.

— Хаимушка, дорогой, пару лошадей вместе с кошевой отдам.

— На том свете, хозяин, лошади не нужны, и моей Хае тоже некуда ездить.

— Бери половину золота. И тебе, и твоей Хае, и внукам твоим хватит... Бери, иначе, — лицо Соломона налилось кровью, — тебя и твою Хаю уничтожу, слышишь!

Хаим заколебался..

— Ладно, так и быть, за половину полезу, только ты не врешь, господин?

— Что ты, Хаим! Клянусь пророком Моисеем!— и заторопился.— Глотни для храбрости.

Хаим хлебнул из протянутой ему фляги и снова, вооружившись жердью, побежал к полынье.

Кружа по кромке льда, он старательно шарил жердью по дну, не обращая внимания на крики купца.

— Нашел?— в сотый раз спрашивал Соломон Лазаревич, видя, как Хаим низко склонился над водой.

— Есть,— возбужденно ответил Хаим,— нащупал! Только глубоко залег, в яму, аршина три будет.

— А ты глотни, Хаим, еще, по себе знаю,— и смелости прибавит и разогреет.

— Обойдусь,— отозвался Хаим и, сбросив с плеч доху, спустился в ледяную воду.

Быстро нащупав ящик, он приподнял его снизу жердью, но жгучая боль во всем теле заставила его принять другое решение. Он мгновенно окунулся чуть ли не по самые уши в воду, вцепился в ящик и всем усилием мышц выкинул его на лед. Но в это время правая нога, упирающаяся на что-то твердое, поскользнулась. Не удержавшись, он упал на спину, и течение быстро подхватило и понесло его вниз.

Хаима в одну минуту прибило на край полыньи и с силой потянуло под ледяную кромку. Он с отчаянием пытался выкарабкаться, но всякий раз, когда он пробовал закинуть ноги на лед, тело его беспомощно скользило вниз.

— Тону, спасите!— жалобным голосом крикнул кучер.

Схватив жердь, Соломон Лазаревич побежал к Хаиму.

А еще часа через два кучер лежал под шубным одеялом в юрте гомбожаповского пастуха. Положение спасенного было тяжелым. По дороге к юрте он впал в беспамятство и не открывал глаз.

Возле его изголовья, грустно кивая головой, сидел печальный купец. Узнав, что Гомбожап, совершая очередной объезд своих владений, остановился на ближней заимке, Соломон отослал пастуха с известием о своем приезде.

В доме осталась старая больная женщина, видимо мать пастуха.

— Умираю!— неожиданно раздался слабый голос Хаима.— Не забудь наш уговор... Половину золота отдай моей Хае, детям,— и застонал, откинувшись в беспамятстве.

— Эй, старуха,— раздался в юрте голос Соломона.— Как звать-то тебя?

— Дари.

— Вот что, Дари. Возьми двадцать пять рублей, поможешь похоронить моего кучера, мне его до дому все равно не довезти. А я, видит бог, сделал все, что мог. Возьми деньги.

— Денег не надо... Твой кучер жив...

— Возьми, возьми...

За дверью послышалось ржание лошади.

В юрту стремительно вошел высокий бурят, с плотным расплывшимся лицом, с круглыми плечами. У двери, выпрямившись, стал юноша в рваном дыгыле.

— А, Соломон Лазаревич! Амар сайн¹,— нараспев проговорил вошедший,— рад видеть в наших краях!

— Амар сайн, Гомбожап,— радостно протягивая руку,— ответил купец,— извини, друг, меня, неприятность тебе доставил.

— Что такое?

— Да вот кучер в дороге заболел. А я тороплюсь в Баргузин. Может, довезешь! Мои-то кони устали, через недельку пришлю за ними.

— Отчего так срочно? Чай выпьем.

— Нет, благодарю. Тороплюсь, неотложные дела ждут.

...Легкая, обшитая лисьим мехом кошевка тронулась с места, и два властителя баргузинских просторов, удобно усевшись на мягких сиденьях, отбыли восвояси. Занятые каждый своими мыслями, спутники первое время ехали молча, но как только оказались на тракте, дружески разговорились.

— Что нынче слышно насчет соболей?— попукая лошадей, проговорил Гомбожап, пряча за степенностью хитрицу.

— Не знаю,— уклончиво ответил Соломон,— разослал я несколько артелей по своим подлеморским рекам и вот к рождеству жду их,— и вздохнул.— Туговато становится с соболями. Спрос велик, а достать соболька неоткуда, оскудела тайга.

— Зато твой карман не пустой?

— А твой, Гомбожап?

— И мой, слава бурхану!

Счастливый смех, низкий раскатистый, и другой, зали-

¹ А м а р с а й н — здравствуйте.

вистый, тонкий, на время заглушает монотонное поскрипывание полозьев.

Высоко в синем небе в белоснежном богатырском шлеме сверкает Барагхан Ула.

Гомбожап, осадив лошадей, вылез из кошевки. Молитвенно сложив руки, со страхом посмотрел на священную гору, толстые губы его шептали слова молитвы. Затем он подошел к кошевке и достал красивый саквояж из красной кожи. Не торопясь извлек бутылку водки, деревянную, китайской работы чашечку и несколько кусков жирной баранины. Продолжая нашептывать молитву, он долго брызгал водку. Соломон наотрез отказался от водки.

Улыбаясь, Гомбожап разом опорожнил содержимое бутылки.

Быстро опьянев, Гомбожап самозабвенно затянул песню, потом он затих и, наконец, захрапел.

Соломон Лазаревич, брезгливо отодвинувшись от него, взялся за вожжи. Выхоленные рысаки резво мчались по ледяной дороге. Тонкая плетеная сбруя вся в серебре. Крошечные серебряные колокольчики, свисающие с узорной шлеи, звенели чистым, ласковым смехом. Рядом заветный сундучок...

Вздохнув с облегчением, Соломон погрузился в любимые коммерческие размышления. На одном из ухабов купец больно ударился о спутника, поморщившись от боли, он взглянул вперед и к ужасу своему заметил группу вооруженных людей.

— Угодили на засаду!

Лошади, закусив удила, неслись к людям.

— О, всемогущий пророк Моисей, спаси сына своего, — взмолился купец. До людей оставалось недалеко. Они о чем-то оживленно разговаривали. Вдруг купец уловил знакомый голос. Ему послышалось: «Будя, будя гритца». Сколько исколесил Соломон путей-дорог, сколько видел людей, но эту забавную поговорку он слышал только от Николая Шелковникова.

— Да это ж Никола! Будя-богатырь. Высокий — Иван Малыгин! Кряжистый кривоногий — Где Биль!.. Купец облегченно вздохнул, лицо его стало заливаться румянцем, испуг сменился досадой. А когда подъехал к охотникам, выпрямился, наклонив голову гордо и властно: «Сволочь, голь, нищета, высторожились на дороге», — молча негодовал он.

Лошади остановились.

Охотники, поклонившись, дружно поздоровались с купцом. Соломон Лазаревич небрежно кивнул, поднялся в кошевке и внимательно осмотрел охотников.

— А где Бирауль?

— О-бой, Бирауль ушел совсем, — ответил Тымауль.

— Куда ушел?

Вперед выступил Иван.

— Бирауль попал под обвал... Ну, и пушнина с ним.

— Как пушнина?! Всех соборей!

— Мы несли харчишки, а ему, как больному, дали соборей, жалко ведь старика.

— Жалко стало тунгусишку! Сдох, туда ему и дорога! Соборей не могли сохранить, дурачье!

— Будя гритца, побойся бога, Соломон Лазаревич!

— Да вы сами его убили, а пушнину разделили. Так, что ли? А долги кто будет платить!..

— За Бираулевы долги не беспокойтесь. Немного отдохнем, подвезем дров, сена, и снова в Подлеморье. Промысел будет, удержишь с нас, а Иринду не трогай, не то худым кончится, — пригрозил Иван.

Купец оторопел.

— Угрожать мне вздумал, дармоед. В тюрьме сгною! Убил Бирауля, а теперь...

— Кто убил?

— Ты, каторжник.

Медвежья лапа Ивана опустилась на ворот дохи. В следующий миг Соломон Лазаревич, как подстреленный ворон, врезался головой в снег.

Испуганные лошади вздыбились и, круто развернувшись, опрокинули кошевку, из которой, тускло сверкнув железом, вывалился заветный сундучок, а за ним и пьяный Гомбожап. Увидев черных от копоти и грязи людей, вооруженных берданами, и лежавшего у их ног Соломона, Гомбожап вмиг отрезвел.

— Меня не нада... Золото Соломошкин... Я бедна бурят. Аким, не выдержав, громко рассмеялся:

— Мы не разбойники, дурень трухлявый.

Николай с Тымаулем уложили ящик и усадили трясущегося от испуга Гомбожапа.

Соломон Лазаревич, приподняв голову, с опаской взглянул на Ивана, затем, проворно вскочив, упал в сани. Перепуганные кони вихрем помчались в степь.

МОЯ МАЛЮТКА-МАРИКАН

Глава I

Наконец Хабель добрался до Орлиного гнезда. Отдышавшись, сердито оглянулся назад. Темными косматыми копнами неслись с Байкала тучи и липли к гольцам. Сквозь просветы, далеко-далеко внизу чернел кедровник, в котором петляли по его чумнице¹ стражники.

На суровом лице появилась злорадная улыбка—«Хотели Хабеля взять!.. Вот вам!..— таежник показал дулю в темнеющую даль и, освободив от юксовонемевшие ноги, уселся на лыжи.

Только здесь, на огромной высоте, находясь вне опасности, Хабель почувствовал страшную усталость. Таковую усталость, когда человеку бывает трудно пошевелить даже пальцем. Голова валится с плеч, шумит в ушах, сами собой закрываются веки. Хочется лечь на лыжи и заснуть.

Двое суток без сна, почти без пищи, он уходил от настырных стражников.

Вторая трубка крепкого самосада лишь на короткий миг чуть взбодрила его. После этого наступила непреодолимая слабость, и Хабель, не в силах больше сопротивляться, свалился на бок.

Сон пришел сразу же, окутав таежника темным медвежьим пухом.

А в это время со стороны Баргузинской долины медленно поднимается человек. За спиной у него тяжелая поняга. Он часто останавливается и поправляет широкие, из сыромятной кожи лямки.

¹ Чумница — лыжня.

Голец, покрытый многометровой толщей снега, походит на огромное яйцо диковинной гигантской птицы.

Преодолев последний взлобок, человек в нерешительности попятился назад. На темно-бронзовом обмороженном лице выразился испуг. Руки судорожно сжали винтовку. Оглянувшись вокруг, он согнулся и поспешно скатился назад. Остановившись, прислушался. Абсолютное безмолвие. От напряжения звенит в ушах. «Кто там лежит?.. Почему без огня?.. Добрый?.. Худой?.. Жив ли он?.. — пронеслись тревожные мысли. — А вдруг это стражник прикинулся больным?!. Что же делать?.. А?.. Убежать без оглядки... Нет, худо будет... Горный хозяин рассердится... Закон тайги не велит бросать попавшего в беду человека»...

Осторожно подойдя к лежащему, взглянул в лицо. Из груди вырвался вздох облегчения: «Петрован Хабель!.. С ума спятил... вздумал опять на таком морозе без огня...»

— О-бой, Хабель!.. Хабель!.. Пожалуйста, кончай спать! Уй!.. — таежник в отчаянии затряс товарища. Наконец ему удалось кое-как разбудить спящего. Хабель бессмысленно замычал, стараясь выдать какое-то слово. Красные воспаленные глаза словно ослепли, и ничего не выражая, тупо блуждали по лицу эвенка.

После долгой тряски Хабель немного согрелся и к нему вернулся дар речи, ожили острые, живые глаза.

— Ха... паря... Остяк... здорово, друг... — вырвались с хрипом, слова.

— Здоров, здоров, Хабель! Однако болела шибко?..

— Нет... спать захотел... устал... Помогли подняться. — Хабель с помощью Остяка встал на ноги и тут же со стоном опустился на лыжи.

— О-бой! Однако тебе шибко худо есть!.. Сиди на лыжах, я тебя тащить будем...

С трудом добравшись с тяжелою ношей до соснового бора, Остяк быстро срубил сухое смолистое дерево и разжег жаркий костер. Через четверть часа Хабель, обжигаясь, жадно глотал горячий чай. Отогревшись, глухим простуженным голосом рассказал, с каким трудом ему удалось уйти от стражников. «Одне-то стражники в первый же день махнули бы рукой... А то с ними сам Сватош ходит... Ох и настырный же проклятый чех... даже ночь его не держит...» — закончил Хабель свое печальное повествование.

— Шибко будет гонять — стрелять нада... — с твердой решимостью заявил Остяк.

— Где бы подобрать скалу повыше да спихнуть его, чтоб косточку ворон не нашел...— Петрован хотел еще что-то сказать, но, навалившись на колоду, заснул.

Всю ночь сидит у огня угрюмый эвенк. Свою теплую козью безрукавку отдал Хабелю, а поэтому самому приходится часто-часто греть то спину, то грудь и находиться в постоянном движении. Бросая на товарища озабоченный взгляд, бормочет на родном языке: «Пусть отсыпается друг, а я как-нибудь прокоротаю ночь... дело привычно...» Много трубок искурил он крепчайшего самосада, много дум пере-думал. Откуда-то из глубины души приходят беспокойные мысли. «Подлеморье-то наша земля... тунгусская... Великого Самагирского рода... Мои-то предки жили и промышляли по подлеморским рекам. Там и сейчас могилы ихние, в темных кедровниках прячутся от любопытных глаз русских людей... А почему Остяку нельзя промышлять зверя тут, рядом, у могил его предков?.. Видал, заповедник какой-то придумали. Черного соболя бить запрещают».

А Петрован стонет во сне, скрежещет зубами, выкрикивает несвязные слова брани. Он и во сне убегает от стражников.

Мало кто помнил, что фамилия этого охотника— Молчанов. Все звали его по прозвищу Хабель (от искаженного кабель).

Остяк, взглянув на товарища, тяжело вздыхает, заботливо поправляет на нем козлинку. По таежной привычке опять начал разговаривать вслух сам с собой: «О-бой, Хабельку загоняли, как добрые собаки сохатого... Чуть не пропал мужик... А такого-то лыжника ни у эвенков, ни у бурят, ни у русских больше не найдешь... Недаром его зовут «крылатым лыжником»... Крылатый и есть... С таких крутиков прыгает, что другого и за тысячу соболей не заставишь. Ослепнуть мне, если вру...» Эвенкийские слова, забавно переплетаясь с русскими, разлетаются во все стороны и тут же тонут в кустах, в колючей хвое ельника и сосняка. А когда Хабель, застонав, начал во сне звать Остяка на помощь, на грубом лице эвенка выразилась боль сострадания, и в темных глазах засверкали сердитые огоньки; он вскочил на ноги и, схватив таган, изо всей силы ударил по полусгнившей колоде. Пустая колода гулко ухнула. Уж насколько крепко спал Петрован, и то вскочил на ноги.

— А!.. Эй-эй!.. Оська!.. В кого стрелял?!

— Колода стрелял,— усмехнулся эвенк,— я думал Хабель бояться нету.

— Аха, боюсь!.. Это я-то?.. С одного места семь медведей убил... в Малых Черемшанах... было дело... А в человека стрелять — грязное дело... не буду, и тебе не велю.

— О-бой, Хабель, худой дерево рубить можно. Закон тайги так велит.

— Но ведь Сватош-то не худой человек... Люди его хвалят.

— Он худо сделал мне... много худо... Малютку-Марикан забрала себе... Мою Малютку-Марикан... Остяк хочет промышлять... Хочет спирт пить... шибко гулять хочет...

— Тетку Марью любить!— смеясь, перебил эвенка Хабель,— соболя ей дарить!.. Она-то тебя хошь целует, аль нет? А то нынче болтали люди — подарки-то Машка берет, а ухажера пинкарем потчует! Ха-ха-ха!

— Тьфу, черна Хабель! Болтать-болтать, дурной язык, как худой баба!— отплевывается Остяк.

— Не сердись, Оська, смехом все баю... Надо же хоть малость какую сердцу растаять... А то «всю дорогу» на душе холодина стоит... Э-ах, друг, темным-темна наша тропинка... На каждом шагу смерть облизывается... Вечор, если бы не ты, дык весной харч медведю был бы... Поминай тогдысь Петруху Хабеля... А про Малютку-Марикан и не бай много.

— Сватош шибко худо делал. Сватош-та смотрель-смотрель Подлеморье. Видит: шибко богата есть... смотрель мою Малютку-Марикан... Жадный глаз все видел — богата, красива, соболя черный! Вот забрала себе все, а тут бедный тунгус долой гоняли... Стрелять буду!.. Убить буду!..

— Будя, Оська. Эвон светать начинается, надо чай пить, да убираться восвояси.

Далеко-далеко на востоке, за благодатной долиной Баргузина, где небо подперли своими исполинскими плечами Иккат и его братья, кто-то завесил часть неба розовым шелком. От этого макушки могучих деревьев и белозубый голец Орлиное гнездо окрасились бледно-розовым светом, а предрассветная серая муть, словно растворяясь в молоке, поспешно исчезла.

Позавтракав, приятели молча закурили. Над их головами закурчавился жиденький дымок. Тишину нарушало лишь ленивое потрескивание умирающего костра.

— Петрован, долго ходить в Баргузин будешь?

— Скоро вернётся, Ося, чо там делать-то... А где, паря, тебя искать буду?

— Малютка-Марикан ходи.

— Ладно... У нее можно поживиться кое-чем... Верно, стражники у Марикан нас и караулят... Знают черти, где Оськина любовь таится... Знают, что и меня ты туды же тянешь за собой... Э-э, чо там думать! Тонуть, дак в Байкале, падать, дак с гольца!.. Прийду, братуха, жди со спиртом... Я ж ведь с промыслом... до-о-обренького добыл!

В узких черных глазах засверкали искорки. Эвенк чмокнул и облизнулся.

— Таскай-таскай спирт! Хозяина тайги угощать нада... Малютку-Марикан поить будем... Она любить будет... соболь давать будет. Чо-о-орна соболь... саму головку... Тунгус все знает...

— Малютке-Марикан только капельку палыешь — остально сам сожрешь, — усмехнулся Хабель.

Остяк поднялся первым. Встав на лыжи, ловкими привычными движениями вдел ноги в юксы, взвалил понягу и, кивком головы попрощавшись с Хабелем, исчез за заснеженными деревьями.

Когда затих шорох широких охотничьих лыж, Петрован вынул из грязного продымленного куля черную тряпочку и трясущимися руками начал осторожно разворачивать ее. При виде темного клубочка меха зрачки серых глаз лихорадочно заметались. Покрытое рыжеватой щетиной лицо расплылось в улыбке. Он дунул на ворс. Ворсинки заметались, заискрились солнечной радугой. Расправив шкурку, охотник потрянул ею, и чудесный мех весь загорелся миллионами мельчайших огоньков, чернотой соперничая с крылом вещего ворона. «Ух ты! Душа-голубка, красота-то, красота!..» — зашептали обветренные губы. Таежник осторожно провел им по грязной обмороженной щеке. Прикосновение нежного шелковистого меха заставило его зажмуриться. Как в чудесной сказке, перед Хабелем всплыли безмятежные дни молодости, и, словно наяву, почувствовал он ласковое прикосновение девичьей щеки.

— Головной-то соболь, кажись, еще не вывелся, — вслух проронил охотник и перекрестился, — слава богу, спасибо Миколу-чудотворцу, благодетелю и заступнику нашему.

Глубоко, где-то в лохмотьях грязной запазухи, спрятал браконьер драгоценную шкурку, надел лыжи и скатился

на крохотную полянку. Огляделся. Тихо-тихо кругом. Морозно. А долина Баргузина окуталась тонкой кисеей.

— Внизу кыча¹ идет... там теплее, — сказал Хабель малюсенькой еллке, — катись со мной, дуреха, чем тут мерзнуть на ветру.

Оглядываться назад ему не хотелось. А тем более думать о последних днях страшной погони, когда стражники, подменяя один другого, гнались и гнались за ним. Его спасла виртуозная техника ходьбы на охотничьих лыжах. Несколько раз он приводил своих преследователей к головокружительным кручам и, помахав им ангурой, бросался вниз. Пока они обходили этот опасный спуск, Хабель успевал напиться чаю и отдохнуть. Но все равно он еле-еле сумел избежать ареста.

Браконьер облегченно вздохнул: «Еще раз удрал от Зенона Сватоша... Черт бы его побрал!» Уже потеплевшими глазами взглянул на долину, где стесненный крутыми скалистыми горами и гранитными порогами беснуется голубой Баргузин. Здесь стоит извечный гомон — спор реки с Шаман-горой. А чуть повыше, на высоком сухом берегу, приютилось старинное село, которое местные старожилы именуют городом. Там, у Банной речки, охотника ожидает старенькая, с низким потолком изба, о которой ходит дурная слава, и называют ее «Бабын слезы». В этом «заведении» даже стены пропитались спиртом и изо всех углов тянет горьким водочным перегаром.

А выйдя из тайги с добычей, Хабелю, да и всем его дружкам, просто грех обойти этот дом. Лишь перешагни грязный порог — неделя пролетит в нем, как одна кошмарная ночь. От соболька и хвостика не останется.

— Ниче, пропьем, а по миру не пойдем!.. Собольков Зенон расплодил... — кому-то вслух сказал браконьер в подтверждение своих мыслей. Проверив юксы, подтянул кушак, ту же нахлобучил свою обгоревшую, оборванную шапчонку. Набрав полную грудь воздуха, бросился вниз по крутому склону.

¹ Кыча — изморозь (местное баргузинское выражение).

Из мрачного ущелья диким галопом вылетает шумливая речка. Очумев от буйного бега, она сначала ничего не может понять, но потом, чуть приостыв при виде Байкала, тихо журча, бросается в объятия моря.

Речку эту зовут Кудалды, от слова «худалдан», что означает «торговля». С незапамятных времен по устьям подморских рек жили эвенки Самагирского рода. А в устье Кудалды находилась резиденция вождя самагиров. В определенное время в свое родовое управление съезжались все члены рода. Везли черных соболей для оплаты ясака — подати. Везли и другие дары богатой природы. Сюда же съезжались и соседи: буряты, русские. На празднике открывался торг. Вот и прозвали шумливую речку торговой.

У самого берега на крепких опорах возвышается маяк. Немного подальше — дом маятника. А еще выше — добротное здание с большими светлыми окнами. Видать, дом рубили отличные мастера. И для долговечности покрыли железной крышей.

До тысяча девятьсот шестнадцатого года в этом доме находилась канцелярия родового управления.

А в тысяча девятьсот шестнадцатом, в самый разгар первой мировой войны, по решению царского сената эвенков переселили в устье реки Томпа, а здесь был организован соболиный заповедник.

В январе 1926 года декретом СНК РСФСР был учрежден государственный Баргузинский заповедник, основной задачей которого являлось сохранение и увеличение запасов ценного баргузинского соболя.

Охрана заповедника имела целый штат лесников, которые еще долго именовались по старинке стражниками.

В доме бывшего родового управления теперь находились канцелярия заповедника и квартира директора.

В крайнюю избенку вошел высокий молодой стражник. Голубые глаза его встретились с большими лучистыми детскими глазами.

— Ну, как «от хвоста грудинка», давно проснулся? — спросил он своего сына, сидящего на лавке.

— Я уж чай пил... с сахаром.

— Вот и молодец, а почему без штанов-то?

— Завтра мама их стирала.

— Вот тебе на: «завтра», говори: «вчера». А мать-то где?

В сенцах слышались чьи-то шаги. Отец с сыном оглянулись. В распахнувшейся двери показалась высокая стройная женщина. Мороз разрумянил белое лицо. Темно-синие глаза искрились счастьем.

— Куда, Витя, ходил?

— К Зенону Францевичу.

— Снова в обход идете?

— В этот раз далеко пойдем... В верховьях Лунной речки появились хищники. Надо их поймать...

— Тятя, они страшные?.. Рога есть?..

— Аха, сынок, бодаются, как дедушкин бык, смотри не бегай к морю. Раз-два, и посадят тебя на рога, а потом уволокут к себе в море. Вот...

У ребенка расширились глаза. От страха и удивления раскрылся ротик.

Отец рассмеялся и, схватив сына, прижал к широкой груди.

Валентина, поставив подойник с молоком на стол, подошла к мужу и погладила широкое плечо, тихо, почти шепотом сказала:

— Какой ты ласковый, милый Витя!.. Ты... ты уж, Витенька, берегись... ладно... Добра-то от них не жди... Начнут огрызаться... а стрельнуть-та им, каторжным, ничего не стоит...

— А ишо чо будешь баить?

— Каждый раз сердце ноет... пойми...

— Эх, Валюша, ты снова за старую песню. Лучше собери-ка харчишки, а я схожу к Бимбе.

В синем небе висит зимнее солнце. Пусть оно не греет, но зато по-забайкальски щедро освещает ледяное поле Байкала.

Две человеческие фигурки уже скоро поравняются с Громотухой. Валентина до боли в глазах всматривается в сверкающую даль, где едва заметными точечками то исчезнут за торосом, то снова появятся Бимба с Виктором.

И вот путники, еще раз показавшись на гребне громадного тороса, нырнули вниз, и совсем исчезли из виду. Валентина долго еще всматривалась вдаль в надежде увидеть их, но так и не дождавшись, тяжело вздохнула и, смахнув набежавшую слезу, медленно пошла домой.

У малюсенькой хатенки она увидела подметающую

снежную порошу пожилую рослую бурятку, которая украдкой нет-нет да взглянет вслед ушедшим стражникам, и бормочет какую-то молитву, в которой часто-часто упоминались лама¹ и бурхан.

— Тетка Цицик, пойдем ко мне чай пить.

— Пасиба, Валя, чичас пила.

— Ну, хошь так посиди со мной.

— Ладна, пойдем, девка, курить буду, а ты чай пей... Печаль делать худо, бурхан не любит, талан² не даст... шибка худая, о-ей-ей...

А в это время Виктор и Бимба по-охотничьи споро шагали вперед. Несмотря на молодость, Виктор считался опытным стражником. Зенон Францевич ценил его за исполнительность, смелость и находчивость, товарищи уважали за веселый, незлобивый характер.

А Бимба еще совсем «зеленый» стражник. Он слабо ходил на лыжах, и головокружительные спуски с гольцов и крутых гор даются ему мучительно трудно. «Вверх-то идти на лыжах могу до самого небожителя Будды³, а вниз боюсь, — башка может долой отлететь...» — жаловался он товарищам.

Во время каждого обхода какой-либо части территории заповедника он падал столько раз, что не сосчитать. И как подтверждение тому, домой в Кудалды заявлялся с шишками на бритой голове, синяками и расцарапанным лицом. Тетка Цицик, критически окинув сердитым взглядом, качала головой и ворчала:

— Баран тебе пасти в Барагхане, а не по поднебесным святым горам ходить... Сколько отговаривала тебя непутевого. Одно затолмил: «Дал слово Зенону, пойду работать у него...» Эх, Бимба, Бимба!

Однажды во время очередной поездки по торосистому морю лошадь Сватоша провалилась в полынью. Он в отчаянии бегал вокруг полыни с черной, зловещей, бездонной водой, не зная, как помочь бедному животному. По щекам текли непривычные слезы.

В это время откуда-то из-за торосов вынырнул человек в белом халате и с волосяными наколенниками⁴; темные

¹ Лама — буддийский священник.

² Талан — фарт, счастье.

³ Будда — основоположник буддийской веры.

⁴ Волосяные наколенники плетутся из конского хвоста.

защитные окуляры, за которыми прятались глаза незнакомца, делали его злым, таинственным. «Нерповщик¹, — мелькнула мысль, — этот знает, что делать». Сватош всегда верил в силу и ловкость байкальского человека.

— Помогн, дорогой товарищ!

— Чичас ходить будет на лед, — уверенно сказал незнакомец. Движения у него были быстрые, точные. На конце толстой возовой веревки он сделал затяжную петлю и надел на шею лошади. Затем, туго затянув чересседельником концы оглоблей, закинул между ними веревку и приказал Сватошу тянуть за нее что есть силы. А сам схватился за хвост лошади. Через минуту мокрый, охваченный лихорадочной тряской конь был на льду. Чех с восторгом и благодарностью смотрел на спасителя. Толстая веревка, свившись змеей, лежала у его ног.

А незнакомец уже впряг в сани дрожавшего коня и сердито окрикнул: «Чо стоишь, колода, коня греть надо!..»

Сватош, поспешно схватив веревку, свалился в кошевку². Мчались они меж высоких торосов. Так мчались, что захватывало дух. Бедный Зенон Францевич, засунув руки в рукава собачьей дохи, беспомощно, словно круглая чурка, катался из стороны в сторону в просторной кошевке, а незнакомец, ловко правя лошастью, выкрикивал какие-то дикие, гортанные звуки.

Наконец, остановив лошадь, нерповщик обошел ее, по-хозяйски похлопал, погладил, осмотрел сбрую, подтянул чересседельник.

— Эй ты, больше одна в море не ходи, худо будет — тонуть будешь...

— Спасибо за совет, друг! Давай познакомимся, так-то грех расставаться... Ты же спас мне коня, да и самого тоже.

Голубоглазый, среднего роста, крепкий человек подошел к нерповщику и пожал руку.

— Меня зовут Зенон Сватош... Живу в Кудалдах. Заезжай ко мне в любое время, гостем будешь.

— Я Бимба из Барагхана... Тоже ходи к нам... Гость будешь, тала будешь... Баран резать будем, араку пить, — улыбнулся бурят.

¹ Нерповщик — охотник за тюленем.

² Кошевка — сани.

— Буду у тебя обязательно. Ты мне понравился. Я люблю смелых и находчивых. И правильно назвал меня колодой, ха-ха-ха-ха! Ко-ло-да! Ха-ха-ха!

Бимба тоже рассмеялся.

— Сердцу скажи, Зенон, пусть зла нет на мои худы слова. Сердита был я, коня жалел...

Во время нерповки в следующую весновку, спасая тонувшего нерповщика, Бимба сам накупался и простудился. Его привезли в Кудалды. Как за ребенком ухаживали супруги Сватош за Бимбой. Сильный организм преодолел недуг. Целый месяц пришлось Бимбе ждать, пока море освободится ото льда и в Сосновскую губу заглянет «Ангара»¹.

Непоседливый охотник пилил дрова, столярничал, помогал ремонтировать лодки. Частенько заглядывал и в питомник. Притаившись где-нибудь в сторонке, подолгу любовался черными соболями, удивляясь их крутому нраву. «Шибко сердита зверь... Была бы с собаку, людей много давил бы», — говорил он, качая головой.

А в свободное время они со Сватошем уходили в тайгу и там беседовали. Зенон Францевич рассказывал о дальних странах, теплых и холодных морях, о людях и зверях, живущих в тех местах. Но больше всего они говорили, конечно, о заповеднике. Окинув потеплевшими глазами тайгу, Сватош уверенно говорил: «Соболя так много расплодятся, что он расселится по всему Забайкалью. А потом его будут отлавливать живым и развозить в другие края, где растёт лес».

Бимба молча и внимательно слушал Сватоша, порой не верил, но не подавал виду. А однажды, в конце беседы, все же не вытерпел и укорил хозяина:

— Эх, Зенфран (он не мог выговорить полностью имя и отчество Сватоша, а поэтому звал его Зенфраном), много соболей сохранила ты, а жене воротник из кошки делал.

От души смеялся Сватош над замечанием своего друга, а потом серьезно сказал:

— Нельзя, батенька мой, за-по-ведник! Понимаешь, Бим, лучше дам отрубить себе руку, чем позволю убить соболя. Да!

Понял Бимба, что такое заповедник и какая огромная

¹ «А н г а р а» — пассажирский пароход-ледокол

польза от него людям. А когда пришло время расставаться, крепко пожав руки супругам Сватош, потоптался на одном месте и прерывистым голосом спросил: «Зенфран... друг мой... однако, ходить буду Кудалды... жить... рабывать... тебе помогать...»

Так степняк Бимба стал стражником заповедника. Он не обращал внимания ни на трудности, ни на свои синяки и шишки, ни на ворчаливые нарекания тетки Цицик.

...В обед стражники дошли до скалистой Лунной речки. Вот и охотничья юрта, чуть выглядывающая из-под снега. Ее можно принять и за муравейник, укрытый толстым слоем снега. У этого жалкого жилья два отверстия. В одно ползком влезли друг за другом Виктор и Бимба, а из другого скоро повалил дым. В юрте было душно. Дым спирал дыхание, до слез щипал глаза и нос.

Пообедав, Виктор с Бимбой выбрались из юрты, пошли вверх по крутой ухабистой Лунной речке. Она даже под ледяным покровом грозно шумела на своих бесчисленных порогах. Свежая пороша тоненьким слоем покрыла старую чумницу, и широкие охотничьи лыжи, подбитые лосиным камусом¹, скользили, как по маслу. Тишину тайги нарушал лишь скрип лыж, да изредка кто-нибудь из двоих стукнет своей ангурой. Шли молча, зорко всматриваясь в подозрительные предметы.

Во время первого перекура Виктор, внимательно осмотрев свой новенький карабин, протер затвор и зарядил.

— А у тебя, Бим, палка или боевое оружие?.. В порядок надо привести. Тот раз в Сватоша стреляли, а сейчас в нас могут пальнуть. Тоже мне стра-а-ажники! — голубые глаза осуждающе оглядели беспечного бурята.

— Ха, Зенфрана стреляли... хотели пугать... думали, больше тайга ходи не будет...

— Эх, Бим, они знают, что Зенон Францевич не из заячьей породы... Хотели ухлопать его. Вот и все.

— Ладна, паря, Бимбушка, верно, дурак есть... Толмач совсем мало... — Зарядив свой карабин, Бимба закурил трубку и крепко задумался. Он никак не мог понять, почему некоторые люди, рискуя попасть в тюрьму, идут воровать соболя в заповедник. И мало того, еще и считают Зенфрана своим врагом. Хотят непременно убить его. Эх,

¹ Камус лосиный — шкура, содранная с ног лося,

какие непонятливые люди, как можно сердиться на Зенфрана? Ца-ца-ца! Совсем дурные эти бра-ка... бра-ко... тьфу! Язык не может выговорить, как их называют... Гнать их надо! Тюрьму садить надо!

Громко кашлянув, мотнул головой, одобряя свои мысли, и толкнул в бок товарища.

— Витька, ты бы стала харабчить (воровать) соболей в заповеднике? А?.. Зенфрана стрелять, как те бараны?

— Ха, сказал тожа, братский — бурят! А вот эти «бараны»-то загнут тебя в бараний рог, только попадись на их улице... Это мы с тобой здесь в заповеднике хозяева. Тут-то мы можем арестовать браконьеров, и вся игра.

— Это как рога загнуть?.. Барану рога бурхан дарил... у Бимбушки нету!

— Ха-ха-ха-ха! Не беспокойся, Бим, женишься, баба наставит тебе рогов! Только бы твой бурхан послал тебе шуструю... Знаешь, бывают такие... Эх, держись только! Отвернешься чуток — рога с ходу прирастут... белые, черные, всякие...

Бимба, часто моргая, смотрел на Виктора, который, смеясь, говорил про какие-то рога, которые пришьет ему будущая жена... Не-ет, тут что-то не то!

— Эх-хе-хе! Витька-Витька! Много болтать толк нету... Шибко пустой слова есть... Э-эх, тала!.. — качает головой обиженный Бимба, — лучше ходить нада.

— И верно. Пора уж.

И опять осторожно пошли друзья по затвердевшей чумнице, а зимнее солнце уже клонилось к закату. А чумницу нет-нет да пересечет след соболя. Хитрым кружевным сплетением уходит он в мягкую тень кедровника.

— С каждым годом все больше и больше собольих стежек... Недаром, Бим, проливаем пот в этой тайге... Недаром!.. — в голосе Виктора слышались горделивые нотки.

В самом прижимистом месте, где гранитная скала очень напоминает уродливую человечью голову, наклонившуюся над речкой, непослушные лыжи Бимбы, воткнувшись в цепкие ветки ольхи, сбросили лыжника. Бимба больно стукнулся головой о выступ скалы и до крови расцарапал лицо. Весь в снегу, он с трудом встал на лыжи, подтянул ослабевшие юксы и поспешил вдогонку за товарищем.

За крутым поворотом Бимба увидел Виктора, нахло-

нившегося над чем-то. Подойдя к товарищу, Бимба увидел совсем свежую чумницу, которая накрест пересекла старую и, петляя меж стволов вековых сосен, скрылась в густом ельнике.

Виктор, при виде браконьерской чумницы, словно соболевая лайка, почуявшая парной¹ след зверька, готов был тут же в погоню, но его вовремя сдержал холодный расчетливый навык, полученный от Сватоша, — определить время, когда прошли нарушители, количество их, вооружение.

— Бимба, не затапывай следы... сейчас узнаем, сколько сволочей прошло...

Стражники прошли сотню метров и остановились.

— Знаешь, Бим, их двое... вишь кедринку, один след слева, второй справа.

— Верно, паря, байшь... однако, один русска мужик... много хлеба ела... — его лыжа глубоко в снег уходит, а втора совсем поверху ходит — это, наверна, тунгус, — заключил Бимба.

— Ого, Бим, у тебя нюх есть... из тебя должен получиться добрый стражник... — Виктор одобрительно взглянул на бурята. — Только вот одна загвоздка... На лыжах ходишь хуже моей Вальки. — Помолчав, Виктор уже серьезно добавил: — Ладно, братуха, проверим ружья, и айда догонять. Не уйдут от нас!.. Только рази Хабель с Остяком сумеют утянуть, черти...

Широко, с накатом зашагал Виктор. Бимба, стараясь изо всех сил не отстать, с завистью наблюдал, как гибкие лыжи Виктора жадно лижут сметану переновки. Временами в спешке правая лыжа Бимбы то и дело норовила свернуть с чумницы и воткнуться носком в рыхлый снег или зацепиться за какую-нибудь ветку. Все же лыжа взяла свое — воткнулась! Бимба, споткнувшись, перевернулся через голову, быстро поднялся и, поправив юксы, снова побежал за скрывшимся из виду товарищем. Много ли прошли, а пот катился ручьем, заливая глаза. «Ох, горе бедному Бимбушке! Ох, горе!..» — горевал про себя молодой стражник.

А Виктору хоть бы что! Идет себе спокойненько, движения у него размеренные, ловкие, без усилий. Чего ему потеть!.. Такие же ровные, четкие движения, Бимба видел,

¹ Парной — свежий.

делает кругленькая медная чашечка на часах, висящих в доме Зенфрана. «Идет на лыжах — будто плывет на лодке вниз по Баргузину... с ветерком... Эх, хорошо! Мне бы так научиться — всем браконьерам бы пришел конец, — подумал Бимба. — Ох, однако, он шибко мастер... А еще говорят, есть Хабель, есть Остяк... Против них нет на белом свете лыжников. Те, говорят, летают со скалы на своих шаманских лыжах. Умеют заманивать стражников под снежный обвал. Наверно, эти люди — шаманы. Черные мысли заставляют их воровать соболей в заповеднике, а мы мучаемся из-за них. Зенфран говорит — придет время, стражников не надо будет — люди перестанут браконьерить... Ой-ёй, однако, этому не бывать... Ох, когда же переведутся худые люди... Хара шубун¹ их отец, а мать из змеиноного рода... попробуй изведи их...»

Бимба, взглянув вперед, увидел лишь одни толстые стволы хвойных деревьев, а Виктор ушел уже далеко. «У-у-у, бохолдой², однако, много отстал!..» Бежит Бимба, падает, отряхнувшись, снова бежит. Вот и солнце закатилось. Быстро сгущаются сумерки. Тревожно на сердце у Бимбы. Он еще быстрее старается бежать. «Эх, худой я стражник. Верно тетка ругает меня. Баран мне пасти надо, а не браконьеров ловить... Шкуру свою оставляю где-нибудь на сосне... Дурак-дурак».

Наконец между деревьями сверкнул огонек. «Витька уже чай сварил, а я ползу, червяк несчастный», — ругает себя Бимба.

Подойдя к огню, он снял лыжи и виновато глянул на товарища. Встретив приветливую улыбку, облегченно вздохнул.

— У-ух, кое-как догонял тебя.

— Чо, умаялся, горемыка? Снимай понягу-то... вывазывай куль, доставай свою большую чашку и грей брюхо чайком, а спина согреется от огня.

— О, это я мастер! Чай пить, дрова рубить Бимбушка может.

— Эвон срубил, пока было светло, две сушины, отдохнем, да надо раскряжить их.

— Аха, паря, ночь будет холодной... дрова много жрет огонь...

¹ Х а р а ш у б у н — черная птица,

² Б о х о л д о й — черт,

Мало спал Бимба в ту ночь. Через час-другой подбросит дров, нарубленных двухметровыми сутунками, закурит, чуть-чуть вздремнет и снова кочегарит. «Пусть Витька спит. Силы будет больше, хищников догонит,— рассуждал он, заботливо посматривая на спящего товарища.— А я-то уж...» — Бимба, тяжело вздыхая, качал головой. Живые карие глаза печально глядели на яркий огонь.

Когда над темным горизонтом неба начало чуть-чуть отбеливать, а утренняя звезда, весело подмигивая, сообщила о близком конце холодной бесконечно долгой ночи, Виктор приподнялся и сонными глазами окинул Стог. Разглядев ссутулившуюся у костра фигуру Бимбы, спросил:

— Ты, паря, спал почь-та?

— Спала хорошо. Пей чай, да ходить будем.

— Ты уж и чайку сварил?.. Вот молодчина!

К обеду второго дня стражники подошли к крутой скалистой горе. У небольшого незамерзающего родничка они обнаружили тлеющий костер. Браконьеры, видимо почуяв неладное, собирались очень поспешно. Об этом свидетельствовала глубокая зеленовато-желтая воронка в снегу от вылитого горячего чая. Валялись несколько кусков сухарей, про которые в тайге уважительно говорили «сухарики-сударики», и, упаси бог, бросаться ими — великий грех. А тут как прижало — голову потеряли.

— Э-э-эх, черт возьми, улизнули! — Виктор от великой досады неистово зацарапал затылок. Затем, подумав, решительно потрянул кудрями.

Внимательно осмотрев лыжи Бимбы, сбросил свою понягу.

— Бим, вижу, твои лыжи добротные... да и сам ты крепкий парень... Бери мою понягу и иди не спеша по их чумнице... Поди справишься с двумя-то понягами?

— Ха! Четыре поняги тащить буду! Сила е!

— Вот и молодчина! А я без поняги-то мигом догоню их. Дергану через утес, и свалюсь им прямо на плечи. Понял?!

— Поняла-поняла! Только смотри... От худых людей худой дело жди... Хитрить нада мала-мала...

— Не бойся, братуха!..

Их двое. Рыжий и черный. У рыжего единственный зеленый с крапинками кошачий глаз прячется за лохматой бровью. Руки в собачьих рукавицах трясутся мелкой

дрожью. Виновато сердце. Страх сжимает его до боли.

Второй — маленький, щупленький, с хитрыми узенькими глазками. Покрытое грязью бронзовое лицо плотно замкнуто, не прочтешь, что на его душонке творится.

Уже с соседнего склона прошумели чьи-то лыжи. Неизвестный лыжник с поразительным упорством и быстротой настигал двоих.

«Похоже, летит сам Хабель... Нешто Сватош сманил его к себе? — проносится в голове рыжего. — Да кто бы ни был, стукну, и вся игра...»

Рыжий, воткнув свою ангуру, решительно снял с понятия берданку. Черный в испуге замахал рукой.

— Ой-ей-ей! Омелька, нельзя убить, грех болса.

— Цыть, тунгусская собачонка, хошь, самого пристрелю!

— Пугать не нада. Джоуль смерть бояться нету. Стражник семья имеет... ребятишка...

— Уходи, тварина... бусурмана, шамана и твою мать!

— Кака ти охотник? Сера волка зла! — Эвенк окинул товарища сердитым осуждающим взглядом, плюнул и бросился прочь.

Пройдя еще немного по чумнице сбежавшего Джоуля, рыжий залег за громадный вздыбленный выворотень. На один из щупальцев-корней положил ствол винтовки и начал нащупывать цель.

А цель быстро приближалась.

Далеко впереди раздался выстрел. Бимба вздрогнул. Неприятно заныло сердце. «Пуля попала в цель... кто же из них упал?.. А Виктор-то не стрельнет в человека... Уж в крайности сначала в воздух пальнет, а потом...» — Пронесются тревожные мысли.

Вихрем летит Бим по крутому склону, где браконьерская чумница вьется меж скал и деревьев. «Смотри-ка, не падаю... Это оттого, что некогда... Эх, лететь бы надо, да крыльев нет!» Бимбе кажется, что он бежит бесконечно долго. Проклинает себя, сердится на неуклюжие широкие лыжи, которые шибко-то не разбегутся, где надо.

Наконец, он увидел уткнувшегося головой в снег человека. Сердце сжалось, стало трудно дышать... Знакомая серая солдатская шинель, которую Виктор подрезал, чтоб

не мешала при ходьбе. «Брат, тебе худо есть?!» — бросился к другу. Схватил за плечи. Приподнял. Большие голубые глаза безжизненны. Приложился к груди. Сердца не слышно. Руки друга стали деревянными, холодными... Бимба хотел что-то сказать, но горло сжато. Глаза сквозь слезы ничего не видят.

Тяжело поднявшись, Бим проверил ружье и с разбегу бросился в ущелье вслед за браконьерами. Добежав до границы заповедника, он остановился. «Э-эх, ускользнули змеи!.. Но... Но найдут негодяев хорошие люди...» Упрямое монгольское лицо, словно высеченное из темно-желтого гранита, выражало печаль и непримиримую враждебность. Потоптавшись на месте, круто развернулся и покатился назад.

Вернувшись к трупам товарища, Бимба внимательно осмотрел место, откуда был произведен выстрел. По отпечаткам на снегу он узнал, что стрелял один человек, а второй даже не сошел с чумницы, видимо не приняв участия, ушел дальше, чтоб не смотреть на страшное дело.

«Стрелял тот, кто крупнее — те же глубокие вмятины в снегу, одна лыжа чуть шире другой... Значит, стрелял тот русский... Тунгус на таких лыжах не пойдет, они народ аккуратный в лесу», — заключил Бимба.

Не найдя больше никаких особых примет, стражник подошел к покойному товарищу. Нарубив еловых веток, сделал над ним шалашик. Затем, прочитав слова заклинания, обратился к нему: Витька, твоя Бимбушка ходит Кудалды, звать Зенфрана... тебе не нада сердись».

Идет Бимба, а на душе черным-черпо. Что скажет Валентине?.. Перед Бимбой встает образ жены друга... Белое нежное лицо, большие, светлые, как байкальская вода, глаза тревожно смотрят на него... Бимба не знает, как будет смотреть, что говорить... «Эх, лучше бы меня убили... Жены нет, детишек нет... Тетка есть, но она плакать не будет, обычай запрещает плакать о покойнике... Как же это я... буду Зенфрану... людям... Ох, худо-худо!» — со стоном причитает бурят.

Вот Бимба дошел до браконьерского костра, где они расстались с другом. Устало плюхнулся прямо на лыжи. Полулежа закурил. Сквозь кудрявую дымку рассеянно посмотрел на свежесрубленное дерево, вершина которого и его смолистые, иссиня-серые сучья ушли в костер, а на комле сидели те негодяи.

Он помнит, с каким негодованием говорил Зенфран о браконьерах... Такой добродушный, хороший человек и так ненавидит их... Теперь Бимба это понял. Эх, а Витька-то тоже не любил их. А так-то он и червяка не обидел... Ох, хороший был мужик. Мог неделями почевать на снегу, быть голодным, но браконьера скараулит, изловит. Э! Мужик был золото. Последний кусок хлеба разломит пополам. Золотой человек! Кого он обидел? Кому сделал худо? Ой, Витька, Витька!

Вдруг Бимба заметил под комлем какой-то темный предмет. Пригляделся. Нет, глаза не врут. Засунул руку и пальцами нащупал что-то мягкое. Сердце сильнее застучало. Трясущаяся рука вынула кисет. Тунгусский, вышитый бисером, со множеством кисточек кожаный кисет. Присмотрелся. На левую верхнюю кромку кисета когда-то упала искорка и прожгла круглую дырочку.

Бимбе кисет показался очень знакомым. Он начал припоминать, когда, где и с кем курил из него. Никак не может Бим вспомнить. Никак. От досады он взмолился: «О, бурхан, ты велик и всемогущ, помоги бедному буряту — сыну моему!» И молитва не помогает. Он сердится на бездушные боги. «Недаром Зенфран говорит, что бурхана нет совсем... Наверно, так... Если б узнал я, чей это кисет — сразу бы нашли негодяев... А еще тебя, бурхан, зовут справедливым, наказывающим убийц...» Долго, мучительно долго вспоминает Бимба. Злится. Ругает себя: «Короткая, бабья память у Бимбушки... Дурак дураком родился..., а еще пошел к Зенфрану охранять заповедник...» И вдруг он вспомнил: «Тунгус Джоуль хлопнул его по плечу и протянул кисет с табаком... Кисет из кабарожьей замши, тонкой тунгусской работы... В то время кисет был совсем новенький, но уже прожжен... Бимба упрекнул тогда Джоуля за неряшливое отношение к такой красоте. Молодой тунгус показал два ряда белых зубов и хвастливо сказал: «Пока Джоуль жив, бабы не перестанут дарить ему кисеты... Этого добра хватит на наш век...»

В глазах Бимбы всплыл образ тщедушненького, хвастливого, трусоватого Джоуля. Темное лицо с беспокойно мечущимися в узких черных глазах зрачками. Хитрая улыбка.

Кто же из русских ходит с ним?.. Ой-ей! В прошлую осень, когда Бим ездил в гости в родной улус, Джоуль продавал белку купцу Моське... с ним был Омелька-зараза...

Однако, так и есть, с Омелькой-заразой никто не водится, кроме Джоуля. Остальные-то беловодские тунгусы народ честный, добрый... Уж с кем с кем, а с Заразой-то якшаться не будут. Как из тяжелого сна, явился перед Бимбой образ Омельки-заразы... Кривой, рыжий, вечно пьяный, единственный глаз сверкает или злобно, или насмешливо. Через каждое слово мат или его любимое — «зараза», за это и прозвали Омельку кривого Заразой.

— Все понятно! Омелька-зараза убил нашего Витьку! И-и-их! Отомстим! — дико взревел стражник.

— И-и-их! — отозвалось таежное эхо.

Бимба заскрежетал зубами. Поправив за плечом винтовку, еще раз взглянул на кисет и с силой засунул его далеко за пазуху; затянув ту же юксы, бросился вниз, в сторону сверкающего девственной белизной зимнего Байкала.

Глава III

Виктора похоронили на возвышенном берегу, откуда были видны широкие просторы его любимого моря. В непогоду заповедная тайга пела величественные гимны в честь павшего своего защитника. В такие часы на одинокую могилу приходила молодая стройная женщина. Она о чем-то тихо со слезами жаловалась своему мужу.

За Валею приезжал отец, чтоб увезти ее домой, но она наотрез отказалась уезжать из заповедника. Зенон Францевич поручил ей уход за соболями в питомнике. Эта нелегкая и ответственная работа нравилась ей. Беспокойные зверьки требовали постоянного внимания, и Валентина, целиком отдаваясь работе, легче переносила тяжелую утрату.

Увидев в руках следователя свой кисет, Джоуль признался во всем.

Браконьеры получили заслуженное.

В вершине Медвежьего ключа у огромного выворотня горит костер. Ночная темь чуть забелилась жидким молоком. На душистых еловых ветках сидит Зенон Францевич и на свежем пухлом снегу ангурой чертит топографическую карту Малютки-Марикан. За его работой внимательно

следят три пары глаз. Все молчат, только изредка слышен спокойный ровный голос Сватоша. Он произносит лишь названия речек и горных перевалов. Когда план был готов, светло-голубые глаза чеха серьезно оглядели собеседников и ободряюще улыбнулись.

— Гнаться за ним почти бесполезно... Уйдет варнак. Хитер, ловок, вынослив, как лошадь Пржевальского... Это дикий предок нашего коня. Живет в стенах Монголии... Когда-нибудь на досуге расскажу про эту чудесную лошадь и про человека, который открыл ее для науки... Да, Хабеля можно изловить лишь в его логове ночью... Для этого нужно прежде всего выследить его место пребывания. Только очень осторожно, чтобы не спугнуть... Вот ты, Бойчен, всех нас ловчее. Ты и разведаете его новую юрту... Вот и иди... А мы постараемся как можно дальше обойти места, где он канканит, и будем тебя ждать на чумнице, ведущей к Орлиному гнезду.

Эвенк гордо поднял голову, выпрямился и, вынув изо рта трубку, спокойно ответил:

— Бойчен умеет следить зверя... Не уйдет и хитрый Хабель... Кувастань не буду я.

— Вот и хорошо, Бойчен... Стунай, дорогой мой.

Через час Бойчен заметил в косогоре воровскую, петлявшую по непроходимой трущобе чумницу. Искусно замаскировавшись в густом ельнике, следопыт стал терпеливо ждать появления браконьера.

А мороз крепчал. Сначала он бесцеремонно забрался через шинель и меховую безрукавку, потом он начал знобить ноги; здесь его не смогли задержать ни олочи, добротные сшитые из лосиного камуса, ни собачьи накоchetti¹, ни шерстяные чулки.

— Однако, мало-мало холодно, — неожиданно для себя, громко проговорил стражник и, спохватившись, до боли прикусил язык.

Часа через два Бойчен так продрог, что его трясло, словно в лихорадке. «Эх, вот бы встать и пройтись! — мечтал он и тут же укорял себя, — ишь, захотелось ходить. А Хабель услышит, тогда что? Мигом след простынет... Он на лыжах от ветра не отстанет, догони попробуй... Люди говорят, что он шамап... Горный хозяин ему помогает... Тыфу, язва»...

¹ Накоchetti — чулки из собачьей шкуры.

Рядом с Бойченом, закутавшись в снежный тулуп, стоит могучий кедр. В густой шелковистой кроне душистого плодоносного дерева белка сделала себе гайно. В гайне тепло и уютно. В холодное время белка, укрывшись пушистым хвостом, обычно дремлет до поздней поры. А сегодня спозаранку ее разбудил человеческий дух и шорох лыж. Человек остановился под ее родным деревом и о чем-то тихо бормочет, надоедливо топчется на одном месте. «Чего ему нужно?.. Не за мной ли пришел?! Ждет меня, а сам пускает вонючий дым. Отвратительный запах проник в ее чистенький домик и вынудил хозяйку покинуть тепленькую постель. Ох и противный же этот зверь — человек. Наверно, хуже-то его нет существа во всей тайге. Самый страшный и жадный! Ух!..» Большие черные глазки с тревогой наблюдают за человеком. Вдруг с высоты белка услышала шорох других лыж. «Ишь ты, ждал товарища!.. Хотят вдвоем убить меня!..» — решила белочка и, сердито зацокав, перескочила на другое дерево.

Недаром Зенон Францевич отправил Бойчена выслеживать Хабеля. Опытный следопыт сразу же разгадал причину тревожного резкого цоканья и поспешного бегства трусихи белки. Стражник забыл о морозе, весь превратившись в слух. Наконец, и Бойчен услышал шаги лыжника. Ближе!.. Ближе!.. Вот в соседнем ельнике промелькнула темная тень. В ту же минуту с Бойченом поравнялся человек. Он среднего роста. Конечно, Хабель. Грязная рваная шинелишка, прожженная шапчонка, суконные штаны в заплатах, олочи. Неопрятный, небрежный к себе. В движениях чувствуется сила, кошачья ловкость и цепкость. Какое-то мгновение из-под насупленных бровей на Бойчена взглянули небольшие сердитые глаза. По спине стражника пробежали мурашки. «Неужели заметил, — пронеслась мысль, — не должен бы, — успокоил он себя».

Когда затих шорох лыж, Бойчен покинул свое убежище.

У бедной белочки весело засверкали черные забавные глазки. Хвост гордо поднялся кверху. «Хэ-хэ!.. Вас двое олухов было, а все же я вас обвела вокруг хвоста!» — хвастливо воскликнула она и весело запрыгала с ветки на ветку.

Тихо-тихо крадется свирепая рысь к пугливой кабарге. С меньшим умением Бойчен выслеживает самого матерого браконьера всего Подлеморья. Это про него ходят целые легенды о его бесстрашии и умении спрыгивать на лыжах

со скал, перепрыгивать через расщелины, успевать уклоняться от снежных обвалов. А сколько было правдивого в этих легендах, знали лишь работники заповедника. Хорошо знали! Сколько раз после многодневной погони, изнемогая от нечеловеческого напряжения, приводил он преследователей к такой пропасти, что от одного взгляда вниз делалось не по себе даже выдавшим виды лыжникам Подлеморья, а Хабель, именно в этом месте, помахав стражникам своей рваной шапчонкой, исчезал в пропасти.

Вот за каким браконьером крадется Бойчен. А чумница петляет по самой непроходимой чащобе. Плотная стена из сосен, кедра и ели, а по низу, свившись, стелются кустарниковые — царапучая ольха и тальники, ломкий багульник. Вдоль чумницы, жадно раскрыв свои пасти, ждут беднягу соболя кулемки и капканы.

...В одной из ловушек браконьер взял соболя. Попав в капкан, зверек долго бился. Смелый, гордый, он приложил всю свою энергию и ловкость, чтоб вновь приобрести свободу. Кусал железо, грыз деревья, пробовал откусить собственную лапу, зажатую капканом. Эта операция ему бы удалась. Он успел перегрызть шкуру, мякоть, кость. Лапа держалась лишь на твердых, светлых жилах... Но тут подошел человек. Удар ангуром прекратил агонию. Все это мигом «прочитал» Бойчен и пошел дальше. Идет, а сам все примечает. Последняя ловушка Хабеля поймала сойку. Он подвесил ее на сучок и искусно замаскировал капкан. Вот у того кедра медведь сломал вершинку и несколько веток. Это косолапый лакомился орехами. А вот прошагала лосиха, следом за ней лосенок, — заключил следопыт.

Осторожно, не спеша идет Бойчен. Зимнее солнце уже показывает полдень. Идет, идет по чумнице... Вдруг... Что за чертовщина!.. Снова пришел к той же, подвешенной над капканом сойке... Вот и кедр со сломанной вершиной!

«Я попал в петлю... где же выход из нее?.. А?.. О-бой, Бойчен, какой ты плохой охотник!» — журит себя эвенк. Еще осторожнее идет он. На божий свет Бойчен появился на снегу, под вечно зелеными кронами деревьев, злая вьюга убаюкивала его в холодном чуме. Как только научился он ходить, матушка природа без усталости развивала его зрение, слух, наблюдательность. Спасибо ей.

Пара глубоко посаженных пронзительных глаз не пропускает ни мельчайших подозрительных признаков, по ко-

терым можно было бы уловить очередную каверзу хитрого браконьера.

На одном из поворотов, где чумница проходила по гребню крутого оврага, Бойчен заметил небольшое углубление в снегу, а вокруг него свежую, напавшую с сосны снежную порошку. Внимательно осмотрев подозрительное углубление и сосну, Бойчен стукнул себя по голове и невольно воскликнул: «О-бой! Трижды рожденный лисой! Хабель, Хабель!.. Обманул бы любого, но не сына Горного орла!..»

Бойчен подошел к крутому косоугору. Примерно в четырех метрах ниже чумницы зияла в снегу ямка, а еще пониже с мелкого ельника была сбита кухта. Темно-бронзовое лицо эвенка расплылось в довольной улыбке. Спустившись к ельничку, Бойчен обнаружил новую чумницу. Рядом с ней лежал длинный тонкий шест, при помощи которого браконьер делал огромный прыжок, и уже по потайной чумнице шел дальше.

— О-бой, Хабель, ты хороший охотник!.. — не сдержался скупой на похвалу эвенк.

Спустившись в мрачное ущелье, по дну которого текла Малютка-Марикан, Бойчен, подражая лайке, задрал голову, начал нюхать воздух. В нос ударила струя воздуха, перемешанного с дымком и характерным для охотничьих юрташек прогорклым запахом.

«Волк в своем логове... Охотник на верном следу», — выражало довольное, взволнованное лицо эвенка.

В вечерних сумерках Бойчен привел своих товарищей к Малютке-Марикан. Навстречу людям, обжигая лица, дул резкий хиуз. Он принес и запах дыма. Зенон Францевич приказал остановиться.

— Немного нужно повременить... Пусть стемнеет. Все молча уселись и, чтоб не вздремнуть с устатку, начали опоражнивать свои кисеты. Через полчаса ключья неба, проглядывающие меж темных крон, усеялись звездами. Без слов, без шума, люди тронулись вверх по берегу Малютки-Марикан. По льду идти не дала выступившая наледь. Чем дальше продвигались они, тем сильнее ощущался запах человеческого жилья.

Шедший впереди всех Бойчен остановился и указал своим путникам на белый силуэт юрты. Стражники так близко подошли к жилью браконьера, что уже не требовалось никакой предосторожности. Они с шумом подкатили

к воткнутому в снег лыжам Хабеля и, громко разговаривая, начали снимать свои. На шум упала доска, заменявшая дверь, и из юрты показалась лохматая голова.

— Каво, паря, бог дает?!

— Вылазь из юрты!

— Я... я... а-а... Чичас оденусь... Хо-холод...

— Не сдохнешь! Где ружье?!

— Рядом висит,— уже твердым голосом ответил Сватошу Хабель.

— Бим, забери винтовку.

— Зенфран, тут я удала!

— Знаю-знаю,— уже потеплевшим голосом заговорил чех,— теперь, Молчанов, принимай гостей.

— Хм, гости — хуже злых татар,— браконьер тяжело вздохнул и первым пырнул в юрту.

На четвереньках стражники по очереди заползли в крохотную конурку, посредине которой догорал костер.

— Бим, готовь быстрее ужин. Немного заснем, а с полночи нам с тобой дежурить.

— Тут я тожа удала! Ох, удала!

На суровых лицах людей появилась довольная улыбка, и руки потянулись за кисетами.

Сидевший рядом с браконьером Бойчен насмешливо посмотрел на соседа и язвительно сказал:

— Хабель кувастал, кувастал, а сама попалась, как дика ушкан.

— Хвастал-то, може, ты... погоди, тунгусина,— из-под насупленных бровей сверлом прошлись по эвенку колючие недобрые глаза.

Сватош жестом попросил Бойчена прекратить разговор. Положив толстую неуклюже свернутую самокрутку на полено, он внимательно осмотрелся кругом.

— Чисто отработал... Никто не скажет, что Хабель здесь промышляет. Можно подумать, что человек лечится у нашей Малютки-Марикан...— Всегда добродушное лицо Сватоша стало неузнаваемо суровым, из-под светлых бровей сверкали уже незнакомые голубые глаза. Готовивший ужин Бим нет-нет да бросит удивленный взгляд на своего друга. Он никогда и не думал, что Зенфран может быть таким суровым.— Где соболь?

— Собошь?.. Какой собошь?.. Я только что насторожил капканы....Е бог свята икона... Клянусь Христом,— Хабель перекрестил грязный лоб.

— Не валяй дурака! Нас не проведешь... У Малютки-Марикан в капкане был соболь... Где он?

— Нету... Паря, ты пошто липнешь с каким-то соболем. С ума сошел. Ей-богу, нету.

— Не божись. Тебя все равно судить будут... Лучше тебе не...

— Не из пугливых... Волчья кровь в моих жилах... Зайца нет... Тюрьмой не пужай. Отсижу, а собольков подморских не брошу промышлять.

— Вася, обыщи его.

Молодой широкоплечий парень перешагнул через костер и нагнулся над сидевшим браконьером.

Бросив полный ненависти взгляд на Сватоша, Хабель простуженным голосом прохрипел:

— На, подавись ты им!..— Достав из грязной запазухи темную шкурку, бросил в камусные олочи Сватоша.

— Вот давно бы так.

Подняв с земли пышный дорогой мех, Зенон Францевич долго гладил им свои заросшие щетиной, ознобленные щеки. Внимательно осмотрев шкурку, он тяжело вздохнул.

— Эх, какую красоту ты сгубил... Маточка... Шкурка такого соболя на мировом рынке получает высшую оценку — сорт экстра. Сколько бы она наплодила себе подобных! Ты, разбойник, знаешь, какой ущерб нанес своему народу, своему государству!..

— Зенфран, махан¹ варился, чай тожа,— перебил разгневанного Сватоша Бим.

— Да-да, ребятушки, пора ужинать.

После ужина стражники улеглись спать. В углу сидит Хабель и беспрестанно курит. Длинные непослушные волосы разлохматились. На темном лице еще резче обозначились скулы. Небольшие злые глаза затаенно следят за молодым стражником, которого Сватош оставил дежурить до полночи. Опасаясь побега, у браконьера отобрали кушак с длинным охотничьим ножом, шапку и лохматые собачьи рукавицы. Уже доходят третьи сутки, как люди покинули Кудалды. Дни в поисках и ночевки на снегу в сорокаградусный мороз сделали свое дело — кто где сидел, там и свалился.

Васькина голова так отяжелела, что ежеминутно валится на грудь. Глаза слипаются.

¹ Махан — мясо.

Из угла, словно через толстую перегородку, едва доносятся скрипучие слова: «Эй, грозная стража, проспишь варнака-то, удиру».

Встреппенувшись, парень старается показаться бодрым, делает сердитое лицо, но это ему не удается.

— Слышь, засоня, сбегу, — продолжает дразнить парня Хабель.

— Хы, куды без шапки-то кинешься... без ушей к бабе придешь... Пальцы в тайге оставишь, будешь культяпый сидеть за печкой... Беги, беги, — сонно ухмыляется парень.

— Правду баишь, паря, лучше отсижу в остроге, чем калечить себя... Куды ночью убежишь. Эх, надо спать...

— Спи, дядя Хабель.

Потянувшись, браконьер поцарапал в голове и сморщился.

— Вот дьявол, во рту пересохло... Чайку не осталось у вас?

— Нету... Я бы тоже густого... Где воду-то берешь?

— Темь, не пайти тебе... глаза выколешь.

— Бери котелок-то, а я огонь подшурю.

У дров валялась черная от сажи и копоти, прожженная во многих местах шапчонка браконьера. Рядом рукавицы и кушак с ножом. Хабель протянул руку за шапкой.

— Не тронь шапку, лешной!

— Хм, грозный какой, ладно уж, вода рядом.

За упавшей доской открылась черная холодная щель, в которой утонул таежник. Доска вновь прикрыла темь, и в юрте сразу же стало теплей, уютней.

Прошло пять минут — Васька спокоен.

Прошло десять — Васька заерзался на месте, с опаской взглянул на спящего Сватоша.

С больших серых глаз словно ветром сдуло сонную пелену. Отбросив доску, Васька сободем выпрыгнул наружу и с вытянутыми руками заметался вокруг юрты.

В открытую дверь неудержимыми волнами ворвался холод. Спавший ближе всех к двери Сватош сначала скрючился, а затем начал ворочаться, подвигаясь к огню.

Через тонкую дощатую стенку юрташки, сквозь сон он услышал приглушенный Васькин голос: «Дя-а Хабель! Дя-а Ха-а-бе-ель!.. Ха-а-бе-ель!»

В ответ тихо рассмеялась тайга. Смеялись сосны и кедры, приняв образ страшных носатых чудовищ... Смеялся злорадно Хабель.

Сватош рванулся. Сел и, со сна ничего не понимая, уставился в черную пасть двери. Потом громко закричал: «Что такое? Эй, эй, где вы?!»

Уже где-то в отдалении снова слышался Васькин голос: «Дя-а Ха-абел-ель!.. Эй, черт Ха-абелька-а-а!..»

Расталкивая товарищей, Сватош выскочил на жгучий снег. За ним, проклиная браконьера и Ваську, выползли Бим с Бойченом.

Обдало холодом. Таинственно молчит лохматая тайга. Лишь весело подмигивают далекие пучеглазые звезды. Им нет дела до крохотной кучки мечущихся людей.

Подбежав к лыжам, Бимба взревел медведем:

— Э-э-э, цволочь! Убей Хабельку бурхан! Язба!

— Что такое?

— Лыжа пропада! — Хабелька убегал!

— Оно и так понятно! Прозевал, чертяка! Тьфу, дьявол!

Вспугнутая людским криком сова взлетела на самую макушку корявой листвени и удивленно спросила у Малютки-Марикан:

— Чего им надо?

— Ч-ч-ч-черт их з-з-з-знает! — заикаясь на перекатах, ответила речка.

Удалившись примерно на три выстрела от юрты, Хабель остановился и стал напряженно слушать. От крепкого мороза раздается хлесткий треск деревьев. Порой бухнет упавшая с высоты кухта. А больше ничего не слышно.

«Жди, жди, дурило!.. Напоят тебя густым чаем Хабель, жди!» — браконьер ехидно улыбнулся, а потом улыбка сменилась жалкой гримасой — вот черт, навязался на мою душу проклятый чех... Житья нету от него... Дождешься пули, погоди уж... Приберут тебя хорошие люди... как Витьку...

Грязные, с длинными черными ногтями пальцы притронулись к ушам. Они стали деревянными. «Хо-хо, кажись, растеряю их по дороге... Как же без шапки-то?..» Быстро разувшись, размотал суконную портянку и обвязал ею голову. «Теперь догоняйте! Гоняйте-яйте», — отозвалось эхо. А тайга тяжело со стоном вздохнула: «Ох-у-уш-ш-ш-ты...»

У Хабеля отличное зрение. За долгие годы браконьерства он приучился и к ночным походам по тайге. Впрочем, этот навык присущ всем хищникам, как четвероногим, так

и двуногим. А поэтому он имел огромное преимущество перед Сватошем и его помощниками.

Перед рассветом Хабель вышел на чумницу, ведущую к Орлиному гнезду. За крутым черным мысом, из ущелья вылетела сердитая Давашкит.

Браконьер сошел с чумницы и, спрятавшись за кудрявой елиной, начал слушать. Долго простоял Хабель в своей засаде. Убедившись, что его не преследуют, перекрестился и тронулся вверх по Давашкит.

Ночная темь сменилась мутно-серой пеленой, сквозь которую начали просвечиваться даже сучья на деревьях. Подойдя к островерхой юрте, браконьер недовольно проворчал: «Ишо дрыхнет тунгус... таво не чухат, что стражники рядом...»

По закону тайги, испросив позволения у хозяина юрты, Хабель отодвинул доску и заполз в темную нору.

— О-бой! Кто пришла так рано?

— Разожги очаг-то... увидишь маскарад, как на святках.

— А-а-а, Хабель! Ты сдурела, чо ли?

— Вот те сдурела... Небось сдуришь от такого...

— Ты чо байшь... Остяк понимай нету.

— Ох, Оська, чуть живой я... Всю ночь удирал от Зенона... Чего тут понимать-то... Одевайся и иди к устью Давашкит. А я немножко вздремну... Утром оне должны прийти по моей чумнице... Пропусти их и выстрели три раза. Услышу и смоюсь через Орлиное гнездо, туда они не сунутся... Понял?..

В маленьких медвежьих глазках эвенка засверкали злые огоньки.

— Буду стрелять Зенонку!

— Ты, паря, дело толкуешь, а я думал духу не хватит у тебя.

— Убить нада... Чо пули жалеть!

— Мотри, Оська, убьешь — Малютка-Марикан будет твоя. Не убьешь — самого кончат.

— Остяк умейт стрелять, — сердито соня, эвенк вышел из юрты.

Скала из черного гранита нависла над суровой Давашкит. Прямо под ней, минуя узенькую речную полынью, змеится чумница Хабеля. Зоркие медвежьи глазки, не от-

рываясь, следят за белой змейкой. Остяк уже все обдумал: «Зенон дойдет до верхней кромки полыньи — пуля убьет его на этом месте. Остальные стражники подбегут спасать своего товарища — здесь они тоже получают по пуле... А потом столкнуть их в полынью и делу конец. Ищите... Грех простит Бараг-хан-ула¹, поставлю ему шкалик спирта. Дал я твердый таежный зарок убить Зенона — надо сделать. А там трава не расти! Раз отобрали мою Малютку-Марикан, без нее лучше не жить мне... В своей тайге... на своей речке... прячусь, как проклятый вор. Зачем мне такая жизнь!»

Длинный черный ствол берданки нацелился и застыл в ожидании своих жертв. Солнце уже давно оторвалось от вершины Орлиного гнезда. «Почему отворачивает светило свое лицо от нас?.. Повернись бы сейчас к нам — все стало бы по-иному... Тепло!» — мечтает Остяк. Он трясется от холода, но терпеливо ждет своего недруга.

Солнце перевалило за полдень. Стало ясно, что Зенон по какой-то причине не стал преследовать Хабеля. «Пожалел своих стражников, — заключил браконьер, — он знает, что за Хабелем им не угнаться... О-бой! Хабель великий лыжник!» Эвенк закурил и с невеселыми, тяжелыми мыслями направился к своей юрте. «Надо менять место, а то застанут голого в юрте. Что делать тогда? Обманывать, как Хабель, я не умею, — рассуждает Остяк. — Все труднее становится промыслять соболя в родных местах... Что мне делать? Все мои предки охотились здесь... Придумали какой-то заповедник. Кому он нужен? Зенон расплодит соболей... Заберет их себе и увезет на родину. Он же чужеземец. У наших-то глаза где... Всех начальников перехитрил... Ох, беда, беда!»

Остяк уже давно дошел до юрты и, объятый думами, ничего не замечая, стоял у входа.

Очнувшись, он заполз в свою конуру. В юрте было так холодно, что у Хабеля заиндевели брови, но он, скрючившись по-собачьи, продолжал спать. Заскорузлые пальцы эвенка стали ворочать остатки углей, но они были холодные. Покачав головой, он достал кремень и трясущимися руками долго высекал искру. Прошло довольно много времени, когда запылал костер и оживил унылую темную юрту. Высунувшись из юрташки, он набил снегом котелок. Молочной белизны снег, побывав в грязных руках, делался

¹ Б а р а г - х а н - у л а — священная гора в баргузинской тайге.

темно-бурым, но таежник не обращал на это внимания, подвесил котелок над костром.

Хабель, согревшись, начал распрямляться. Остяк, посмотрев на товарища, покачал головой.

— Шибко Петрован устал... всю ночь бегали два брата — волк да он...

В котелке забулькала бурая жижица. Эвенк достал из кожаного мешочка кусочек чаю, повертел его и, отложив часть, кинул в котелок.

— Жидкий будет, как у скупого... Но что поделаешь, делить надо на три ночевки... Сухарей на двоих не хватит... Мало-мало голодать будем — дело привычное. Эй, Петруха, чай пить, да уходить нада...

Хабель, промычав, повернулся на другой бок и захрюкал пуще прежнего.

— ...Ставай, бурундук, засоня! — Костлявый кулак Остяка довольно крепко стукнулся о ребра Хабеля.

— Ты пошто, паря, дерешься-то, — царапаясь, поднялся браконьер. Сонно улыбнулся и попросил трубку.

— А свой табак где?.. С чем домой пойдешь?

— Потерял, братуха...

Вдруг, вспомнив что-то страшное, уставился на эвенка.

Видимо, поняв без слов этот встревоженный вопрошающий взгляд, Остяк лепиво выдавил: «Нету... не стрелял».

Хабель облегченно вздохнул.

— Слава богу... Отвело.

— Чо, жалко Зенона?

— Понять, Оська, не могу, башка не варит... бываю злой на него, ажно так и разорвал бы... А бывает, жалею. Один раз водил его, водил дьявола целых пять ден. Вижу уже третьи сутки его поняга пуста. Ночью подкрался к его отогу. Смотрю, сидит он у огня и швыркает одну водичку — жалко стало. Тоже ведь наш брат, таежник! Да и у меня харчишка негусто оставалось. Но ведь я-то попутно и рябчика подстрелю, где и глухаря, а он-то даже мышонка не тронет... Заповедник! Подумаешь... Чудак какой-то, ей бог... Положил на чумницу я половину сухарей и ушел. А завел-то, Оська, я его туда, где твой дед оленей не пас. Не будь моих сухарей — капут бы ему... Верная смерть.

— Тьфу, тьфу, совсем дурной Хабелька! — плюется эвенк.

Хабель усмехнулся и пожал плечами.

— А как-то он заблудился. Уже лежал на боку, словно

заморенный теленок. Совсем собрался на тот свет. Так да саяк, вывел я его на чумницу и ушел домой...

— Э-э-эх, Хабелька, ты больша дурака! — Остяк сердито сплюнул и, обжигаясь, большими глотками начал пить чай.

К вечеру второго дня Хабель с Остяком достигли вершины гольца Орлиное гнездо. Здесь, под исполинской гранитной «церковью», они спрятали капканы.

В следующий приход браконьеры не заглянут к слезливой Малютке-Марикан, не разбросают капканы и по сердитой Давашкит. А пойдут хищничать по другим подлему-ским речкам и будут ночевать только под открытым небом, в неприступных кручах. Ночевки в юртах стали опасны — понадешься, как медведь в берлоге. Такой план предложил Хабель Остяку. А Остяк, сморщив темно-бронзовое лицо, долго-долго думал, искурил три трубки, только потом, мотнув головой, торжественно сказал: «Твои слова — слова мужчины! А умные мысли подсказал тебе хозяин Орлиного гнезда».

Зенон Францевич был удручен вероломным побегом Хабеля. Несмотря на просьбы товарищей, категорически отказался преследовать беглеца. Он знал, что стражники в этой крошечной тьме будут тыкаться по тайге как слепые щенята. Люди измотались, а продуктов на день.

Последний привал группа Сватоша сделала у Громотухи. Бимба, расстелив свой куль, попросил друзей вывалить из своих мешков все, что оставалось.

— Э-э-э, бурхан, спасибо тебе, не дала этим чертям все обожрать... ишо можно жить!..

Все рассмеялись, а веселый Бим смеялся над своей шуткой больше всех. Он всеми силами старался развеять дурное настроение Зенфрана.

Громотуха... да, народ метко назвал эту ярую речку. Даже сейчас, в зимнюю стужу, она рычала, гремела, хотя и глухо, но все равно по-настоящему оправдывая свое название.

Любил Зенон Францевич грохот подлему-ских рек, рев разбушевавшегося осеннего Байкала, могучий, многого-лосый шум тайги. Все эти звуки бодрили, вселяли силу и успокаивали нервы.

Вот и сейчас в грохоте Громотухи он уловил воркотню старой мудрой бабушки, которая по-матерински журила его.

На сердце отлегло, и он, впервые за весь путь от Малиутки Марикан до моря, улыбнулся и шлепнул по плечу сидевшего рядом эвенка.

— Ничего, Бойчен, и на нашей улице будет праздник! Эвенк криво усмехнулся:

— Ха, пра... Гуляйт нада. Ваську поить спиртом...

— Не надо падать духом, Бойчен... Все же с осени мы задержали шесть браконьеров... В основном-то Хабель с Остяком и остались... Их поймаем, а с остальной-то сошкой расправимся!

— О-бой, однако, Хабелька опять нас поймать будет!

— Нет уж, батенька мой, спасибо... Все равно наш верх будет! Скоро услышим последний выстрел в нашем заповеднике. Скоро.

Серые грустные глаза Васьки впервые за весь день виновато встретились с голубыми Сватоша, и у него невольно вырвалось:

— Вот хорошо-то будет!

— Да, да, Василий, будет замечательно!

Стражники недоверчиво посмотрели на директора.

— Поверьте мне, ребятушки, придет время, не будет нужды идти в заповедник промышлять соболя. Во всяком случае, у нас в Забайкалье повсеместно расплодится этот ценнейший зверек... Ну и люди-то будут грамотными, культурными, сознание у людей будет совершенно другое... Тогда сократится штат охраны,— Зенон Францевич усмехнулся,— боюсь, что стражники даже обленятся... Один раз обойдут свой участок — никого нет... Сто раз обойдут — никого. Махнут рукой и скажут: «Кто к нам пойдет!» Да... ребятки... Хорошо будет. Хорошо!

— Вот-вот, Бимбушке будет шибко хорошо — будет боком лежать да брюха гладить!

На суровых лицах появились улыбки. Попив чаю с последними крошками сухарей, повеселевшие люди тронулись дальше. Из-за скалистого Громотушного мыса показалась с низкими уютными берегами Сосновская губа. А в самом почти углу — Кудалды. Темнеют несколько домишек. Из труб вьется дымок, придавая жилой вид малюсенькому поселку.

Во время морестава часто проносились свирепые севе-

ро-западные ветры. А поэтому поверхность Байкала, особенно против мысов, была покрыта торосами, похожими на скалы из белого мрамора. Люди или обходили их, или переползали. Расстояние в восемь-десять километров для таежника просто чепуха, а вот это же расстояние через клыкастые торосы — одно мученье, — ни пешком, ни на лыжах. Уже недалеко от Кудалдов нагнал стражников сильный култук¹. Давно ли будто солнце соскользнуло с одного из гольцов Байкальского хребта, а на дворе уже наступили густые сумерки. В одном из домов появился огонек, потом во втором, в третьем. Измученные люди облегченно вздохнули. Последним препятствием на их пути оказался высокий скользкий сокун². Ветер, усиливаясь, превратился в дьявольский буран. Кто-то неведомый окутал людей мягким черным саваном. Ничего не разобрать. Пришлось ползком преодолеть ледяную преграду и соскользнуть кубарем вниз. Только сейчас, зачуяв людей, залаяли собаки. Из ближнего дома вышел человек и, заметив прибывших, стал приближаться.

— Это наши пришли? — слышался женский голос.

— Мы, мы, Катя! — радостно крикнул Сватош, узнав голос жены. — Фу-у-у! Вот и отмаялись, еле шевелю ногами, Катенька... Есть чем обогреться-то?

— Есть, есть, Зоня!.. Пойдемте скорее.

— Вот, братцы, и у нас будет сейчас праздник! — радостно воскликнул Зенон Францевич. — Заходите сначала к нам... обогреетесь, а потом уж и по домам.

— Екатерина Афанасьевна, ведь неудобно каждый раз надоедать-то вам.

— Вася, чтоб я больше этого слова не слышала. Идемте к нам!

Молодой стражник завернул за угол и скрылся во тьме.

И вскоре все уже сидели за гостеприимным столом. Спокойно, без суеты, угощала стражников высокая худощавая хозяйка дома.

— Вот уж обогреться-то с мороза не грех! — повеселевшими глазами подмигнул друзьям Зенон Францевич и налил из пузатого графина по стакану водки. — А вот я разведу чайком... Легче пойдет!.. Ну, друзья, поздравляю... с возвращением...

¹ Култук — западный ветер на Байкале.

² Сокун — нагромождение льда, образовавшегося на берегах Байкала во время осенне-зимних ветров.

— Ну, как сходили, Бимба? — спросила Екатерина Афанасьевна у сидевшего ближе всех к огню бурята.

— У-у-у-у! — затряс головой. — Сказать боится Бимбушка, мало-мало ругать будешь, мало-мало смеяться... Пусть Зенфран говорит... Он мастер баить...

— Плохо, Катенька, сходили... Был у нас в руках Петрован Хабель... Ну и... После расскажу... — Зенон Францевич виновато взглянул на жену, нахмурился и поник головой.

— Ничего, Зоня, всякое бывает... Сами-то живыми вернулись... Виктор-то, бедняжка... Жизнерадостный был парень... — добрая женщина тяжело вздохнула и, подперев ладонью подбородок, горестно добавила: — Валентина-то уж очень убивается... молодые, жили дружно...

Разговор прервал стук в дверь.

В обширную кухню ввалилось с десятков людей. Впереди всех в бараньем дыгыле тетка Цициг.

— Амар сайн!.. Ты, Бимбушка, стыд теряла, ох, беда, беда.

— Здрасте, здрасте! Тетя Цициг, не ругай Бимбу... я затащил его, — заступился Сватош.

— Ха, когда больна был, в этом доме лечили, кормили, добрый слово говорили... Теперь дорога сюда знайт... хорошо знайт!

— О-бой, какой хитрый бурят! Тут хорошо кормить, хорошо водкой угощать!.. — смеется повеселевший после доброй чарки эвенк.

Все рассмеялись.

Сытный ужин и жарко, по-сибирски натопленная изба разморили уставших людей, а поэтому они быстро разошлись по домам. Один за другим потухли огоньки. Тихо-тихо кругом. Лишь изредка спросонья тявкнет чья-нибудь собачонка. А в ответ, в собольем питомнике, из клетки раздается сердитый «пря-яу». Не любит соболь собачий лай.

Глава IV

Как и обычно, Зенон Францевич проснулся в пять утра. Болит голова. Во рту пересохло. «Температура... где же мог простудиться?» Сел. Отяжелевшую голову тянет к пуховой подушке. Ноет в пояснице. «Сном пройдет»... Голова послушно упала на подушку.

Второй раз проснулся уже поздно. Сквозь дощатую

стенку доносился ровный, спокойный голос жены: «Ма-ма, а-у. У-а, ма-ма. Ма-ша, а-у. У-а, Ма-ша».

— Ну, а теперь кто нам прочитает?

Пауза. Затем раздался тоненький голосок:

— Я прочитаю!

— Хорошо, читай, Ваня!

Мальчик скороговоркой, одним духом выпалил: «Мама, а-у. Уа, мама. Маша, а-у. Уа, Маша».

— Так быстро читать нельзя... Нужно по складам. Следи за мной, как я читаю: «Ма-ма, а-у. Ма-ма, у-а». Понял, Ваня?

— Понял, Екатфанасьевна!

— Садись, Ваня... А ты, Гриша, сумеешь прочитать?

— У-у меня... болит брюхо.

Кто-то из ребят хихикнул. Зенон Францевич, не вытерпев, тоже рассмеялся. Ему живо припомнилось далекое-далекое детство, школа, миловидная, с тонкими чертами лица учительница и одноклассники.

Преодолевая тупую боль во всем теле, Сватош оделся и вышел во двор. Хватив полной грудью морозный воздух, вздрогнул, поежился.

По выработавшейся привычке — в первую очередь утрами посещать своих любимцев — пошел в соборный питомник. Утреннее солнце, оторвавшись от вершины Баргузинского хребта, ярко освещало ущелье, по которому текла буйная речка Кудалды. А над ущельем, словно зубья старой пилы, врезались в синее небо гигантские скалы — гольцы.

— Какой мужественный вид у вас! — улыбнулся он гольцам.

Подойдя к питомнику, сквозь железную сетку вольера он увидел нагнувшуюся над клеткой Валю. Она была чем-то так занята, что не заметила вошедшего директора.

Зенон Францевич чуть прикоснулся к плечу молодой женщины.

Валентина оглянулась. Легко поднялась. В больших синих глазах испуг сменился печалью.

— Здравствуйте, Валя!

— Здравствуйте, Зенон Францевич!

— Что случилось?

— Ручная заболела, не ест...

Тяжело вздохнула и уступила место у клетки. Сватош опустился на колени и начал кликать свою любимицу:

— Ру-ченька, Рученька, поди ко мне.

Раздался слабый, жалобный «нирряю», и из клетки чуть высунулась остренькая усатая мордочка. Зеленоватые бусинки увидели своего друга. Еще жалобнее раздался «нирряю».

— Иди ко мне, Рученька!

Маленький, гибкий зверек в пышной черной шубке, по-кошачьи мягко ступая, приблизился к вытянутым рукам Сватоша.

Осторожно взял он соболушку на руки и нежно погладил по шелковистому меху. Зверек доверчиво уткнулся остренькой хищной мордочкой.

— Что же это вздумала хандрить-то, Рученька?— встревоженные глаза внимательно осмотрели зверька. Огрубевшие пальцы прощупали грудную клетку, позвоночник, живот.

— Валя, скажите, давно она заболела?

— Четвертый день...

— А остальные как чувствуют себя?

— Нормально... Только с продуктами плохо. Мясо кончилось. Рыбы осталось дня на три. Больше даю орехов и брусники... Рыбу экономлю...

— Э-э-э, девочка моя, ты ей чересчур много дала орехов, а потом сыпанула мерзлой ягоды... А ведь Ручная удивительно прожорлива, пожалуй, единственная во всем собольем роде особа.

— Я не знала, что так получится...

— Да, да... я виноват... не предупредил тебя... Но вообще-то, когда меня не бывает дома, обращай к Екатерине Афанасьевне, а Ручную я унесу домой.

Положив за пазуху Ручную, Сватош пошел домой. Больной зверек горячим комочком прижался к его груди.

Уже на крыльце своей квартиры он встретил учеников Екатерины Афанасьевны.

— Это у кого на уроке-то болит живот?!— смеясь, спросил он у ребяташек.

— Это у Гришки Чернова!— ответил белобрысый бойкий мальчонка.— Как его заставят читать, сразу и заболит! Вчера голова болела, а сегодня брюхо.

Ребяташки со смехом разбежались во все стороны, а Зенон Францевич с какой-то затаенной завистью смотрел им вслед. С плотно сжатых губ сорвалось чуть слышно: «Эх, нам бы с Катей вот такого озорника...»

Увидев в руках мужа соболюшку, Екатерина Афанасьевна встревожилась.

— Что случилось с Ручной?

— Заболела... отказывается от еды... Не придерживаемся установленного рациона... Все это несчастная нужда наша, недостатки. Мясо кончилось... Где его взять? У нас нет разрешения на отстрел копытных. Нет денег на покупку мяса...

— Слушай, Зоня, а ведь сколько копытного зверя дают волки. Почему нам нельзя добыть для соболей? Страшного-то тут ничего нет... Соболей сохраним.

— Видимо... придется... Я еще подумаю...

— Зоня, я не успела приготовить обед, выпей пока чайку с вареньем. Помнишь, брали смородину по Шумилихе?

Низко склонившись над столом, Сватош медленно пьет чай. На широком добродушном лице печаль. После долгого молчания он спросил у Екатерины Афанасьевны:

— Ну, что ж, Катя, будем делать-то?.. Нарушим заповедь?

— Оно... если бы, а то... Зоня, сам знаешь, лишимся питомника... Это же страшнее всего. Сколько пропадет труда...

— Правильно, Катя. Знаешь, что я придумал... Мы с Бимбой поедem в Большую речку. Ведь на Индинском мысу чуть не каждую ночь волки дают по несколько копытных зверей. Частенько эти жестокие хищники расправляются со своими жертвами лишь ради забавы. Перервут им горло и уходят... В крайнем случае будем отбирать у волков их добычу.

Округлившиеся от страха глаза Екатерины Афанасьевны неподвижно остановились на муже.

— Я... я, Зоня, не разрешаю!.. Вас там съедят волки...

— Катенька, не бойся, ведь с Бимбой можно в огонь и в воду.

— Да, это правда, но...

— «Но» отбросим, Катенька, иного выхода нет... прости уж...

Екатерина Афанасьевна тяжело вздохнула и молча начала готовить обед. Она прекрасно знала, что в таких случаях отговаривать бесполезно. И уже после обеда сообщила, что она разделила остатки муки. Пришлось по четыреста граммов на едока. С завтрашнего дня люди будут жить на одной рыбе...

В вечерних сумерках Сватош с Бимбой подъехали к камню Черского. С северной стороны камень оделся в чудесный, весь из ледяных сосуллек тулуп. Как бы ни спешил Зенон Францевич, но у этого камня он всегда останавливался и на некоторое время погружался в какие-то одному ему ведомые думы. В этот раз Сватошу почудилось, что камень глухо простонал и еще больше сник над гладким льдом. «Не унывай, нам тоже сейчас туговато приходится», — прошептал Сватош.

Бимба знал, что много лет назад большой ученый Черский сделал на этом камне отметку уровня воды. Вот и назван камень его именем.

— Бимба!

— Чо, Зенфран?

— До Индинского сегодня не доберемся. Лучше заночуем на мысу Валукан... там рыбацье зимовье.

— Я тоже так думала.

Торосистое ледяное поле Байкала в этих безлюдных местах не имело даже признака дороги.

Если в течение полумесяца и пронесет кого нелегкая, то за полозьями его саней не останется ни малейшего признака следов — ветер тут же заметет их.

Сватош с Бимбой ехали на невысоком сибирском жеребце. Зенон Францевич купил его еще жеребенком в Баргузине у знакомого бурята. Екатерина Афанасьевна с рук выкормила жеребеночка, выпестовала и дала ласковую кличку — Милый. Этот Милый много раз выручал Сватоша из беды. Он совершенно не боялся щелей. Мог на небольшой льдине спокойно переправиться через широкий разнос. Он каким-то чутьем умел в весеннем, превратившемся в игольник льду выбирать крепкие полосы. А уж меж торосов-то он в любую темную ночь найдет себе путь. Отпуская вожжи, не мешай ему.

Уже в крошечной темноте лошадь остановилась у черного квадрата — то было рыбацье зимовье.

— Спасибо, Милый, ты молодчина!

— Верно, Зенфран, умный конь!.. Ох, умный!

Молча съев по куску отваренного мяса без хлеба, залили иван-чаем, смешанным с мореными листьями шиповника, легли спать.

Ночь и не думала уступать дню, а Сватош с Бимбой уже давно едут дальше. Наконец, рассвело. Перед взором

наших путников раскрылся Индинский мыс, который почти отвесной стеной свалился в море.

С незапамятных времен в этих местах безраздельно господствует стая лесных волков. Волки эти высоконогие, туловище у них тонкое и длинное, приспособленное к глубокому подлему морскому снегу.

А гранитная скала на мысу, похожая на колокольню, была кормилицей этих хищников.

Где бы ни напали волки на копытного зверя, он неизбежно, спасаясь от погони, бежал под защиту коварной скалы, чтоб, вскочив на ее вершину, остаться живым. Но из спасительного маяка скала превращалась в предательницу. Обезумевший от страха зверь, подбежав к высокой гранитной ограде и не найдя иного выхода, спускался вниз, на скользкий морской лед. Здесь и настигали несчастного волки и вмиг разрывали на куски.

Сказочно богато Подлеморье копытным зверем. И поэтому не удивлялись люди, когда находили тушу зверя лишь с разорванным горлом. Страшно возмущался Сватош такими убийствами ради «искусства».

Еще издали зоркий Бимба заметил лежавший на льду темный предмет.

— Однако, шашлык жарить буду.

— погоди, Бим, не загадывай вперед.

Подъехав, путники увидели прекрасные ветвистые рога на голом черепе.

— Голодные были...

— Вчера голодны — сегодня сыты... Нам оставят махан.

— Надеяться на волчье великодушие не будем... Как зверь свалится на льду — так и в драку вступим.

— Однако, шибко драться будем.

— Да, придется, Бим, волчья стая не любит уступать свою добычу. Это очень опасно.

— Ничего, Зенфран, волка боюсь — тайга не ходи.

Недалеко от устья тасжной речки спряталось подобие человеческого жилья — несколько плах составлено конусом. Зенон Францевич, оставив Бимбу готовить завтрак, пошел к разведку.

Пройдя километра три вверх по речке, Сватош увидел свежие следы лосей. Семья... Она так и пасется здесь. Чего стоит выследить и убить сохача... Нет!.. Какая же мы с Бимом в том случае стража природы... Э-эх!

Вернувшись к юрте, он не застал товарища. В юрте

горел веселый костер, из котелка шел пар. «Наверно, ушел по дрова», — успел лишь подумать, как услышал шаги товарища. У-у-ух — грохнулся сброшенный с плеча огромный кряж.

— Бим, ты же надсадишься от такой тяжести.

— Э, Зенфран, пустяк... палка! Давай чай пить будем.

Бимба нет-нет да украдкой посмотрит на Сватоша и качает головой.

— Ты что так смотришь, Бим?

— Охо-хо, мясо бурят ест, хлеб нету — ничево, а ты...

— Я тоже стал бурятом... Кушай, Бим, не обращай внимания на меня...

Ловко орудуя ножом, Бимба быстро съел свой кусок. Ему явно не хватило, и он начал пить «чай», чтоб наполнить желудок.

Сватош ел вяло. Положив недоеденный кусок на полено, задумался. Его живые глаза потускнели и рассеянно смотрят в костер. На широком добродушном лице печаль. «Как там мои собольки... Ни мяса, ни рыбы... выдает им Валентина по капельке орехов да ягод... Разве это еда... А Ручная... Ничего, Катя ее выходит... Люди без хлеба остались... Эх... Черт бы побрал!..»

Укрывшись собачьими тулупами, крепко спят друзья. Милый лениво хрумкает грубое таежное сено. Недавно начавшаяся ангара¹ подняла однообразный шум в прибрежном кедраче. Хорошо убаюкивает своим торжественным гуденьем матушка тайга. Сладко спится с устатку. А она по-матерински склонила свою зеленую голову и добродушно улыбается спящим людям, так самоотверженно охраняющим ее богатства. Сватош сквозь сон слышит шепелявый ее шепот: «ш-ш-ш-шынки мои, ш-ш-ш-шпите».

В вечерних сумерках Сватош с Бимбой подъехали к мысу и в ледяной «ограде» меж конусообразных сокуев распрягли лошадь.

— Ну, Миленький, оставайся здесь да будь умницей, — разговаривает со своим жеребцом Сватош, — ты, Бим, не привязывай его... В случае чего, отобьется и прибежит к нам.

У самого прижима, под ветренной стороной, они сде-

¹ А н г а р а — ветер северо-восточного направления на Байкале.

лали из толстых кусков льда засаду и устроились караулить.

Такую ночь коротать у таежного костра и то нелегкое дело, но по привычке все же можно. А друзьям пришлось сидеть на голом потрескивающем льду, боясь сделать лишнее движение.

К полуночи они так озябли, что им казалось, мороз проник в легкие, в сердце, в жилы; он колет и сжимает сердце, затрудняет дыхание.

Где-то далеко вверху, по кромке скалы, пронесся шорох, застучали мелкие камешки.

Люди замерли.

Шумок все яснее, все ближе.

Вдруг застучала четкая дробь. На белый лед выкатились три черные фигуры. Они то увеличиваются, то уменьшаются, то увеличиваются, то уменьшаются.

Это несчастные животные на предательском скользком льду падают и поднимаются, чтобы снова упасть. А вот и стая волков.

Раздался душераздирающий предсмертный рев. Понесся лязг клыков, хруст сломанных костей... Сватош схватился за ружье. Онемевшие пальцы не повинуются.

— С-стреляй, Бим! Стреляй!

Он не слышит, а только видит, как из ствола винтовки бурята частыми плевками вылетает огонек. Волки подскакивают вверх, сваливаются на лед. Вдруг один из них бросился к Сватошу, но на бегу перевернулся недалеко от него. Второй тоже уткнулся; третий промелькнул совсем рядом, вздыбился и огромной тенью заслонил все. Перед самым лицом Сватоша лязгнули зубы, но в этот миг раздался оглушительный удар, и все смолкло.

— Зенфран, мы живем!!!

— Бим, ты великий стрелок! Ты... — голос Сватоша задрожал. Благо, что ночь умело скрывает скупые мужские слезы и свято хранит свою тайну.

Глава V

Все эти дни после приезда с Индинского мыса Зенон Францевич возится в питомнике с соболями. Ручная выжила, и Екатерина Афанасьевна принесла ее обратно

в вольер. Остальные зверьки заметно похудели. Они с жадностью набрасывались на мясо и, сердито ворча, поедали любимое блюдо.

Валентина старательно помогала Сватошу, присматриваясь, училась обращению с хищным, норовистым зверьком.

Однажды Зенон Францевич, внимательно взглянув на нее, спросил:

— Валя, надо парочку соболей выпустить в тайгу... Каких тебе не жалко.

— Ой, Зенон Францевич!.. Зачем же...

Сватош расплылся в довольной улыбке.

— Мне, Валя, радостно, что ты их так любишь. Но выпустить в тайгу соболей необходимо.

— Да там их убьют эти... браконьеры.

— Не убьют. Мы выпустим недалеко отсюда по речке Одрочонке. Там уже давно не водится соболь... зверьков закольцуем. Будем им делать подкормку, чтоб голод не заставил покинуть эти места. А затем организуем наблюдения за ними. Осенью, по переновке забегают молодые собольки. Произведем количественный учет нового потомства и узнаем, каков приплод нового года. Весьма возможно, что сумеем разгадать пусть даже долю из тех многих загадок, которыми окружен этот коварный зверек.

— Почему же коварный-то? — с упрёком улыбнулась Валя.

— Потому, что не дает потомства в неволе... Вся наша работа имеет немалую важность для науки... Нам необходимо выяснить причину, отчего наши собольки упорно отказываются спариваться... Вот это задача!.. Если, Валюша, мы с тобой разрешим эту задачу, то нашего баргузинца будут разводить в вольерах специально организованные пушные хозяйства. Это будет очень выгодно нашему государству...

Второй день Сватош с Бимбой и Васькой Рысевым преследуют браконьеров. Чумница хищников дойдя до стрелки, где встречаются Правый и Левый Чальчигир, разошлась в разные стороны.

— Ха, что же они вздумали расходиться-то?

Зенон Францевич вынул из кармана большую записную книжку, из которой достал вчетверо сложенный лист бумаги. Это была самодельная карта Чальчигира. Развернув ее, он долго рассматривал тоненькие жилочки. Правый и Левый Чальчигир, извиваясь змейками, уходили в разные стороны. К ним же сбегались тонюсенькие бесчисленные жилочки — это текли ключи.

Подумав, он подозвал стражников.

— Вот, друзья, смотрите... вы вдвоем идете по Правому Чальчигиру. Дойдете до ее вершины, там будет крутая седловина. Подниметесь и по ее гриве спуститесь вот сюда. Здесь исток Левого Чальчигира. Встретимся примерно вот в этом месте.

— Я, Зенфран, был здесь, — вставил Бимба.

— Вот и хорошо. Будьте осторожны. Они могут применить оружие. Помните, что произошло с Виктором.

Когда товарищи скрылись за плотной стеной деревьев, Сватош тронулся вверх по Левому Чальчигиру. Затеявшаяся в девственной тайге, почти никому не известная горная речонка была густо заселена черными соболями. Это было в самом сердце заповедника. Сюда осмеливались заходить лишь Хабель да Остяк. И то очень редко.

Дело в том, что из этих богатейших угодий за пределы заповедника можно было попасть только через очень узкое, трудно проходимое ущелье. Да и то в конце ущелья, уже на самом гольце, путника поджидала гранитная стена, на которую поднимались при помощи веревки. Так что для рядового браконьера это была настоящая ловушка.

По берегам извилистого Чальчигира тянется темный кедровый бор. Великаны кедры чуть не до середины реки распростерли свои могучие руки-ветви. От легкого дуновения «верховика» ветви величественно раскачиваются, словно благословляют путника в добрый путь.

За одним из поворотов, в прибрежном тальнике Сватош увидел огромного лося. Зверь спокойно поедал тонкие побеги тальника. Он так увлекся своим занятием, что не заметил приближающегося человека. А потом, вдруг почуяв неладное, высоко вскинул свою массивную голову и, увидев человека, мгновенно исчез в сумраке кедровника.

Зенон Францевич улыбнулся. «Не вздумай, чертяка, так

дремать перед браконьерами... Угостят свинцовой картошкой и не помянут, как тебя звали...» — напутствовал он вслед удиравшему зверю.

Третий день Хабель горит огнем. Не ест, пьет густой терпкий чай да на ходу глотает снег. Остяка он отправил по Правому Чальчигиру, а сам пошел сюда... «Эх, черт, не надо бы посылать... сгоношил бы он юрту... Как-нибудь отлежался бы... Ведь хворь-то тогда, еще при нем, начинала донимать».

Идет, едва передвигая ноги. Часто садится. Долго сидит. Пока мороз не дойма, не встанет. С большим трудом поднимается и идет дальше. А в голове невеселые думы: «Где-нибудь сяду, засну и замерзну... съедят меня волки».

Вдруг Хабель услышал шорох. Воспаленные глаза тревожно уставились в одну точку. «Кто же идет?.. Остяк или...» Прислушался. «Нет, не Остяк... тунгус шагает легко, словно рысь... А этот по-русски, как медведь, давит на лыжи... Значит, идет стражник! Что делать?! Эх, злая немочь... один выход — пуля. Браконьер собрал последние силы и бросился вниз с крутого взлобка. Куда девались прежняя ловкость, уверенность, безумная смелость. «Эх, разве это гора! Я бы в добром-то здоровье на одной ноге с нее слетел». Кое-как скатившись, браконьер пошел в гору. Не дойдя и до половины горы, Хабель выдохся. Не только идти, даже сидеть не было силы. Он лег на спину. От переутомления рябило в глазах.

Шорох лыж совсем рядом. Ближе. Ближе. Подошел.

— Эй ты, кто?! Ох, что с тобой?!

Браконьер с трудом открыл глаза.

— Зенон...

— Молчанов, ты?! Заболел?!

Рядом стоит тонкая сушинка у горелого, смолистого пня. Через десяток минут разгорелся яркий костер. Сватош подвесил на ангуру свой котелок со снегом и подтащил больного к костру.

Хабелю безразлично, что будет дальше. Первый раз в жизни он почувствовал свое бессилие. «Тут и замерзну... баста... не потащит же на себе меня... Эх, чума заberi».

У жаркого костра больного еще больше разморило, и он заснул крепким непробудным сном.

Проснулся лишь глубокой ночью. Ярко горел костер, за которым наблюдал Сватош. Он стоял с огромной палкой в руке, которой ворочал толстые сутунки; весь багровый от пламени, в безрукавке, он сейчас походил на сказочного богатыря. «Почему он без шинели?» — мелькнула мысль. Взглянув на себя, увидел добротную шинель Сватоша, которой был старательно укутан, как давным-давно укутывала его мать.

— Пить дай... засохло... — прохрипел Хабель.

— А-а, очухался! Вот и хорошо. У тебя что болит?

— Жар, голова... глотка...

— Простыл ты... А горло болит от снега. Я видел, как часто ты прикладывался к нему. У меня есть лекарство от простуды... Ношу с собой... бывает и с нами... Выпей-ка.

Приняв снадобье, Хабель морщится, трясет головой.

— Како горько.

Больной снова погрузился в забытие.

Хабель проснулся, когда восходящее солнце окрасило макушки деревьев в розовый цвет. По другую сторону костра, прислонившись к дереву, сидя спит Сватош. Ружье висит в сторонке на корявом дереве. Хабель вздохнул и покачал головой: «Эх, до чего же ты, Зенон, доверчивый...»

В вечерних сумерках Сватош с Хабелем добрались до крохотной юрташки на берегу веселого Чальчигира.

— Слава богу, думал, не дотяну.

— А я не сомневался. Знаю твою выносливость. Хорошо знаю.

— Так-то так, Зенон Францевич, но болесь-то не свой брат...

Хабель опустился на колени и заглянул в темное, пугающее отверстие юрты. Перекрестился и обратился к «хозяину» сего утлого помещения: «О, господин добрый «хозяин», пусти бедных таежников переночевать». После этой процедуры Хабель заполз в темную, сырую юрту. За ним последовал Сватош. Суеверный браконьер снова перекрестился и, поклонившись переднему углу, прошептал какие-то заклинания.

Сватош вздохнул и покачал головой.

— Зачем, Петр, вся эта процедура? Скорей ложись и отдыхай, а я затоплю и ужин сварю.

Через две-три минуты от сухой бересты и смолистых лучинок разгорелся веселый огонек и быстро обогрел лю-

дей. Есть в нашей тайге святой закон. Человек, уходя из юрты, оставляет в ней спички, дрова, хлеб, соль, табак. Оставляет не для себя, для другого человека. Может быть, голодного, уставшего, может, больного или убитого неудачей. Оставляет незнакомому, чужому человеку.

Сколько человечности в этом святом законе тайги!

И вот сейчас Сватош с Хабелем при свете огня увидели в углу юрты большую кучу нарубленных дров. Эти дрова для уставших и голодных людей в данный момент были дороже золота. На стене в мешочках висели соль и сухари, а на березовом шесте большой кусок жирного мяса.

— Да-а, видать, добрый таежник ушел отсюда! — С горделивой ноткой в голосе произнес Сватош, — это мои молодцы так делают!

Хабель тяжело вздохнул и тихо прошептал:

— А вот сосунки-то из нашей шатни про это забывают... Того и гляди, последний кусок из юрты упрут... Сволочи...

— А ты отойди от них... Это не охотники, а просто-напросто ворышки.

Сытно поужинав, люди улеглись на мягкой постели из душистых еловых веток и ветоши.

— Ну, как чувствуешь себя, Петр?

— Лекарство-то у тебя, видать, заморское, сразу полегчало... Только в бок што-то тычет с пуга.

— Пройдет. Теперь проспаться надо.

— Не спится. Все думаю, как много соболя расплодилось по Чальчигиру.

Сватош приподнялся на локтях и сел по-бурятски, сложив ноги под себя.

— Знаешь, Петро, почему это так получается?

— Кумекаю... По Малютке-Марикан мы с Остяком... а по крайним речкам другие охотники промышляют.

— Нет, Петро, не охотники, а браконьеры, и ни в коем случае не промышляют, а грабят средь бела дня... Грабят! Понимаешь?.. — Зенон Францевич закурил, и уже спокойно продолжал, — в девятьсот четырнадцатом-пятнадцатом годах здесь, в Подлеморье, работала научная экспедиция под руководством Допельмайера. Наверно, знавал ты его. Помнишь, проводником у нас в экспедиции был Егор Андреевич Шелковников. Были и другие...

— Помню... Мы вам показали Подлеморье, а вы нас под задницу пинкарем из нашей же тайги...

Сватош усмехнулся и продолжал:

— Тогда мы вели научные наблюдения за баргузинским соболем. В результате был произведен довольно точный учет этого зверька. Он, бедняга, находился на грани полного истребления. Даже бюрократический царский сенат был вынужден издать указ об организации заповедника. В те времена, например, по Чальчигиру жили всего-навсего три-четыре соболя. А теперь их здесь сколько развелось!

— Охо-хой, дальше еще наплодятся... Всю живность сожрут... Дойдет, и друг-друга слопают... Кому выгода будет?.. А?.. Оно и выходит: собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает... Главное, выгоду усмотреть надо, вот чо, Зенон!— Хабель победно посмотрел на Сватоша.

Зенон Францевич загадочно улыбнулся.

— Выгоду-то мы и предусматриваем. Чем больше будет соболя в нашей тайге, тем выше поднимется и добыча его. А знаешь, Петро, как это будет выгодно государству?.. Меха баргузинского соболя является царем всех мехов... Ведь это золотая валюта!..

— Это, паря, чо тако? — удивленно спросил Хабель.

— Как тебе проще объяснить... Ну, это денежная единица какой-нибудь страны,— в общем, иноземные деньги... Скажем, продали мы партию собольих шкурок американцам. Получаем их деньгами и покупаем у них нужные нам машины. Понял?

— Вот оно што!..— удивленно воскликнул таежник.— Как не понять, не чурбан же я... А, паря, тогдысь нас не будешь гонять?

— В заповеднике не разрешу промышлять.

— Хы, а как же быть-та?

— За пределами заповедника соболя будет вполне достаточно. Знай, не ленись только. В ближайшие годы мы займемся переселением соболя в те места, где наш баргузинец приживется... Ну, например, в Голонде отпустим пар несколько...

— Паря, если не сказку, то враницу баишь,— Хабель недоверчиво покачал головой.

— Это же цель нашего заповедника!.. Пойми, чудака-человек. Придет время, поголовье соболя, возможно, станет не меньше других многочисленных зверьков. Будут отлавливать его и в специальных клетках развезут по всей сибирской тайге.

— Э-эх, Зенон, умный ты человек, а баишь сказку старой бабки. В первый же год их приберут,— уверенно заявляет Хабель.

— Сами будете охранять!.. Сами охотники.

Хабель рассмеялся недобрым смехом.

— Можя, я гожусь в стражники?.. А?..

— Почему бы нет. Люди ошибаются. Исправляются. Продолжают честно жить и трудиться. Ничего особенного нет тут. Я даже мечтал найти такого лыжника, от которого никто бы не мог уйти...

Хабель поднял лохматую голову и в недоумении уставился на Сватоша.

— Ты, Зенон, во сне баишь иль смеешься?

— Я не люблю смеяться, когда разговор касается охраны природы.

В полутемной юрте воцарилось молчание. Таежники углубились в свои думы. Но Сватош, утомленный бессонной ночью и дневным переходом, быстро заснул.

А Хабель, приняв очередную дозу лекарства, лежит с открытыми глазами на мягкой постели. Тихо потрескивает костер. В щербатое отверстие дымохода одна за другой вылетают искорки и тают во мгле. «Коротка же жизнь у вас... Родились в огне, прокружились до потолка, нырнули в дыру и умерли. А чем же моя-то лучше ихней. Родился, поднялся чуть-чуть на ноги и пошел давать круги... Непутяво кружусь... Упромыслил соболя, продал, пропил, снова иду...» Тяжело, горько. На душе разлад. Столько Хабель принес хлопот Сватошу. «Хоть бы ругнул по-мужски похабно, облил бы грязью... или на худой конец презирал бы... Дак нет же, еще и лечит... Ночь не спал из-за меня, в одной безрукавке вертелся, а меня укутывал своей шинелью...»

По ту сторону костра мертвецким сном спит Зенон Францевич. По таежной привычке лежит спиной к огню.

«Тоже научился по-нашему жарить спину,— усмехнулся Хабель.— Спи, седня я буду огонь держать...»

Поздно вечером они доплелись до Кудалдов. Только в двух домах горел в светцах огонь. Через обмерзшие стек-

ла едва пробивался скудный мигающий свет. К одному из них они и подошли. На стук отворилась дверь, и в сенцах раздался женский голос.

— Кто там?

— Я!.. Мы с Петром.

— Зоня, ты?

— Я, я, Катенька!.. Отопри скорей... Замерзаем...

— Ох, бедняжки! Сейчас, минуточку! Да где же эта несчастная заложка-то!

В открывшуюся дверь Зенон Францевич втолкнул замешкавшегося Хабеля.

— Здравствуйте, Катя, Валя!

Заметив, с каким удивлением женщины уставились на незнакомого человека, Сватош представил своего спутника: «Знакомьтесь, Петр Хабель!»

— Хабель?!— вырвалось одновременно у обеих женщин.

— Да, на этот раз собственной персоной!

Взгляд Екатерины Афанасьевны выражал растерянность и удивление.

— А я... А я думала...

— Да, да, Катя, ты думала, что он богатырь, а он... Вот он какой... Да, Катенька, мы очень голодны... К тому же Петр сильно простыл...

Ужин состоял всего из двух блюд, но был приготовлен очень вкусно. Перед едой таежники пропустили по доброй чарке горькой настойки и с великим наслаждением принялись за еду. После мясных блюд хозяйка по-сибирски подала горячий чай с вареньем из черной смородины.

За чаем Зенон Францевич в первую очередь спросил о своих собольках, а потом уж о хозяйственных делах. Следивший за разговором Хабель заметил, что жена Сватоша глубоко вникает во все дела заповедника и, если нужно, дает необходимые распоряжения. «Толковая баба»,— заметил про себя Хабель.

Екатерина Афанасьевна в конце беседы сообщила, что из Москвы приехал работать биолог с высшим образованием. Требуется лошадь.

— Я ему сказала, что на лошади зимой по тайге не ездят, а ходят лишь на лыжах. Он расфыркался, хочет жаловаться... Требуется большая квартира с обстановкой, а сам одинокий...

— Хм... — Зенон Францевич усмехнулся, — сейчас все-таки зарплату платят... Снабжению пусть плохое, с перебоями, но все же есть. А вот мы с Катей, Петро, всю гражданскую войну охраняли заповедник безо всего этого... Ох, трудненько нам было! Спасибо, добрые люди помогали... А этот... еще не знает наших условий... Ладно, утром встречу... Будет работать, увидим, что за человек.

После завтрака Хабель вышел на крыльцо. Во всем теле чувствовалась боль и слабость. К этому же прибавилась тревога. Сердце неприятно ныло от мысли: «Что будет дальше? Отправят в милицию... Суд... Тюрма... Что будет?»

А на дворе бушевала вьюга. Несколько жалких хибарок, окутанных снежным саваном, робко жались друг к дружке. Из-за угла соседнего домика вынырнули две человеческие фигуры. Одна, жердью согнувшаяся на ветру, вторая несколько ниже первой, широкая, с уверенными движениями. До слуха Хабеля донеслась фраза: «Ареал¹ баргузинского соболя пока очень невелик».

В одном Хабель узнал Сватоша, а второй был незнакомцем.

— А-а, Петро! Вот познакомься с моим новым научным сотрудником.

— Здравствуйте, Мценский.

— Ахм, — хмыкнул Хабель, не зная, чем ответить, и притворно закашлялся.

— Я, Петро, целый день буду занят... Если заскукаешь — сходи в питомник или пройдишь на лыжах.

— Спасибо, Зенон Францевич, я разойдусь на лыжах.

— Во, это полезно!

— Позвольте, а вы меня не возьмете с собой? — попросился Мценский.

На Хабеля серьезно смотрели серые глаза, а тонкие бескровные губы вытянулись в улыбке. На болезненном лице, кроме весело торчащих усиков, ничего и не было живого.

— Пойдем, если не лень...

¹ А р е а л — место обитания зверя (научный термин).

Прошли всего километра полтора, а Мценский жалобно взмолился:

— Эй, как вас... Вы меня... Умру я...

Хабель остановился:

— Ты чо, паря, смеешься?

— Не до смеха... Как вас звать-то?

— Петрован Хабель.

— Значит, Петр... Как вы здесь живете?! Так и одичать можно...

— Об нас-то какой разговор. Вот Зенон Францевич не меньше вас ученый, а дикарем-то не стал же... Эвон сколько лет живут оне с Екатериной Афанасьевной в заповеднике...— Из-под насупленных бровей сердито засверкали глаза таежника.

— Ну, все-таки слишком суровый у вас край.

Прошагав еще немного, Мценский заметил свежий заячий след.

— Э-э, Петр... Позвольте, что это за след?

— Заяц пересек чумницу.

Теперь, набрав круг, они шли уже обратно к поселку. Не прошли и двухсот метров, как повстречали новый след.

— А это чей след?

— Ушкан¹ пересек чумницу.

На пути снова встретили заячью стежку. В ряд со старыми запорошенными следами, кем-то напуганный, большими прыжками промчался зайчишка.

— Позвольте, а это что за зверюга прошел?

— Косой пересек чумницу.

— А какой он из себя?

— Ты, паря, сдурел, косого не знаешь?!

— Откуда же мне знать всех ваших зверей! Для этого я приехал сюда, чтоб изучить их.

В глазах Хабеля забегали озорные огоньки, и он, подавив смех, начал объяснять.

— Э-э, тогда, паря, другое дело... Как тебе сказать, он лохматый, с кривыми рогами, а клыки, как у кабана.

Уже вблизи поселка снова промчался заяц. За ним, видимо, вплотную бежала лиса, а поэтому следы чередовались один через другой,— заячий, потом лисий, потом заячий. В перемерзшем рыхлом снегу они оставляли глубокий след.

¹ У ш к а н — заяц (местное название).

— Позвольте, извините! Как его!.. Вот это, наверное, зверюга!.. Ого-го!..

— Дикий пересек чумницу. Повстречаться с ним не советую. Кто в тайге не бывал да ружьем не владеет — тому гибель живая, — решил еще подшутить Хабель.

— Что вы говорите?! Да как же здесь можно жить?! Нет! Завтра же попрошу директора отправить меня обратно... Как вы думаете, не задержит он меня?

Из-под насупленных бровей на Мценского насмешливо смотрят веселые, с хитринкой глаза. Для Мценского Хабель просто дикий абориген. А для знаменитого таежного волка приезжий горожанин ни больше, ни меньше, как взрослый ребенок.

— Говоришь, задержит Зенон Францевич?.. Нет, по моему, держать не станет... Он, паря, тебя быстро раскусит. Насквозь человека видит... Уж я, на что хитер, не скрываю от тебя, дык и то он меня, как жеребенка, заузда...

Вечером Хабель зашел в канцелярию заповедника. В углу, за массивным столом сидел Зенон Францевич и что-то записывал в толстой тетради.

— А-а, Петр, садись. Я сейчас допишу.

В небольшом шкафу Хабеля заинтересовали искусно препарированные птицы. В нижнем ряду, словно живые, застыли в естественных позах две белки, горностаи и соболи. Тут же были тарбаган, несколько пищух и малюсеньких мышей.

Закончив писать, Зенон Францевич вышел из-за стола и подошел к Хабелю.

— Слушаю тебя, Петр.

— Да вот, пришел поговорить по душам...

— Ну что ж, рассказывай, как дальше жить собираешься... Пора уж бросать браконьерить.

— А... Все равно сидеть в тюрьме!

— Нет, не все равно. Главное, ты понять должен, какой вред приносишь заповеднику...

— Вот поэтому и пришел я... Не понимал я раньше ни тебя, ни твоей работы, Зенон. А вот здесь увидел... Дошло. Слово даю... Ей-бог. Не пойду больше в заповедник...

— Очень хочется тебе поверить. А знаешь, — вдруг решился Сватош, — завтра наш завхоз едет в Баргузин... Поезжай с ним домой... Заявлять на тебя пока не буду... Надеюсь на твою совесть и на твое слово.

Он снова подошел к столу и задумчиво склонился над ним. А Хабель топтался на одном месте и не уходил. Горький комок защемил горло, неприятно защекотало внутри.

— Зенон!.. Я... Мне... Поверь... Возьми к себе.

— Кем я тебя могу взять... В охрану?

— Кем хочешь... Только возьми... Ей-бог!

Вечером следующего дня, отправив Хабеля на поимку Остяка, Сватош долго и задумчиво листал свои тетради.

— Зоня, тебе нехорошо?

— Нет, Катя, самочувствие у меня в последнее время, наоборот, хорошее... Со снабжением налаживается... Хабель...

Екатерина Афанасьевна тяжело вздохнула:

— Сколько раз тебя Хабель обманывал...

Зенон Францевич понимающе посмотрел на жену и улыбнулся:

— Катя, я хочу рассказать тебе один случай. ...Однажды я в тайге заблудился. Близко был у смерти... Помирал с голода... Понял, что конец настал. Разжег костер, лег на лыжи и впал в забытие. Сколько времени спал, не помню. Разбудил меня громкий выстрел. Смотрю, а передо мной на снегу лежат сухари и кусок жирного мяса. Костер ярко горит. Схожу с ума, — подумалось, а сам жадно ем сухари, грызу мерзлое мясо.. Наелся. Теряю себя за ухо — больно, значит, все это наяву. Начал звать своего спасителя... Но он не откликается. Огляделся кругом — вижу, моя ангура воткнута кем-то в снег с наклоном в ту сторону, куда мне нужно было идти. Напился чаю, мне стало легче, и я пошел. Иду по чьей-то чумнице, ни о чем не думаю... Оступел совсем... Долго шел я за кем-то... Подойду к его отогу — костер горит, все готово к ночлегу, а дров на две ночи хватит. Выплюсь, отдохну и снова в путь по чьей-то лыжне. На третий день я вышел на нашу старую чумницу, недалеко от Кудалдов. Смотрю, а свежая-то чумница свернула в сторону к скале. Я взглянул вверх, а там стоит Петрован

Хабель и улыбается мне... В нем сидели два Петра... Один — храбрый, великодушный русский мужик. Второй — злой хищник. Вот второго-то я и мечтал выжить из него. Видишь, Катя, как получается в жизни...

— Зоня, почему же ты раньше не рассказал мне... Я... возможно, обидела его...

— Нет, Катенька, он понимает.

Ласково встретила Хабеля Малютка-Марикан.. Ее бархатные плечи теплой шалью накрыли косматые тучи и прочь отогнали резучий мороз. Чуть слышен легкий шепот деревьев. Веселой дробью раздается перестук дятлов.

Ночью выпала переновка, и лыжи скользят словно по маслу. Вдруг Хабель остановился как вкопанный. Перед носками его лыж свежая соболья стежка. «Настоящий «розовый» след!.. Парник!» — с дрожью в голосе проговорил стражник. Пробежав метров двести, он остановился. На бледном лице злая досада. С силой воткнув в метровую толщу снега свою ангуру, он плюнул и громко выругал себя.

Высоко-высоко в подгольцовой зоне, где растут лишь кривые, длиннолапые деревья, возвышается бледнолицая скала. Это родная мать Малютки-Марикан. В ненастье она еще больше ворчит на непослушную, своенравную дочь. От злости у нее уже не изумрудными каплями, а целыми ручейками текут холодные слезы. Заливаясь тонким серебряным смехом, еще быстрее убегает от матери Малютка-Марикан.

У подножия этой скалы, в густом ельнике, Остяк сделал себе юрту.

Подойдя к логову хищника, Хабель внимательно осмотрелся, снял лыжи и заполз в юрту. Посреди темного помещения тлели головешки. «Эх, черт, смотался... услышал...»

Как вихрь мчится знаменитый лыжник Подлеморья. Только в этот раз его легкие быстрые лыжи не за зверем несут Хабеля, а за... браконьером.

Это обстоятельство придает Хабелю еще больше силы и желания догнать. «Врешь, не уйдешь!» — рычит он. Уже у самого гольца, у скалистого Орлиного гнезда, он нагнал Остяка.

— Тьфу, язва, думал, стражник гонит меня!

— Здорово, Остяк! Ты не ошибся... Я теперь стражник.
— Ты што, с ума сошла?
— Вот те крест... Правду баю... — Хабель перекрестил потный лоб.

Глубоко посаженные маленькие глаза зло сверкнули.

— А Малютка-Марикан как? Бросать?

— Надо Оська уходить... Первый раз поймал... прощаю... Ты меня от смерти спас... Я твой должник... Будь добрый, уходи совсем... Оставь Малютку-Марикан.

— Малютка-Марикан моя! Моя! Умру здесь...

— Нет, это земля казенная... Заповедника. Придешь еще, поймаю... От меня не убежишь... Арестую. Уходи добром... Прощай, Оська!

Хабель повернулся и, не оглядываясь, пошел обратно. Вдруг сзади раздался выстрел. Зловеще прожужжала пуля. Обернувшись, он увидел Остяка с закрытым ладонями лицом. Между ними раскачивалась тоненькая осинка. «Пуля срекошетила...» — мелькнула мысль. «Ах ты, тварина, стрелять вздумал!» — В злобе Хабель вскинул ружье и начал целиться в съежившуюся от страха фигуру эвенка. Никак не слушается ружье трясущихся рук. Наконец на мушку попала шапка. Знакомая шапчонка. Старая, черная от сажи и копоты. Увидев ее, Хабель бессильно опустил винтовку и, утерев холодный пот, сел на снег.

Как и давным-давно, при рождении нового дня, белозубый голец Орлиное гнездо окрасился бледно-розовым цветом.

Всю ночь не сомкнули глаз два бывших друга. Их разделял лишь небольшой костер.

При первых лучах восходящего солнца Остяк поднялся, отойдя на чистый снег, опустился на колени и поклонился Малютке-Марикан. Долго жаловался ей о чем-то. Кончив обряд прощания, он подошел к костру и, не глядя на Хабеля, перекинул через огонь свою винтовку. Затем, порывшись за пазухой, достал шкурку черного соболя, который, вороном перелетев через красную грань, распластался у ног стражника.

— Плоха ты стражник — Оську отпускашь.

— Зенон так велел — моя просьба была.

Эти короткие резкие фразы прозвучали двумя выстрелами и сгорели в костре.

Остяк, бросив полный ненависти и бессильной злобы взгляд на спокойно сидевшего Хабеля, надел лыжи и пошел на голец.

Поднявшись на вершину, он долго стоял на одном месте. Черное пятнышко то увеличивалось, то уменьшалось. «Кланяется Малютке-Марикан», — догадался Хабель.

Еще через минуту черное пятно на Орлином гнезде исчезло.

РАССКАЗЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ТАЙГЕ

I

Капельная таежная полянка. В ожидании последнего удара перед Хоком лежит побежденный соперник. Его могучее тело судорожно дрожит. Глаза заполнились страхом. Но Хок презрительно отвернулся и пошел к прекрасной Эки, из-за которой только что закончился кровавый поединок.

Эки, красиво изогнув шею, с восхищением осматривала победителя, который с этого момента стал ее повелителем.

Жарким пламенем пролетели дни «месяца любви», и звери удалились из верховьев речки Булатихи в глухие места, где темно-зеленая грива горы Медведь надежно защищала их от северных ветров. Лишь отзвуки байкальских волн да свист ветра в верхушках деревьев напоминали о штормовой погоде. Внизу же, под сенью вековых сосен, было тихо и тепло.

В полдень, когда зимнее солнце посылало на землю свои скупые лучи, Эки, подойдя к Хоку, начинала щеко-тать его мягкими, нежными губами, шутливо бодалась и сталкивала его в колючий кустарник. Затем долго стояла, положив голову на косматую шею друга.

В эти минуты, несмотря на мороз, по всему телу Хока пробегал жар июньского солнца. От удовольствия он широко расставлял свои сильные ноги и вытягивался в струнку. Жившая по соседству веселая белочка Флюра, при виде всего этого, прыснув от смеха, быстро взбегала на самую верхушку сосны и кидалась шишками.

— Фыш-фыш! Смотрите-ка на них, разнежились длинноногие черти! Хи-хи! Фыш!.. Эй, соседи, смотрите, смотрите, что творится.

Откуда ни возьмись, подлетел старый ворон Крум. Он, важно усевшись на толстую осину и оглядев дружную парочку, неодобрительно покачал головой.

— Карр... в любую минуту жди охотников, а они любезничают... карр! Придет человек с железной палкой... карр! Не успеете глазом моргнуть, как из палки с огнем и грохотом вылетит смерть, и вы погибнете! Кар-кар! Слышите, что говорит вам старый Крум!

Но Хок и Эки даже ухом не повели на стрекотания болтливой белки и карканье Крума. Еще бы! Ведь они были не какие-нибудь жалкие кабарожки, а лоси-великаны, которые не боялись вступать в бой даже с самим «хозяином» тайги. Правда, такие кровавые схватки часто кончались плохо для обеих сторон: истекая кровью от ран, погибали и лось и медведь. Да, они были из рода великанов, населявших тайгу. Им ли быть трусливыми, подобно зайчишам! Ха!

Вдруг дуновение ветра принесло слабую струю очень неприятного запаха. Звери мгновенно повернули свои массивные головы. Они поняли: мимо идет человек.

— По ключу идет,— сообщил Хок.

— А не захочет ли он выпустить смерть из своей палки?— тревожно зашептала Эки.

— Вот уже третий снег ходит мимо. Обижаются на него лишь белки и соболи.

— Ха! А в тот раз от него пахло медвежьим мясом,— возразила Эки.

— Он смелый охотник, но нас не тронет,— с уверенностью сказал Хок.

— Надейся, надейся!— проворчала Эки.

— Вообще-то ты права. Но послушай, что я тебе расскажу о человеке. Давно это было. Много раз с того времени троелистка, повянув, уходила под снег. В эту пору я был еще совсем безрогим юнцом. Жил с нами старый Ду — мой дед. Старик много знал о человеке. Едва лишь встретив восход второго солнца, он лишился матери и попал к человеку. У человека он прожил до возраста трех трав. Однажды осенью, услышав призывный звук «Песни любви», он легко перескочил через высокую изгородь и убежал в тайгу. Много интересного рассказывал он о человеке. Было

над чем и посмеяться. А всего смешнее он рассказывал о том, как люди, выпив «бешеной воды», начинают громко кричать, прыгать, а иногда принимаются тузить друг друга не хуже наших драчунишек. Иногда, правда очень редко, дело доходит и до убийства.

— Ха! А зачем же пить такую «воду», коль она делает умного дурным?— с сомнением в голосе спросила Эки.

— Так уж заведено у них.

— Нет, мне что-то совсем непонятно и очень-очень смешно.

— Мне и самому не верилось, но ведь старый Ду не умел врать. И еще говорил, что люди бывают разные — одни добрые, другие — злые. Ведь есть же люди, которым лишь бы выпустить смерть из своей палки. Им нипочем, что ты матка стельная или лосенок годовалый. Они хуже самого кровожадного волка. А есть и такие, которые при встрече вылупят глаза и смотрят на тебя, как на божественное светило.

— Я не встречала таких,— вздохнув, прошептала Эки,— мне становится жутко при одном воспоминании о человеке... И зачем они бьют нас?.. Разве мы им мешаем жить?..

— Не мешаем, Эки, они любят наше мясо.

— Если любят мясо, то пусть бы больше разводили своих толстопуzych неуклюжих коров.

— Эх, глупенькая моя Эки, сейчас этого не жди... Может быть, когда-нибудь человек станет таким, какого мне довелось встретить... У этого человека была железная палка, но он не тронул меня. Что-то мне крикнул и помахал рукой.

— Храни его Луна и Солнце! Дай ему благополучия в его длинном жизненном пути,— тихо, с нежностью в голосе проговорила Эки.

Без приключений прошла пора осенних снегопадов. В это время особенно много охотников носится за соболем. Ни одному из них не удалось обнаружить семью Хока.

— Пронесло, слава Луне и Солнцу,— говорила Эки.

Хок снисходительно улыбнулся.

— Главное, надо уметь выбирать места жировки. Ни Луна, ни Солнце не спасут тебя, если ты не схитришь. Поняла?..

Незаметно подошло время «большого холода». В лесу

стоял треск деревьев. С шумом падала кухта. Вязкий тугой снег мешал передвигаться. Мороз леденил кровь, сжимал сердце и затруднял дыхание. В эту пору охотников почти не стало. Ходили на промысел лишь самые заядлые охотники-одиночки. Они промышляли без собак, одними ловушками, и были не опасны; их лыжи на морозе страшно скрипели, а перемерзший снег визжал так, что услышит даже сонный.

От сильного мороза звери похудели. Особенно тяжело было Эки. Она готовилась стать матерью. Хок с тревогой посматривал на опустившиеся бока своей подруги.

Наконец, позади оказалась и студеная зима, солнце стало пригревать с каждым днем все сильнее. Лесные жители с радостью встречали весну. Но эту радость у копытных омрачала одна беда: с наступлением теплых дней всегда приходит страшный враг — время настов. Рыхлый, даже метровой толщи снег им не страшен. Но на весеннем солнце снег начинает таять сверху, ночами он подмерзает, образуется ледяная корка. Далеко ли убежишь, когда эта корка режет кожу на ногах словно ножом! Вот этим-то и пользуются браконьеры для своих разбойничьих налетов на ставших беспомощными зверей.

Умудренный опытом Хок отошел со своей Эки в самые безопасные места глухого Талбагана. Он выбрал солнечную падь с зарослью тальника, тонкие ветки которого хоть и не очень вкусные, но годятся для пищи.

С каждым днем солнце припекало все сильнее и сильнее. На солнечной стороне горы стало настить.

В одном из сиверов Талбагана меж корней огромной лиственницы, сухую верхушку которой ненастье задевают косматые тучи, проснулся медведь. В берлоге стало сыро и неуютно, а на дворе светлое, яркое апрельское солнце. Звонко капали капли, слышалось пение птиц и веселый перестук дятлов... Как и всегда, медведь долго и с удовольствием прислушивался к медленно просыпавшейся природе, издававшей волнующе своеобразный шум. Весенняя тайга звала.

Для Мишки этот шум звучал призывной и сладкой музыкой. Стало нестерпимо душно в его подземелье, неудержимо потянуло вверх.

— Фу-фу! И надоела же мне эта нора, — заворчал он, — пора выходить.

Пробившись через корку обледеневшего снега, закры-

вавшего чело берлоги, он зажмурился от дневного света, с удовольствием потянулся и стал, подобно озорному щенку, кататься по снегу, радостно мурлыча одному ему известную песню. У него было такое же чувство, какое ощущает человек, попавший в добрую баню после многодневного шатания по тайге. Да и в самом деле — после такой «купки» молочного цвета таежный снег сделался грязно-серым. Но зато темно-бурая шерсть Мишкиной шубы стала пышной и чистой. На свежем воздухе сразу же захотелось есть, и он, нехотя, часто оглядываясь на свою «хижину», пошел вниз к шумливой реке.

Широкие Мишкины лапы заменяли лыжи, и он легко шел по насту, не оставляя следов. Вдруг со стороны Бирикана шальной ветерок принес запах лосей. Медведь был опытный, и он по духу определил, что здесь бык с маткой. При мысли о свеженине у Мишки потекли слюнки, и он решительно направился в их сторону.

Эки дремала в глубоком лежбище, а Хок, как всегда, охранял ее покой. Вдруг он услышал хруст сломанной ветки. Затем что-то черное промелькнуло в соседнем ельнике. Не успел Хок сделать и трех шагов, как из-за косматой ели вышел медведь и очутился в нескольких прыжках от Эки. Заметив приближающегося Хока, медведь рывкнул и широко оскалил пасть. Показались страшные белые клыки. Маленькие злые глазки под большим выпуклым лбом хищника загорелись, как пара угольков.

Эки рванулась и с испугу пробежала целый километр. Но ей было тяжело, и она, остановившись, умирая от страха, стала прислушиваться.

До нее доносились лишь глухие удары, треск сломанных молодых деревьев, гул от перевернутых полустгнивших колод, стон и грозный рев.

— О, Луна и Солнце! Помогите бедному Хоку!

Бой длился не более четверти часа, а Эки казалось, что противники дерутся бесконечно долго. Но вот после короткой паузы раздался ужасной силы удар, и сразу же наступила зловещая тишина. Прошло несколько томительных минут. От страха Эки трясло словно после продолжительного купания в ледяной воде. Из ее черных глаз потекли слезы. Вдруг она услышала знакомую поступь.

— Ой, что такое?! Это бежит Хок!.. Ну, конечно, ясно слышу его ровный размашистый бег...

Хок с шумом выскочил на полянку, где стояла Эки.

Таежный богатырь, несмотря на кровавые раны, был прекрасен. Глаза пылали неукротимым огнем, шерсть на загривке поднята дыбом, ноздри раздулись, из открытого рта падала окрашенная кровью, розоватая пена.

Хок и Эки вновь стали жить в верховьях Разведенции. Насты в эту весну были очень крепкие. В ветренные дни они вовсе не таяли. Лоси все время тревожно прислушивались к подозрительному шуму, доносившемуся со стороны тракта.

II

Ночью, под яростный лай собак, два человека, крадучись, огородами вышли за деревню. У одного из них за плечом висел обрез; на поводках они вели пару шустрых лаек, которые поминутно ворчали друг на друга. Небольшая деревушка, спрятавшаяся в пазухе безбрежной тайги, сразу скрылась от спутников за плотной стеной молодого ельника, вершины которого острыми зубцами врезались в небо. Утренняя звезда робко поблескивала над темным его горизонтом. Бледный свет, исходящий от диска Луны, борясь с таежным мраком, одевал тайгу в голубовато-пепельный цвет.

— Фу, жмея бы их жабрала, еще лают, черти! — проворчал, шепелявя, шедший впереди пожилой охотник.

— А мы, дядя Филя, как воры, по задворкам крались, вот и взбесились они, — затыгивая потуже юксы, проговорил молодой парень.

— Воры? У кого же мы воруем-то, а? Кто их, так твою так, по-твоему, выкормил? — спрашивал Филипп, по привычке пересыпая свою речь отборной бранью. Немного успокоившись, он закурил и уже довольно мирно продолжал: — Эх, Гриха, желеный ты ишо! Ушкан дикий...

Долго еще ворчал Филипп под мерный скрип охотничьих лыж.

«И черт дернул меня заговорить о ворах», — думал раздосадованный парень. Пошел он с известным на всю округу браконьером Филиппом Гунявым вовсе не потому, что уважал его как хорошего охотника. В деревне были более опытные и куда более смелые охотники, но они никогда

не промышляли по насту. Парень был еще очень молод, и его неудержимо потянуло поглядеть на таежного богатыря. Он еще ни разу не видел живого сохатого. А тайга! Как она была хороша даже сейчас, в предрассветном полумраке! Кругом тихо: все предметы выступают смутно, загадочно, как будто бы что-то таинственное, неведомое, властно наполняющее душу ожиданием чего-то неясного, большого и необыкновенно волнующего. Вот ему мерещится огромный лось, бегущий размашистой рысью: вот он остановился и стоит как вкопанный на опушке соснового бора; вот он медленно падает, сраженный пулей.

При виде таких заманчивых картин у парня радостно замирало сердце, и его все неудержимее тянуло вперед. Ускорив шаг, он наступал на лыжи Гунявого, тот оглядывался и визгливо ругался.

— Тебя жмея, што ли, укусила, ушкана дикого.

— Прости, дядя Филя, замечтался.

В ответ слышалась сначала брань, а потом слова превратились в сплошное шипение.

...Рассвело. Небо на востоке покрылось бархатным пурпуром. Утренний ветерок обдал бодрящим морозцем. Запрятавшись в глубоком снегу, речка тихо несла свои воды в озеро. На ее берегу охотники сделали короткий привал и пошли дальше.

Над вечно зеленым перевалом появилось солнце, лучи его щедро разлились по окрестным горам, вызывая радостную улыбку проснувшейся тайги. В этот торжественный час рождения нового дня далеко впереди раздался яростный лай собак.

Филипп, сбросив понягу, на бегу прохрипел:

— Жабирай ее и иди жа мной!..

Когда охотники подбежали к лосям, то увидели огромного зверя, отгоняющего от лосихи дружно нападающих собак.

Прячась за толстым стволом дерева, Гунявый приложился и выстрелил в зверя. Он высоко взметнулся вверх, как будто хотел оторваться от предательского снега и улететь. В следующий миг уже безжизненное тело лежало на окровавленном снегу.

Так закончилась жизнь храброго Хока. Из перерезанного острым ножом горла широкой струей лилась алая кровь. Ее жадно глотал Гунявый. Насытившись, он предложил товарищу:

— Пей, пока не оштыла.

Увидев забрызганное кровью лицо, Григорий с омерзением сплюнул и поспешно отвернулся.

Тишину тайги разорвал новый порыв неистового лая. Филипп схватил ружье, бросился к собакам.

— Стой, дядя, нам и этого хватит! — успел крикнуть Григорий. Но Гунявый, махнув рукой, быстро скрылся за мысом. Через некоторое время прогремел выстрел. Эхо, захлебываясь в горах, пронеслось по Разведенции и замерло где-то в Молоканах. Григорий вздрогнул и весь сжался. Неприятно и больно заняло сердце при мысли, что он участвует в отвратительном безжалостном убийстве.

Собаки злобно рвали раненную Эки. Гунявый, не торопясь, перезарядил ружье и подошел к лосихе. С псымым укором на него смотрели влажные черные глаза.

— Зырная маточка попалась, шлава богу!

Перекрестив грязный лоб, почти не целясь, выстрелил по передним лопаткам. В глазах Эки янтарного цвета ствол сосны сделался красным, затем стал темнеть, и она медленно погрузилась в крошечную тьму, где не было ни Луны, ни Солнца, которым она так доверчиво и наивно поклонялась.

Григорий подошел сначала к костру, ярко-красные языки которого жадно облизывали кусочки напизанного на рожень мяса. Затем отошел в сторону, где на снегу возле матери лежали светло-пепельного цвета, с крохотными желтенькими копытцами два лосенка.

Мутно-серые глаза Гунявого неотрывно следили за каждым движением парня. Бледное, растерянное лицо Григория яснее ясного говорило, что он раскаивается во всем сделанном. Старый браконьер ругал себя за допущенную ошибку: «Надо бы спрятать под колодой — и делу конец...» Чтобы загладить свою оплошность, он заговорил неусузнаваемо ласковым тонким голосом:

— Гриха, а матка-то зы-ы-ырная!

— А ты знал, что у нее были вот эти?

— Жнал, братуха.

— Серый волк тебе брат!

Огромный кулак Григория, описав дугу, врезался в Гунявого.

...Капельная полянка. Пара лосят, и, уткнувшись головой в снег, лежит Гунявый... Вытерев пот, прошел Гри-

горий несколько шагов в сторону деревни. Остановился. Подумав, резко повернул в сторону поселка.

— Пусть судят обоих!

Как вихрь, мчится парень к лесовозной дороге. Неотступно перед глазами пара лосят на той самой капельной полянке, где багряной осенью благородный Хок пощадил своего соперника.

НЕРПОВЩИКИ

Катушь — крошечный полуостровок, каких множество в Курбуликском заливе. Здесь, у подножия сопочки, которую местные жители именуют Коврижкой, чьи-то заботливые руки срубили деревянный барак, ставший для рыбаков и охотников надежным убежищем от непогоды и зимней стужы.

Переночевав в этом бараке, бригада нерповщиков двинулась дальше. Охотники шли за санями, разговаривали о том о сем, шутили.

— Костя, думаю, больше всех настреляет? — пробасил Прокопий, широкоплечий, кряжистый охотник.

— Не тревожь его, — вмешался в разговор Антон, — у него сейчас на уме одна лишь Ветка. Опять, говорят, она приехала на маяк к своим старикам. А до маяка-то рукой подать — три часа ходу.

Костя ничего не ответил на замечание товарищей. Он и в самом деле думал о Ветке, вернее, не столько о ней, сколько о ее отце, старом ворчуне Нилыче.

Костя хорошо знал, что пока Нилыч не изменит своего отношения к нему, нечего и думать о встречах с Веткой. Познакомился он с ней в прошлом году, вскоре после того как Ветка приехала к своим родителям на каникулы. Костя рыбачил в сетевой бригаде, недалеко от маяка, и часто встречался с Веткой. Она рассказывала ему про городскую жизнь, а он — про тайгу и море, хотя сам еще не мог называться по-настоящему ни таежником, ни моряком.

Так продолжалось до одного очень неприятного случая. Как-то раз Костя с Веткой пошли за смородиной. Спелая, крупная ягода быстро наполнила корзины, и они уже собрались было домой. Вдруг с горы кубарем скатились два маленьких медвежонка, и, не замечая людей, схватились бороться.

— Ой, какие забавные! — закричала Ветка и тут же осеклась. Из-за кедростлани с ревом выскочила медведица и, дав по одной затрещине своим шалунам, повернулась к непрошеным гостям.

Бросив корзину, Ветка с криком побежала к морю, а Костя, запустив кепкой в разъяренного зверя, кинулся следом.

Опомнились они на поляне у маяка. Костя, без кепки, с расцарапанным лицом, выглядел довольно-таки жалко. А тут, как на грех, их встретил Нилыч. Расспросив о случившемся, он сердитым взглядом окинул парня и буркнул: «Не тебе с моей дочерью ходить... трусины!»

Досталось и Ветке. «С кем дружбу водишь? Парню уже двадцать с гаком, а он все еще ничем себя не показал. Его сверстники — Вапюшка Павлов, Бато Нимаев уже помощниками бригадиров работают. Вот это орлы!»

Вскоре после этого разговора Ветка уехала в город, а Костя до сих пор думал с тоской о том случае и несправедливых оскорбительных упреках Нилыча.

Путь нерповщиков пролегал через Верхнюю Изголовь Святого Носа, где расположен маяк, и чем ближе подходили они к заветному месту, тем беспокойнее становилось Костино сердце: «Что скажет Нилыч, увидев меня в бригаде нерповщиков?»

Над бухтой, защищенной от ветра цепью гор, возвышалась крутая гора Эстонка, подле которой растянулась узкая полоска земли, застроенная большей частью новыми просторными домами. Среди них отчетливо выделялись школа, клуб, магазин и служебные помещения рыбоприемного пункта.

— Эка, разросся и похорошел Курбулик: и радио, и электричество!.. Может, заедем в магазин и пополним свои запасы? — предложил Прокопий.

— Слушай, дядя Прокопий, — спросил у бригадира Костя, когда они, прихватив в поселке все необходимое, двинулись дальше, — а во времена вашей молодости вы тоже через Курбулик ходили на нерповку?

— Нет, — нехотя ответил Прокопий.

— Брось, паря, другой дороги из нашей деревни на нерповку не было, — возразил Антон. — Чего парня путаешь?

— Чем же я путаю? — переспросил Прокопий и, обернувшись к Косте, продолжил: — Тогда, парень, и Курбулика-то не было.

— А что же тогда было?

— Покойники.

Костя не раз слышал о Покойниках, по подробной истории этого пугающего своим названием поселка не знал. На просьбу рассказать о происхождении загадочного названия Прокопий ответил:

— Я и сам толком не знаю, как и что. Слышал, что на том месте, где сейчас Курбулик, стояла небольшая землянка. Однажды сюда пришла артель рыбаков, да так и осталась. Все артельщики погибли от какой-то неведомой болезни. Вот с тех пор и называли это место Покойниками. Вокруг землянки, немой свидетельницы страшной беды, с годами стали вырастать дома, пока, наконец, не появился целый поселок. Давно это было, в те давние времена и появились у нас, на Байкале, Кресты, Крестово, Горемыка и еще много таких названий. Нет теперь ни Покойников, ни Горемыки. Все изменилось. Бывало, пойдешь вокруг Святого Носа на гребях, сколько пота прольешь! Теперь-то что: сел в моторку, и через несколько часов на месте. А сколько другой механизации придумано! — Прокопий с минуту помолчал, понукнув Савраску, продолжал: — Много у нас теперь нового, а вот нерповка какой была лет сто назад, такой и осталась. А почему?

— Трудно что-нибудь придумать?

— Придумать не трудно, — возразил Антон, — взять да и сделать бесшумный вертолет. Подлетел к лежбищу — и вали из автомата.

— Вертолет — это, может, и хорошо, — ответил Прокопий, — только я бы не согласился на такую штуку. Подлетел, выпустил из автомата очередь. Получается истребление зверя. Неинтересно. Другое дело, когда подкрадываешься, переживаешь...

— Скоро ли будем на месте? — нетерпеливо спросил Костя. — На этом «монгольчике» когда доплетемся? Не могли попросить у начальника коня посильней...

— Ничего, я вижу, ты не смыслишь в нашем деле, мо-

локосос ты еще,— с усмешкой сказал Аптон.— Круный конь на нерповку не годится, если провалится, его сам черт не вытащит, а нашего Савраску один добрый мужик выдернет. Эх ты, нерповщик!

Незаметно охотники подъехали к Верхней Изголови Святого Носа, где Курбуликский залив раздается вширь и постепенно переходит в море.

Трудно представить себе более великолепный и своеобразный своей дикой первозданной красотой уголок Байкала. Небольшая каменистая площадка с трех сторон окружена морем, а с четвертой ограничивается крутой скалистой горой, покрытой корявым листвяком, мхом и баданом. По крутому склону горы, будто отара овец на выпасе, — огромные валуны, промеж которых буйно растет черная смородина.

Здесь-то, на мысу, и проживали горбоносый усатый Нилыч и его жена Сидоровна, к ним из Улан-Удэ на каникулы приезжала дочь-студентка, синеглазая, веселая Веда, которую ребята из сетевых бригад звали просто Веткой. Гибкая и стройная, она и в самом деле напоминала тальниковую ветку.

Долгие годы прослужил Нилыч на маяке, но несколько лет назад керосиновую горелку заменили газовой, и услуги старого Нилыча стали не нужны. Тяжело переживал старик это новшество, но уехать с полюбившегося сурового мыса, покинуть любимый свой маяк он не пожелал и нанялся сторожить рыбацкие строения, снасти, бочки, соль.

Рыбачили здесь лишь в сезон подхода рыбы. Отойдет рыба, за ней улетят сизокрылые чайки, уйдут на своих быстрых мотолодках веселые рыбаки. И тогда сразу же наступает тишина — особенная, не гнетущая, не ленивая, позывающая на сон, а торжественная тишина.

Веда звала стариков в город, но Нилыч и слушать не хотел: «Нет уж, дочка, буду здесь доживать. Скоро же ты забыла, как с Онгокона на огород землю в лодке возили. А как с морем расстанусь?.. Не-е-ет, не зови...»

Веда и сама хорошо помнила, в каких мозолях были ее руки в ту весну, когда отец решил выращивать картошку на Изголови. И никогда не забудет, с каким наслаждением ели они первую картошку, выращенную на камнях.

И вот сейчас, когда наши нерповщики, переступив порог гостеприимного дома Нилыча, уселись за приземистый

стол, Сидоровна среди прочего угощения подала им дышащую паром отварную картошку.

К удивлению Кости, Нилыч, увидев его среди нерповщиков, не обратил на него никакого внимания. И только уже перед самым их отъездом в море спросил у Прокопия:

— А этот что, тоже у вас в бригаде?

— В бригаде.

— Какой из него нерповщик! — презрительно скривил старик губы. — Еще утонет, будешь отвечать.

— Бог даст; не утонет, — добродушно ответил Прокопий.

— Нилыч-то верно говорит, — поддержал хозяина Антон. — Нынче молодежь больно уж такая... умная...

— Хватит болтать, выводи коня за щель, — приказал Антону бригадир.

— Ты, Проця, все торопишься, ночевал бы у нас. Утречком-то по приморозку и коню легче, — сказал хозяин своему старому другу, но тот поблагодарил, пожал Нилычу руку и, чуть прихрамывая, пошел к морю.

За возом легко бежали привязанные к нему нерпичьи санки, по своей конструкции не похожие на обычные. Они имели низкие головки, в прорезях которых крепилось основание рамки для паруса. Задние копылья служат опорой для рук охотника, когда он, укрывшись за парусом и согнувшись, по выражению Антона, в три погибели, подкрадывается к нерпе.

Выбирая меж торосов гладкие места, бригада медленно двигалась вперед. К четырем часам нерповщики поравнялись с Малыми Черемшанами. Уже отчетливо были видны поразившие Костю своей красотой черемшанские скалы.

— Видишь, какие скалы? — спросил Прокопий у Кости. — Одна красота!

— Скалы-то вижу, а вот нерпа чего-то не попадает.

— А здесь в этом году ты ее и не увидишь. Вот отыщем курбуликский лед, там и зверь будет.

— Курбуликский? — недоуменно переспросил Костя. — Откуда же ему здесь быть?

— Откуда? А вот слушай, откуда. Видишь — кругом тороса. Смекаешь, какие толстые льдины наворочало? Значит, торосы образовались поздней зимой, в крепкие морозы, и в них нерпа не живет. Она гнездится в торосах, набитых во время морестава. В Курбуликском заливе мо-

рестав, как ты знаешь, бывает в ноябре. Нерпа задолго до этого появляется там и начинает пошаливать: у одного рыбака сеть запутает, порвет, а то сама задушится в снастях, другому еще какую-нибудь каверзу учинит. И много ее бывает, по нескольку тысяч в ургане.

— А что такое урган?

— Если хочешь слушать, не перебивай. Урган — это большое стадо нерпы. Понял? Так вот, в ноябре, значит, залив покрывается тонким слоем льда, и нерпы на нем черным-черно. А потом, понимаешь ли, начинаются ветры, лед разбивает на куски и вместе с «пассажирами» выносит в открытое море. Ох и любит же нерпа покататься на ледяных «плотах»! Палкой не прогонишь, честное слово. А как почувствует голод — ныряет в морскую пучину, там ей еды хватает. Одна голомянка чего стоит! Во рту тает, как мороженое, ни косточки, один жир. Нырнет она, значит, наестся и снова взбирается на свое «судно». И плывет, куда ветер гонит. А льдины все время кружатся, трутся друг о друга и от этого округляются, становятся похожими на огромные тарелки. Во время морестава он так и замерзает в виде тарелок. Вот такой лед с тонким тороском мы и ищем. Найдем — значит с нерпой будем.

— А чего его искать-то! — радостно воскликнул Антон. — Вот он, голубчик, начинается! Видите, сколько тарелочника. А тороски самые перпичьи...

Антон не ошибся. Охотники действительно незаметно добрались до места, которое по всем признакам сулило хорошую добычу. Это было против Больших Черемшан, километрах в двадцати от берега.

Охотники быстро натянули палатку и затопили железную печку. Рядом с палаткой потрескивал веселый огонек. На треногом березовом тагане висели котлы, в которых уже кипели уха и чай. Запахло дымом, конским навозом и терпкой махорочной гарью. Далеко в море виднелась черновина — табор неизвестных нерповщиков. Оттуда слышалась частая ружейная стрельба.

— Заморцы пристреливают ружья. Нам тоже надо заняться этим делом, а то будешь мимо пулять, — озабоченно посматривая на новенькие карабины, проговорил Прокопий.

— Мы же их на берегу пристреляли, к чему заряды тратить, — несмело возразил Костя.

Мужики посмеялись, а Костя, недоумевающе пожимая

плечами, стал чистить ружье. Затем Прокопий приказал ему надеть волосяные наколенники, халат, на шапку — белый колпак. На раму натянули белый парусок, и Прокопий показал, как делать скрадки.

— Сначала, когда еще до нерпы далеко, можно идти на ногах, затем, по мере приближения, спускай рамку и двигайся на коленях. Ты спрашивал, зачем нужны наколенники, а вот попробуй-ка без них ползти по колючему шаху. Ну да ладно, сам поймешь. Слушай дальше. Когда к нерпе еще ближе подкрадешься, то рамку спускай до предела, закрепляй намертво и продолжай ползти по-пластунски, и зорко следи за зверем через смотровую щель. Видишь, она в паруске. Подходи обязательно с подветренной стороны, нерпа всегда больше боится человеческого духа, и не забудь, чтобы солнце падало на парусок, старайся скрадку проводить из-за тороса. Понял?

Внимательно выслушав бригадира, Костя взял карабин и толкнул перед собой санки, собираясь тренироваться.

— Стой, паря, почему очки снял? Это тебе не в деревне за девчонками бегать. Здесь без них можно за один день ослепнуть, — сказал ему Антон.

Костя нехотя достал из футляра с дымчатыми стеклами очки, к которым никак не мог привыкнуть, надел их и взглянул на Прокопия, который одобрительно заметил:

— Да ты теперь похож на морского охотника. Пожалуй, даже и Ветка бы не узнала тебя, — пошутил он. — Кудри-то спрячь под шапку, нерпу ими не завлечешь, она умнее некоторых девчат. Вот теперь ты в полном облачении нерповщика. Сделай-ка мне скрадку. Да с санками-то смелее обращайся, чтоб они в руках твоих, как балалайка, играли. Ох, какой же ты неуклюжий...

Когда Костя достаточно наползался, Прокопий заставил его лежа, из-за паруска, определить расстояние до торосины, которая острым треугольником торчала над поверхностью льда. Косте показалось, что до нее не более пятидесяти метров. Прокопий покачал головой, а Антон презрительно бросил:

— Тебе в реке сорожку бармашить, а не нерповать. Ну-ка, смерть шагами.

Костя прошагал до торосины, вернулся и удрученно буркнул:

— Двести восемьдесят получилось... моих шагов.

— Ничего, научишься, не унывай только, — подбодрил его Прокопий.

На коротенькой чурке начертили углем круг размером с нерпичью голову, а в центре черное пятно. Отнесли ее метров на сто и начали пристрелку.

«Промазал», — мелькнула у Кости горькая мысль, когда они подошли к чурке после выстрела. Пуля вошла в дерево гораздо выше пятна. Второй и третий выстрелы не изменили положения. Пули одна возле другой легли в ряд.

— Что за чертовщина, подменили ружье, что ли? Ведь на берегу же точно в пятно попадал! — воскликнул ошеломленный парень.

— Я что говорил тебе! — воскликнул Прокопий. — Стрельба на льду это тебе не стрельба на земле. Здесь требуется точный глазомер, отличная стрельба, большая выдержка, — загибая свои толстые пальцы, повторял бывший снайпер. — А ты, может, слышал про Никифоровича. Он, бедняга, весновок десять ходил нерповать и за все время, наверное, с десятков нерп добыл. Вот он мне и жаловался: «Подкрадусь к нерпе, взгляну в смотровую щель, а там вместо одной лежат целых три — одна на другой. Вот и гадай, в какую из них стрелять. Стрельну в нижнюю — мимо; подкрадусь в следующую скрадку к другой нерпе — опять вместо одной три, стреляю в этот раз в среднюю — снова мимо. Рассержусь и убегаю на берег к старухе. Санки отдаю ребятишкам кататься, а парусок — на простынь. Приходит весна, а меня снутри какой-то червяк точит. Значит, снова потянуло в море». Да, нашего брата море всегда зовет, скучно без него, — закончил Прокопий.

Затем, взяв из рук Кости карабин, он внимательно осмотрел его и успокоил парня:

— Ничего, я налажу ружьишко, будет бить так, что хоть в копейку стреляй — не промажешь.

Вышли на промысел утром, когда лучи солнца ласково пригрели гладь Байкала и дали воспламенились сиренево-синим маревом. Громады гор, словно ожерелье из драгоценных камней, окружали море. Все это великолепие вызывало восхищение не только у Кости, но и у бывалых охотников.

Первым вернулся в табор Антон. Он убил большого аргала¹. Затем, усталый, пришелся Прокопий. Его тро-

¹ А р г а л — самец.

фей — крупная матка и два нерценка. Костя вернулся, когда у палатки уже весело горел костер и вкусно пахло шашлыком.

— Садись, Костюха, ешь свеженину, не хуже иной барины, — необычайно ласково встретил Костю Прокопий.

«Странное дело, а про нерпу и не спрашивает. Сами вон сколько набили. Повезло».

Антон отложил жирный кусок мяса, взял бинокль, поднес его к глазам и повернулся в ту сторону, откуда только что пришел Костя.

— Так я и знал, — серьезным тоном проговорил Антон, не выпуская бинокля, — собрание, как у нас в колхозе.

— Какое собрание?

— Нерпичье. Обсуждают Костину халатность. Говорят, сколько живем на свете, а такого мазилу не видели. Сами, говорят, грудь подставляем, а он все мимо и мимо.

— Не смейся, дядя Антон, как бы тебя нерпы не стали обсуждать, — обидчиво пробурчал Костя.

— А меня за что?

— Есть за что, — вмешался Прокопий, — сколько ты сегодня выстрелов сделал?

— Я никогда не считаю.

— А я считал... Шесть выстрелов, а принес одного аргала. Ты, Костя, не горюй. Первый раз с любым так бывает. Завтра со мной пойдешь на пару. На Савраске поедem.

...Над ледяной поверхностью Байкала тишина. Лавируя между торосами, едут на шустром Савраске Костя и Прокопий.

— Стой, Костя, — всматриваясь в бинокль, обронил Прокопий. — Давай быстро санки. Видишь?

Впереди на солидном расстоянии, распластавшись на льду, лежала нерпа. Быстро натянув паруски и укрывшись за ними, охотники начали скрадывать зверя. Умный Савраска остался за высоким торосом ожидать своих хозяев.

Осторожный зверь часто поднимал свою круглую лоснящуюся голову, но, не заметив ничего подозрительного, снова опускал ее. Да и трудно было что-либо заметить. Парус, сливаясь с белоснежной поверхностью Байкала, хорошо маскировал людей, а опытный Прокопий так ловко вел скрадывание, что зверь не подозревал ни о какой опасности.

— Подкрадываться надо как можно ближе, — шепнул Прокопий, — пока не заметишь усов, не стреляй.

«Вот это ново,— подумал про себя Костя,— а я вчера напил и никаких усов не разбираю, была бы туша видна».

Последние метры зверобой поползли на животе. Косте показалось, что он даже не дышит, он отчетливо слышал биение своего сердца. Когда до зверя оставалось совсем близко, Прокопий дал Косте успокоиться и еще раз повторил необходимые наставления.

— Дядя Прокопий, дай я выстрелю,— тихо, одними губами прошептал Костя.

— А усы видишь?

— Вижу.

— Стреляй, а я буду наготове... Дуй! — Прокопий ободряюще мотнул головой и улыбнулся.

Грянул выстрел. Костя, не ожидая команды, схватив свой моногой¹, выскочил из-за паруска и стремительно помчался к зверю. Добежав до места, он в нерешительности остановился: рядом с убитой нерпой, закрывшей своим большим жирным телом вход в подводное царство, пугливо прижимаясь к судорожно вздрагивающему боку матери, вертелся маленький нерпенок. Из огромных черных глаз крупными каплями текли слезы. Молодой охотник смущенный отступил назад. Подоспевший в эту минуту Прокопий вонзил свой острый моногой в бок нерпенка.

— Зачем?! — успел только крикнуть Костя. — Надо бы живьем взять.

— Живым взять кумуткана² ничего не стоит, но нам некогда возиться с ним.

После первой совместной охоты Костя еще несколько раз выходил на охоту в паре с Прокопием, а затем стал промыслять самостоятельно. Ежедневно на горьком опыте он познавал все тонкости морской охоты. За день он делал до десяти скрадок, но убивал не более одного-двух заснавшихся зверей.

Согревшись под лучами весеннего солнца, сладко спит серебристый зверь, но его начинают долекать блохи. Он неуклюже царапается передними лапами, но это не помогает, тело нестерпимо зудится, он поднимает голову, лениво обводит опухшими от сна глазами знакомую окрестность — опасности не предвидится: довольный бытием, не

¹ М о н о г о й — пика, которой колят нерпу.

² К у м у т к а н — нерпенок (детеныш тюленя).

торопясь, ложится на спину и начинает царапаться о шершавый лед, тяжело пыхтя, поворачивается с боку на бок, громко выпускает «порченный воздух». Последнее смешит молодого охотника, и, чтоб не расхохотаться, Костя до боли кусает себе руку. Зверь снова поднимает голову, но успокаивается. Костя в это время трясется как в лихорадке, ему кажется, что он разбудил зверя, а поэтому, поспешно протолкнув в смотровую щель карабин, почти не целясь, нажимает на курок. Нерпа мгновенно исчезает.

Чувствуя беспокойство Кости, Прокопий чем мог помогал ему. Его советы молодой охотник не запоминал, а впитывал в себя. К концу нерповки он добывал уже не меньше Антона, но до Прокопия было еще далеко. Мазать стал он теперь меньше, но стрелять в малюсеньких плаксивых нерпят так и не отваживался.

Однажды как-то скрадывал он матку с кумутканом. Осторожная мать, заметив приближение врага, толкнула носом нерпенка и мгновенно скрылась подо льдом. Но, находясь во власти сладкого сна, нерпенок и не собирался покидать насиженное место. И тут удивленный Костя вдруг услышал «му-у-у». «Что за чертовщина, — подумал он, — откуда здесь коровы взялись». Мычание повторилось. И вдруг он увидел в гнездовой дыре голову нерпы, затем и тушу. Быстро очутившись на льду, она столкнула лентя в воду. Тут только Костя спохватился и выстрелил. Жирная туша растянулась на льду, а нерпенок уже плавал в родной стихии, где ему ничто не угрожало.

— Ну и чудак же ты, — осуждающе покачал головой Антон, когда Костя в палатке рассказал товарищам эту историю. — Да я одним выстрелом прихлопнул бы и матку и кумуткана... Эх ты!..

— Что «эх ты», — вступился за Костю Прокопий, — упустил, конечно, жалко. Но и без этого он сегодня привез уже двадцатую нерпу. На этом мы, пожалуй, будем закругляться. Завтра в обратный путь. Хорошо ты нерповал, Костя. Поздравляю. Не то что Антон.

— Да я ведь не меньше! — опешил Антон.

— Не меньше — точно, — согласился Прокопий. — Но для бывалого нерповщика — мало. Подумай об этом, Антон. Три раза ездил сдавать нерпу и все три раза приезжал пьяным, да еще сюда везешь. Что, даром тебе там водку дают?.. Продаешь жир на сторону... Ох, худо это... Ту водку,

которую привез вчера, не вздумай пить. В дороге она нам пригодится, сам знаешь...

— И в рот не возьму... ей-богу, будь уверен.

— Вот и хорошо. Домой приедем — выпьем. Все же мы хорошо промышляли, добыли сто три нерпы, да к тому же больше половины из них — крупные.

Пока собирались в путь, Костя успел еще раза два сходить на охоту и оба раза возвращался с добычей. Теперь на его счету уже было двадцать три убитых нерпы.

Выехали на рассвете. По шаху сани катились легко. Несмотря на тридцатипудовый груз, Савраска бодро семенил к берегу, предчувствуя теплую конюшню и заботливые руки колхозного конюха Евсевича.

Шли по направлению Верхнего Изголовья Святого Носа. Мыс с каждым часом становился все заметнее, уже четко выделялся белый щит маяка.

Впереди, держа под уздцы Савраску, вышагивал Антон, сзади за возом шли Прокопий и Костя. Увлечшись беседой, они не следили за направлением пути, целиком доверив это Антону. Вдруг рядом что-то хрустнуло, и подскокившие охотники увидели Савраску по брюхо в воде. Быстро распрягли воз и вытащили испуганную лошадь на лед.

Прокопий огляделся вокруг, и его всегда спокойное лицо сделалось мрачным и злым.

— Ты куда это заехал на черный лед, — набросился он на Антона. — Глаз нету, что ли?

— Дядя Прокопий, смотри-ка у него и в самом деле нет глаз, они у него посоловели.

— Вот это здорово! Да когда ты успел?

— Да я совсем трезвый, — оправдывался Антон. — Честное слово, за всю дорогу раза два глотнул... зазнобило что-то...

— Зазнобило... вот теперь отогревайся. Отсюда выбраться — надо пуд соли съесть.

Охотники и в самом деле оказались в тяжелом положении. Впереди лежала темная полоса льда, за которой отчетливо виден был маяк Нилыча.

Прокопий осмотрелся. До берега было не так уж и далеко, но черный, состоявший из одного тонкого игольника лед не предвещал ничего доброго.

— Может, вернуться назад и отыскать более надежный путь? — спросил своих спутников бригадир.

— Я думаю, пробьемся, — не очень уверенно вставил Костя.

— Может быть, и пробьемся, — перешитительно, с сознанием своей вины, поддержал Антон. — До маяка-то рукой подать.

Прокопий не стал возражать, и сани двинулись дальше. Приходилось все время выбирать полосы белого льда, похожего на булыжник. Такой лед нерповщики называют «железняком», он гораздо крепче черного. Но полосы льда перемежались, и нерповщикам невольно приходилось выезжать на черный, а поэтому лошадь проваливалась и приходилось то и дело распрягать и вытаскивать ее из ледяной воды. Наконец, охотники так умаялись, что нерп оставили на льду, Савраску погрузили на сани, а сами впряглись в оглобли. Но остановки и после этого не уменьшились. С каждым шагом становилось все труднее и труднее. Первым выдохся Антон.

— Не могу, паря, больше идти, хоть убей...

— Не можешь, а... — Прокопий не закончил фразу, взглянул перед собой и мгновенно утих.

Идти было некуда. Широкая полоса воды преградила им путь к берегу. Внезапно подул резкий холодный ветер. Сумерки сгущались каждое мгновение. Через несколько минут темная гладь воды слилась с черным покрывалом неба.

— Давайте оттянем назад сани, вои к той торосине. Здесь оставаться опасно.

Но оттянуть сани оказалось делом нелегким. Что ни шаг, кто-нибудь проваливался, кое-как выбравшись, отползал в сторону. Приходилось поминутно менять направление.

— Ладно, хватит, — распорядился Прокопий. — Будем ждать утра здесь. А завтра, может быть, заметят нас с маяка.

Ветер кренчал, увеличивая зыбь. Появились белые гребешки, которые заплескивались на лед и, зловеще шипя, скатывались назад.

Вдруг охотники почувствовали качку.

— Оторвало льдину! Кажется, нас несет в море, — с тревогой в голосе сообщил товарищам Прокопий.

— Что же делать, дядя Прокопий?

— Надо попадать на берег за лодкой.

— Я попробую.

— Ты еще салага! Утонешь... Антону это дело сподручней.

— Мне еще не надоело жить, плывите сами, — отрезал Антон.

Прокопий гневно вздохнул. Еле слышно выругался. До Костиного слуха долетели слова, по которым он понял, что бывший снайпер прокликает войну и искалеченную правую руку.

Рядом раскачивалась небольшая льдина, способная поднять одного человека. Костя быстро вынул из кармана Веткины письма, комсомольский билет, записную книжку и сунул их Прокопию. Затем, схватив свой моногой, перепрыгнул на льдину и решительно оттолкнулся. От резкого движения льдина накренилась, и набежавшая волна обожгла его ноги холодом.

— Держись, Костя! Это от толчка, гребни ровно, а я буду стрелять, может, услышат.

Оплотина, как норовистая лошадь, старалась сбросить смельчака, но пловец упорно гнал ее к берегу. Порой Косте казалось, что льдина не движется, а руки скоро отвалятся от непосильной работы. «Останавливаться нельзя. Тогда всем нам крышка... Нет-нет, надо выжить!»

Позади слышались выстрелы. Ветер налетал резкими порывами. Как будто кто-то огромными пригоршнями кидал в Костю комья тугого воздуха. А волны в ночной тьме походили на сказочных китов. Они легко и ловко подставляли свои спины; подержав льдину какое-то мгновение, кидали ее вниз, в черное провалище.

Взглянув на берег, Костя заметил огонек. Он часто передвигался: «Значит, кто-то мечется по берегу... Жми, Костя, жми!.. Это, наверное, Веда!» — лихорадочно неслись обрывки мыслей.

А волны уже начали перекатываться через льдину, вот-вот смоют Костю в бурлящую воду. Но льдина стукнулась обо что-то твердое и раскололась на части. Парень с испугу сделал несколько судорожных движений и оказался по пояс в воде. Только теперь он услышал знакомый голос. «Это же Ветка!» — мелькнула мысль, теплая волна влила в Костю силу и стойкость.

— Здесь я! — ответил он.

— Костя, ты?! — всхлипывая переспросила девушка.

— Я, я... Ветка!.. — сквозь сжатые челюсти ответил Костя и, упав, пополз по скользким прибрежным камням.

Леденящая вода сковала его сильное тело, руки и ноги отказывались подчиняться, и он наверняка захлебнулся бы, но на помощь пришла Ветка. С большим трудом вытянула его на берег, подхватив под руку, повела на маяк, но Костя запротестовал:

— Лодку... лодку подай... утонут.

— Одна не могу столкнуть... я бы давно...

— А старики-то где?

— Уехали в гости.

— Вдвоем столкнем?

— Столкнем. Пошли. Сначала переоденься.

Через час со льдины заметили приближающуюся лодку. Четкие, упругие гребки. Так гребут лишь рыбаки Байкала. На корме мелькал белый платок.

— Костя в гребях сидит, а Ветка правит, — проговорил хриплым спокойным голосом Прокопий.

Антон молча курил. Затем резким движением бросил окурок в воду.

— Прокоп, пропади со своей нерповкой, сроду больше не пойду в море.

— Я и так знаю. Таких, как ты, на один раз хватает... Ты еще смерти-то в глаза ни разу не смотрел... От души богу не молился.

Лодка с хрустом врезалась в кромку льда.

Погрузив вещи, охотники отчалили. Савраска, поняв ужас своего положения, заржал жалобным, протяжным голосом и опустил голову.

— Вы что делаете? Целая доска запасу, а коня на гибель бросили, — запротестовал Костя.

— Парень-то прав, табань¹, Антон! Табань говорю!..

— Сдурели, себя не жалеете, — плаксиво тянул Антон.

Когда лодка вернулась к кромке льда, Савраска, осторожно ступая по доске, спустился в лодку.

Больше ничего особенного с нашими охотниками не приключилось, и мне приходится ставить на этом точку.

¹ Табань, табанить — грести в обратную сторону.

В НЕМ УМИРАЕТ ТРУС

Четвертое место в палатке пустовало, наводя на людей тоску и уныние. Неприятно становится при мысли, что вот эту измятую, сырую постель придется передавать в руки матери. Я мысленно видел ее, высокую, породную, с большими испуганными глазами, которые тревожно спрашивали про сына, а затем темнели от гнева. «Самп-то небось не перетонули, бакланы несчастные».

И эти надуманные моей же фантазией слова горькой паклию ложились на сердце.

Видимо, и у товарищей моих было то же самое. Они часто вздыхали и старались не смотреть в глаза друг другу. Похудевший за эти дни Гордей переживал больше всех. Он так часто всматривался вдаль, что из воспалившихся красных глаз текли слезы.

Но с берега никто не появлялся. Торосистое ледяное поле Байкала было безлюдно, и лишь кое-где на солнце нежились жирные нерпы.

— Где же Иван, неужели утонул?

— Все может быть. Мало ли перетонуло нашего брата...

— Э-эх!..

Дней пять назад приходили на денек знакомые охотники. Предусмотрительный Гордей отправил с ними Ивана с лошадью. Он должен был сдать на приемный пункт нерпу и вернуться на табор.

В ожидании его мы запоздали с выходом на берег, а лед тем временем превратился в игольник. Так и не дождавшись, мы собрались в путь. На конные сани закатали лодку-хай-

рюзовку¹, в нее сложили десятка два нерп, палатку и прочий охотничий скарб. Ночным холодком скрепило лед, и сани, несмотря на солидный груз, легко катились по шаху².

Какой путник не торопит появления над горизонтом яркого солнца! И только мы умоляли его повременить: «Укройся, солнышко, за тучами, или покупайся подольше в утреннем прохладном тумане!»

Но, как назло, небо над белыми зубцами гольцов было безоблачно, а туман тонким слоем прижался к Одрочонке³ и как-то незаметно и быстро рассеялся. С ним рассеялись и наши надежды на пасмурную погоду.

В седловине между двумя гольцами показалось багровое солнце. Взойдя на вершину одного из них и оторвавшись от гранитного клыка, оно повисло в синем небе, расплывшись в широкой искристой улыбке, от которой нам было и горько и обидно. Под солнечными лучами лед быстро расслаб и стал зловеще шипеть и колыхаться. Этого-то мы и боялись.

Из-под ног вылетали звонкие иглы, и на их месте появлялась темная синь страшной глубины. Оглядываться назад было неприятно: по нашему следу выступала вода, покрываясь мелкой рябью, плескалась на льду.

Берег все ближе и ближе. Все отчетливее обозначались прибрежные скалы. Легкий ветерок нет-нет да закинет охапку пряного запаха весенней тайги; до слуха доносился могучий рокот Громотухи.

Хрустящий со скрежетом звук, раздавшийся позади, заставил нас оглянуться — сани врезались в ледяную кашу и скрылись под водой.

— Началось, — с досадой и тоской в голосе процедил Гордей.

— Ничего, Гордюха, мало-мало выбирать дорога надо. Не перва лед на голову!

— Ох, Дугар, не дай бог, чтобы этот лед да нам на головы.

Мы так часто проваливались, что через каждые пять-десять минут приходилось кого-нибудь вытаскивать с помощью длинной веревки.

Обессилев, сначала бросили нерпу, а затем решили

¹ Х а й р ю з о в к а — небольшая лодка, на которой байкальские рыбаки добывают хариуса.

² Ш а х — весенний лед.

³ О д р о ч о н к а — речка в Баргузинском заповеднике.

оставить и лодку с санями, чтобы завтра утром, по приморозку вытащить их на берег.

Там, где, вырвавшись из ущелья, река Большая Черемшана врезалась в море и ее буйные потоки промыли огромную полынью, зоркий Дугар различил возившегося с сетями человека.

— Эхе! Смотри! Иван-то наш рыбачит!

— Да, и в самом деле, кажется, это он...

Вдоль берега проходила щель, на наше счастье ее сжало начавшимся приливом. Мокрые, едва передвигая ноги, мы выбрались на берег.

У костра, понурив голову, сидел Иван. Гордей, рыча зверем, подошел к растерявшемуся парню:

— Р-р-рыбалкой занялся, а товарищи пусть тонут, мер-р-рзавец!

— Боялся утонуть, дядя...

— Дня три еще после твоего отъезда охотники с соседних таборов нерповали на конях и выехали, как люди, а мы ждали тебя... Дождались!

— Я же не привычный к морскому промыслу.

— Нет, ты спасал свою шкуренку. Тут дело не в привычке. Меня, паря, не проведешь...

Долго еще не мог успокоиться старый охотник.

А Дугар молча сустился у костра. Рыба на рожне зарумянилась, чай вскипел, и он пригласил нас к «столу» — огромной плите.

Поев, мы стали сушить одежду. Иван, не выдержав тягостного молчания, ушел разбирать сети.

Разговаривать никому не хотелось. Все мы еще находились во власти пережитого. Только сейчас осознали, в каком близком соседстве с нами была смерть.

— А что будет, если ночью подует ветер и унесет льды? — задал нам вопрос Гордей.

— Хм, однако, беда будет, добыча пропадет, ружья унесет...

— Да, ружья-то казенные...

— Пойдемте за ружьями, — предложил я.

— Кто-нибудь должен остаться здесь.

— А Иван-то...

— Надежда на него, как на этот лед...

— Хватит, ребята, — неожиданно обрезал Гордей. — Об Иване говорю. Молодой еще. Сгодится. Наука ему дана — и довольно. Оставайся, Дугар, ты.

Дугар энергично закрутил головой, замахал руками, заговорил, как всегда, когда волновался, на сильно ломаном русском языке:

— Нет-нет! Дугару море — родна дом! Мне коленка по морю! Мой ходить будет!

Мы с Гордеем, не выдержав, рассмеялись.

— Так и быть, «коленка по морю», пойдём. А ты, братуха, в случае чего... — карие глаза Гордея тепло и доверчиво смотрели на меня. Мне пришлось уступить Дугару.

Охотники быстро удалялись от берега. Впереди, делая зигзагами короткие перебежки, шел ловкий Дугар, а за ним вперевалку медвежеватый Гордей.

Каждый раз, когда кто-нибудь из них проваливался, у меня по коже пробегал мороз. Ощущение такое, будто бы в зимнюю стужу опускаешься в прорубь...

А над головой, как нарочно, нещадно палило полуденное солнце, с каждой минутой все более и более расслабляя лёд...

Вот черные фигурки, дойдя до лодки, повернули обратно. Но двигаются гораздо медленнее, местами ползком: видимо, лёд уже не может удержать человека. Вдруг голубой змейкой заискрилась узкая полоска воды и, быстро увеличиваясь, превратилась в широкий разнос. А Гордей с Дугаром, слившись в одну точку, застыли на месте. Ни взад, ни вперед... Жутко стало мне. В моем воображении пронеслись картины одна другой страшнее... На моих глазах понесет в море друзей, а там этот шаткий лёд рассыплется на бесчисленное множество игл, мелодичные звуки которых явятся для них похоронным звоном.

Что делать? Ни на лодке, ни пешком до них не доберешься!.. Разве что ползти по доскам... Года два назад разбило о скалу баржу. Там много досок...

Когда все было готово, ко мне подошел Иван.

— Ты куда это задумал?

— Как куда? К мужикам!

У Ивана округлились глаза. Он побледнел, потом поднял руки, словно бы отталкиваясь от меня, стал пятиться.

— Жить надоело?! — прошептал он.

— А если на наших глазах погибнут товарищи?

— Кто их туда толкал-то...

Мне очень хотелось выйти на берег и ударить его, но я спешил.

Тихо-тихо ползу вперед. Хлюнаюсь в ледяной воде. Це-

лая вечность прошла, пока я добрался до разноса, за которым, боясь шевельнуться, нахохлившись, как воробы в несчастье, сидели мои друзья.

С силой толкнул я первую доску, которая, благополучно пройдя через разнос, стукнулась о кромку льда. За ней — вторая, третья, четвертая.

— Спасибо, друг! — доносится до меня хриплый шепот Гордея. — Теперь мы поборемся еще!

Я пополз обратно.

— Стой! — крикнул Гордей что есть силы. — Сволочь! Себе пошто только одну оставил?..

До берега оставалось менее десятка метров — я вдруг с шумом ушел под лед. На счастье, ноги коснулись скользкого булыжника. Выбравшись на берег, я увидел, как мои друзья о чем-то неистово кричали, махали шапками. Они уже стояли в лодке. И мне сразу же стало так радостно, что я вмиг забыл про холод и страхи.

Утром по голубой глади Байкала к нам медленно продвигалась лодка. От вчерашнего льда не осталось и следа. Только середина моря была покрыта белесым туманом — это означало, что там плавают остатки льдов, на которых огромными урганами катаются серебристо-сизые нерпы.

Вот уже лодка совсем близко от берега. Голодные, продрогшие охотники с жадностью смотрят на покрытую сплошным булыжником, прижатую гранитной скалой к воде узкую полосу земли.

Наконец, лодка глухо стукнулась о подводный камень и, будто испугавшись чего-то, чуть вспятилась. Охотники, едва не опрокинув ее, враз выскочили на берег.

Крепко обняв меня, Гордей закрыл лицо и неуклюже опустился на отшлифованную морской волной плиту.

Я отвернулся. Мне было совестно смотреть на слезы этого сильного человека, быть может, единственный раз пробившиеся сквозь грубую душу угрюмого помора.

Вдруг я заметил мелькавшую меж кустов кедростлани синюю телогрейку Ивана. Он бежал, схватившись за голову, с искаженным от боли лицом.

— Куда ты! — и я хотел броситься за ним. Меня остановил короткий жест Дугара.

— Придет, — уверенно сказал он. — В нем трус умирает, смелость родиться хочет...

НА ОЗЕРЕ МЕДВЕЖЬЕМ

Валерка с отцом жили в лесной сторожке, на берегу озера, спрятавшегося в густой зелени хвойного леса. Место это было в стороне от тракта, лесные дороги и те проходили где-то за горой. Ничто не нарушало таежной тишины.

С юга озеро опоясывал темно-зеленый кедровник. Он был настолько густым, что даже в самые солнечные дни здесь царил полумрак.

Тишина, безлюдье и изобилие кормов привлекали сюда и птиц, и зверей. В летнюю пору здешние места походили на огромный детсад. Здесь резвились озорные медвежата, прятались влажноглазые лопухие лосята. В кустах испуганно дрожали крохотные козлята. В дуплах огромных деревьев росли-подрастали пушистые соболята, бельчата, а огромный петух-глухарь с вершины дерева следил за опасными соседями.

Любознательный и терпеливый Валерка частенько, укрывшись в кустах, наблюдал за обитателями кедровника. Постоянным спутником в его походах был смелый пес-медвежатник Абрек; с ним мальчик всюду чувствовал себя как дома.

Озеро Медвежье — богатейший водоем. Рыбы в нем — хоть ведром черпай. Есть и елец, и окунь, и золотой карась. Из ельцов и карасей варили уху, а окунь жарили на рожне.

Изредка к Валерке приезжал дед Аргал. Он учил его, как ставить сети, как починять их, где лучше добыть рыбу. Ловкий и смекалистый Валерка быстро усваивал нехитрые пре-

мудрости рыбацкого дела, а довольный дед говорил ему: «Молодец, надо с детства привыкать к любой работе».

Старый рыбак и охотник умел удивительно хорошо рассказать про тайгу. У каждого, даже самого незначительного уголка этой обширной местности, были свои названия. Например, темный кедровник за озером он называл Ирканой, а отец, работавший лесником, звал его «квадратом номер пять». И больше деда Аргала наверняка никто не знал приключений из жизни байкальских охотников и рыбаков.

Часто у костра, с вечерних сумерек до глубокой ночи, слушал Валерка дедовы рассказы про охотничьи скитания. А в это время где-то на горе кукует филин, а то громко взревет турап или грозно рявкнет медведь. Все эти звуки, нарушая ночную тишь, влетали неизъяснимую прелесть в повествования старика. Так и засыпал Валерка под плавную речь деда Аргала.

Только не любил старый таежник рассказывать людям про свою прошлую жизнь.

— Зачем тратить слова на темную ночь, когда жизнь течет при солнце, — уклонялся он от просьб Валерки рассказать про себя. А порой просто хмурился, делался замкнутым, неразговорчивым.

Но сегодня дед уступил Валерке.

— Мы с братом были сироты, — задумчиво глядя вдаль, заговорил он. — Нас подобрали богатые люди, чтоб вырастить себе работников. Мне дали имя Аргал, что означает павоз, а брату — Гулгэн, щенок. И обращались с нами тоже, как с навозом и щенком. — Тяжело вздохнув, старик нахмурился и закурил свою трубку.

— А дядя Гулгэн, говорят, был партизаном? — спросил Валерка.

— Он был смелым партизаном... Воевал с Унгерном. Потом ранили. Попал в плен. Барон выколол ему глаза, отрезал нос и уши. Пытался, видимо, выпытать у него что-то. Да разве орел выдаст своих!.. Русские братья дали ему имя Георгий, с этим именем он и погиб, — тихо закончил старик, кряхтя поднялся и ушел в сторожку.

Взволнованный Валерка по крутой тропинке сбежал на берег. Ему было горько оттого, что заставил деда вспомнить о несчастном детстве и погибшем жуткой смертью брата.

А жизнь была так прекрасна! И казалось, это о ней щебетали сидевшие на верхушках деревьев птицы. Залитая

солнечным светом поверхность озера была так зеркально прозрачна, что деловито плывшая ондатра казалась Валерке летящей по воздуху. Тенистые берега, поросшие кедровым лесом, убегая в голубую даль, раскрывали чудесную картину. Прекрасен был мир в тот летний день, и печальный рассказ деда не вязался с действительностью.

Чтоб рассеять грустное настроение, Валерка углубился в кедровник. Налетевший ветер раскачивал макушки деревьев, и они, казалось, приветливо кивали юному таежнику. Воздух был напоен сладким ароматом, исходящим от смолы кедра и ели. Стоял чудесный, солнечный август — месяц таежного изобилия: поспели ягоды, орехи. А сколько их было в тайге! Настоящего любителя природы и калачом не выманишь отсюда.

Вдруг со стороны раздался неистовый лай Абрека. Подошедший Валерка увидел на небольшой кедринке притаившегося соболя. Приглядевшись, он заметил в зубах у хищника маленькую белочку. Возмущенный Валерка с силой бросил в соболя палкой. Хищник, сжавшись в комочек, сделал стремительный прыжок и скрылся в густой хвое рядом стоявшего великана кедра. Погрозив соболю кулаком, мальчик пошел дальше.

Неожиданно перед Валеркой появился маленький юркий бурундук. Вид у зверька был крайне озабоченный. Наступила пора таежной страды: бурундук заготавливал на зиму орехи.

Вот он проворно взбежал на дерево и отгрыз несколько шишек, которые со свистом врезались в моховище. Валерка быстро собрал их и спрятал в густой листве ольхи. Бурундук спустился на землю, но, не найдя шишек, подозрительно огляделся и снова поспешил на дерево. Следующие шишки также попали в руки Валерки. На этот раз у зверька еще больше округлились его черные глазки. Они выражали удивление и гнев. Он суетливо кружился вокруг дерева, останавливался и, оглядываясь во все стороны, высматривал, куда же девались шишки. Ничего не увидев, вскочил на высокий пенек и, внимательно осмотрев окружающие деревья, крохотными передними лапками озабоченно поцарапал за ухом.

«Точно так же делает дед Аргал, когда упустит крупную рыбину», — подумал Валерка.

Это рассмешило его, и ему стоило больших усилий не прыснуть от смеха.

А полосатый «артист», повернувшись несколько раз на спине, снова уселся, потер кулачками глазастую мордочку и только теперь заметил человека. После минутного замешательства он взвизгнул и, промелькнув в воздухе, скрылся в сумраке густого кедровника. А Валерка вскочил на пенёк и по-мальчишески задорно прокричал:

— Эй-эй! Чудило, шишки-то возьми!..

Расставшись с забавным бурундуком, повеселевший Валерка побежал к воде, видневшейся сквозь ряды стройных деревьев.

По зеркальной лазури озера, клубясь, расползлся чёрный зловещий дым. А за озером, в пятом квартале, творилось что-то страшное. Огромные красавцы кедровые, охваченные пламенем, окутаны дымом, который, поднимаясь вверх, словно сажёй, пачкал синее небо. От этого белые барашки облаков сделались бурыми, а солнце багряно-красным. Сразу же повеяло прохладой. Аромат чудесного воздуха сменился запахом гари. Жутко стало Валерке. Словно чья-то огромная рука придавила его, и он растерялся перед развернувшейся картиной лесного пожара.

— Что делать?!. Отца нет дома... Бежать за дедом!

Валерка, не разбирая тропы, кинулся к сторожке.

— Дедушка, пожар!

— Где горит?

— Пятый квартал!

— Черт бы съел ваши кварталы! Какой дурак выдумал их?

— Иркана вся в дыму.

— Вот так бы и сказал! Пошли скорей.

По мере приближения к пожару воздух становился все удушливее и неподвижнее. До слуха доносился глухой грохот падающих деревьев. Дым опускался на озеро, окутывая серебристую поверхность мглой.

Через четверть часа Валерка с дедом подходили к месту пожара.

От быстрого хода старого таежника мучило удушье. Он остановился и с тревогой посмотрел куда-то в сторону.

— Валерка, нам надо задержать огонь на перешейке.

— А там что? — с тревогой спросил мальчик.

— Перейдет через перешеек, тогда будет гореть вся тайга.

Хорошо зная окрестную тайгу, Валерка сразу же оценил правильность решения деда. Небольшой участок ке-

ровника, где начался пожар, с одной стороны прилегал к озеру, другой — граничил с калтусом. Только узкий перешеек соединял его с остальной тайгой.

Вот на этом коротком рубеже дед с внуком и должны были дать отпор страшному врагу.

Пока огонь движется до перешейка, им нужно будет прорубить просеку и прорыть полосу до почвы.

Дед рубил, а Валерка копал полосу, убирав толстый слой хвоя, шишек, веток, перегноя. Весь этот хлам был хорошей пищей для огня.

А пожар подвигался все ближе и ближе. Прорубая просеку, старик далеко ушел вперед.

Руки у Валерки нестерпимо ныли, во рту пересохло, от горячего воздуха гудело в ушах и кружилась голова. Но мальчик подбадривал себя: «Нужно успеть преградить путь огню, иначе погибнут озорные медвежата, сгорят забавные лосята, козлята, бельчата... Нужно, обязательно нужно...»

Валерке казалось, что они работают очень долго.

«Когда же кончится перешеек, какой он широкий...»

Наконец вернулся дед и в изнеможении опустился прямо на сырую землю.

— Где моя лопата?

— Сейчас, дедушка, принесу.

Клубы дыма становились все темнее и темнее. Пламя приближалось к тому месту, где упорно трудились два человека.

До калтуса оставалось не более десяти метров, когда дед с тревогой оглянулся назад.

— Валерка, ты теперь один справишься, а я пойду проверять. Чего доброго огонь может перейти через нашу просеку.

— Иди, дедушка.

На глазах Валерки дед нырнул в искрящийся дым и исчез, словно испарился.

Глаза слезились, Валерке хотелось пить. Пить... хотя бы каплю холодной воды.

Дождь горячих искр свирепствовал теперь уже почти над Валеркиной головой. Пламя жгло, и гарь выжимала слезы из глаз, но Валерка не бросал лопату.

Наконец перешеек закончился и уперся в калтус. Валерка дошел до высокой кочки, из которой росла чахлая березка, и, обняв ее, упал на мокрую траву.

Тело у Валерки пыло, и шея горела от ожога.

— Все!.. Все!.. Кажется, спасли кедровник... Где же дед?

Валерка вскочил и почти на ощупь, спотыкаясь, пошел по просеке, прорубленной дедом. Ему казалось, что даже земля изрыгает желтый, удушливый дым, от которого тошнило и кружилась голова. И вдруг он заметил лежавшего ничком деда. Валерку охватил ужас.

— Дедушка! Дедушка!.. Что ты молчишь? — закричал мальчик и потряс за плечо потерявшего сознание старика.

Дед застонал и попросил воды. Валерка бросился к озеру. Зачерпнув кепкой воды, он вернулся к деду. Старик облегченно вздохнул и приподнял голову.

— Что с тобой, дед?

— Ударило чем-то по голове. Пройдет... — Старик долго сидел с закрытыми глазами. Затем, с трудом поднявшись, поддерживаемый Валеркой, словно пьяный, поплелся к воде. Утолив жажду и умывшись, они отошли в сторону и присели на мягкий сырой мох.

Огонь, дойдя до просеки, сердито загудел, но было заметно, что он уже потерял силу.

Наступила ночь. Подул «верховик» и погнал дым к озеру. Зарево пожара освещало всю окрестность. Было светло, словно на вечерней зорьке, когда дневной свет борется с наступающей ночной мглой.

Вдруг до слуха донеслись людские голоса. Прислушавшись, мальчик узнал знакомый голос отца.

— Папа идет!.. И еще кто-то!..

— Слава богу, свое дело мы сделали, — довольным голосом проговорил дед и, закулив трубку, принял важный вид.

— Папа, мы здесь!.. Сюда идите!

— Вот они где притаились! — радостно воскликнул отец и подскочил к поднимающемуся Валерке. Его суровое лицо сияло веселой улыбкой.

— Живы, здоровы! — взглянув на широкую просеку, очищенную от хлама, он покачал головой и развел руками. — Ох и молодцы вы у меня!

Оставив одного из своих готовить ужин, лесники ушли гасить пожар.

После ужина, когда Валерка, завернувшись в старую шинель отца, смотрел в сторону пожара, его сердце наполнилось радостной гордостью за деда и за себя. Это они

спасли от гибели много-много тысяч деревьев, спасли малюсеньких, глупых и беспомощных зверят и пичужек. Глубоко вздохнув, он посмотрел на деда, задумчиво сидевшего у костра.

— Дедушка.

— Что, внучек?

— Я тебя больше не буду звать Аргалом... Я думал, это имя, а оказывается... Лучше буду звать Андреем... Дедушка Андрей.

— Не нужно, внучек я уже привык носить это имя... Аргал — навоз, Гулгэн — щенок — такие имена давали детям бедняков давным-давно, еще при царе... Пусть мое имя остается горькой памятью о далеком прошлом нашей Родины... Спи, внучек.

Валерка хотел возразить, но на него навалилась непреодолимая дрема, и он вдруг оказался в огненно-красной лодке, плывущей по искрящемуся дыму...

Так и уплыл наш Валерка в волшебный мир снов.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово об авторе 5

ПОВЕСТИ

Снежный обвал 13

Моя Малютка-Марикан 76

РАССКАЗЫ

Преступление в тайге 137

Перповщики 146

В нем умирает трус 163

На озере Медвежьем 168

Михаил Ильич Жигжитов

СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ

Художник Б. П. ПАШКОВ

Редактор Е. И. ИМБОВИЦ

Худож. редактор Э. А. РОЗЕН

Технич. редактор Н. П. КОРОБКОВА

Корректор Л. В. ЧЕКАЛОВА

Сдано в набор 4/IV-1967 г. Подписано к печати 11/VII-1967 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂ д. л. Физ. печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24.
Уч.-изд. л. 8,9. Изд. шд. ЛХ-160. А03590. Тираж 50 000 экз.
Цена 27 коп. в обложке, 45 коп. в пер. № 6.

Издательство «Советская.Россия». Москва, проезд Сапунова,
13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Мо-
сковской области, Школьная, 25. Заказ № 349.

Цена 27 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ